

*Посвящается памяти
моего первого духовного наставника
схиигумена Феодосия (Ложкина)*

Игумен Нестор
(Ложкин, в схиме Феодосий; 1933–2011)

Сергей Шумило

В КАТАКОМБАХ

Православное подполье в СССР

*Конспект по истории
Истинно-Православной Церкви в СССР*

Терен
Луцк – 2011

УДК 94(4)“19”
ББК 63.3(2)6
Ш 96

Научный редактор:

Ткаченко В. В., доктор исторических наук, профессор

Шумило С. В. В катакомбах. Православное подполье в СССР. Конспект по истории Истинно-Православной Церкви в СССР. – Луцк: Терен, 2011. – 272 с.

Книга посвящена драматической и малоисследованной теме – гонениям на Православную Церковь и формированию православного подполья в СССР. Автор анализирует причины ухода части православного епископата, духовенства и верующих в подполье (катакомбы), а также возникновения в СССР Истинно-Православной Церкви (известной как «Катакомбная Церковь»), просуществовавшей на нелегальном положении вплоть до крушения коммунистического режима.

Основой книги стали воспоминания очевидцев, авторские наблюдения и публикации ведущих исследователей этой темы. Использование автором не публиковавшихся ранее свидетельств последователей ИПЦ-ИПХ делают работу особо актуальной и познавательной.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на тех, кто интересуется церковной историей.

*Автор выражает искреннюю признательность
за финансовую помощь в издании книги*

Сугоняко Александру Анатоліевичу

ISBN 978-966-2276-52-7

© Шумило С. В., 2011

Уважаемый читатель!

Перед Вами книга о драматической и в то же время малоисследованной странице истории Православия в XX веке. Книга о гонениях на веру, о тяжелых судьбах исповедников и мучеников христианских, о трагической и одновременно героической истории Катакомбной Церкви в СССР, о ее пастырях и верных.

Эта работа – одна из попыток внести лепту в сохранение и восстановление памяти о тысячах православных христиан, пострадавших за веру от богоборческого коммунистического режима.

Не претендуя на всесторонность и завершенность, работа сознательно названа «Конспект по истории...». В ней, по мере возможности, законспектированы воспоминания очевидцев, авторские наблюдения, а также труды других исследователей, работавших над этой темой. Выводы автора здесь сознательно сведены до минимума, дабы читатель мог самостоятельно разобраться в происходивших событиях.

Надеюсь, этот «Конспект» хоть частично поможет другим исследователям в дальнейшем написать более полную и всеобъемлющую историю православного подполья в СССР, историю тайного служения Катакомбной Церкви, ее исповедников и мучеников. Эти нераскрытые страницы нашей истории до сих пор таятся под спудом, оставаясь малодоступными и малоизвестными. Понадобятся годы, новые и новые исследования, чтобы во всей полноте раскрылась перед нами столь богатая событиями, подвигами и страданиями история Катакомбной Церкви.

К реализации идеи написания этого «Конспекта» я шел около 20 лет. Знакомства с катакомбными исповедниками, их воспоминания и свидетельства вдохновляли меня все эти годы.

Еще до окончательного распада СССР мне посчастливилось быть сопричастным к катакомбным богослужениям ИПЦ. Этот опыт катакомбного окормления отложился в моих памяти и сердце на всю жизнь.

Путешествуя по «катакомбам», беседуя с катакомбными исповедниками, от многих из них мне доводилось слышать: «Сынок, мы уже старые, скоро помрем. Ты молодой, записывай, чтобы сохранилась память о страданиях и хранении веры в годы гонений». Это духовное завещание катакомбных старцев и стариц я и пытаюсь исполнить по мере сил.

Долг нашего поколения – восстановить память об этих удивительных людях, героях веры, исповедниках и мучениках Христовых, до конца прошедших «огонь и воду» атеистического ада, но так и не принявших соглашательства с богоборчеством, не пошедших на служение ему, сохранивших в «катакомбах» веру и духовную традицию в чистоте и непорочности.

Пользуясь случаем, хочу выразить сердечную признательность катакомбным пастырям, монашествующим и мирянам, с ранних лет приобщавшим меня к наследию Катакомбной Церкви и делившимися со мною своими воспоминаниями. Выражаю искреннюю благодарность Виталию Викторовичу Шумило, без помощи которого невозможно было бы написание этой работы, а также Льву Львовичу Регельсону, Владимиру Владимировичу Ткаченко, Александру Анатолиевичу Сугоняко и всем, кто словом и делом помогал в подготовке и издании этой книги.

Буду также признателен читателям за критику и отзывы. И надеюсь, что этот «Конспект» послужит подспорьем для новых исследований и трудов, проливающих свет на «белые пятна» истории тайного служения и хранения верности Христу в антихристианском государстве.

С искренним уважением
Сергей Шумило

В катакомбах

*Конспект по истории
Истинно-Православной Церкви в СССР*

*«Я чую близость времен,
когда христиане будут опять
собираться на молитву в катакомбах,
потому что вера будет гонима...
Разве ты не видишь, кто надвигается?
Я вижу, давно вижу!..»*
Владимир Соловьев, июнь 1900 г.¹

1. Гонения на Церковь после 1917 г. Патриарх Тихон и борьба за православие

1917 год был поворотным в истории Православной Русской Церкви. Коммунистический режим, установленный в России в результате октябрьского переворота, ставил своей целью полное искоренение православной веры в душе и памяти народной. По Церкви, в корне противоречившей своим вероучением марксистско-ленинской богоборческой идеологии, меч репрессивного аппарата новоявленного тоталитарного режима ударил одним из первых. Везде, где власть захватывали большевики, начинались небывалая антирелигиозная истерия и гонения, осквернения и разрушения храмов и святынь, аресты и расстрелы священников и епископов.

Еще в первые дни революции и гражданской войны, 2/15 ноября 1917 г., когда на улицах Москвы разгорелись вооруженные сражения и еще неясно было, на чьей стороне окажется победа, Всороссийский Поместный Собор обратился к противоборствующим сторонам:

*«Во имя Божие Всероссийский Священный Собор призывает сражающихся между собой дорогих наших братьев и детей ныне воздержаться от ужасной кровопролитной брани, ... умоляет победителей не допускать никаких актов мести, жестокой расправы и во всех случаях щадить жизнь побежденных».*²

11/24 ноября к победившим в Москве большевикам Собор обратился со словами:

«Священный Собор во всеуслышание заявляет: довольно братской крови, довольно злобы и мести. Мести не должно быть нигде и никогда... Победители, кто бы вы ни были и во имя чего бы вы ни боролись, не оскверняйте себя пролитием братской крови, умерщвлением беззащитных, мучительством страждущих! Не причиняйте нового горя и позора истерзанной Родине, и без того слишком обгаренной кровью своих сынов!

*...Собор взывает и к вам, руководители движения: употребите все свое влияние на обуздание кровожадных стремлений тех, кто слишком упивается своей братоубийственной победой».*³

В другом своем послании от 11/24 ноября Всероссийский Собор обращается к пастве:

*«Священный Собор ныне призывает всю Российскую Церковь принести молитвенное покаяние за великий грех тех своих сынов, которые, поддавшись прельщению, по неведению впали в братоубийства и кощунственное разрушение святынь народных. Примем содеянное ими, как всенародный грех, и будем просить Господа о прощении. Сам Господь да пробудит в сердцах их спасительное покаяние и сознание всей вины их перед Богом и русским народом».*⁴

В последующих посланиях Собора и патриарха Тихона к пастве тема необходимости принесения всенародного покаяния звучит все более и более настойчиво.

Однако миротворческая позиция Православной Церкви и ее представителей вызывала еще большее раздражение и ненависть со стороны большевиков, начавших повсеместное преследование православного духовенства.

Первым среди архиереев красноармейцами был расстрелян в Киеве 25 января / 7 февраля 1918 г. митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский).⁵ К этому времени из разных концов захваченных большевиками территорий начинают доноситься страшные вести об убийствах православных священнослужителей, монашествующих и мирян.

Поставив целью полное уничтожение Православной Церкви, большевики надеялись, что смогут достичь этого очень скоро благодаря террору и лишению Церкви прав и собственности. Уже Декрет В. Ленина о земле в ноябре

1917 г. лишал Церковь и духовенство прав на землю. Через месяц, 4/17 декабря, большевики издали новый Декрет о земельных комитетах, по которому земли, «включая и все монастырские, отбирались в руки государства».⁶ Через семь дней выходит Декрет о закрытии всех духовных академий, семинарий, училищ, школ и передаче их Комиссариату просвещения со всем связанным с ними движимым и недвижимым церковным имуществом.⁷ Еще через неделю, 31 декабря, большевики объявили недействительными все вновь заключаемые церковные браки; отныне правомочными признавались лишь браки гражданские.⁸ Отдельным постановлением были конфискованы счета и фонды Церкви в банках, а также предписывалась конфискация церковной недвижимости.⁹

Но наибольший удар по церкви наносил февральский (1918 г.) Декрет большевиков об отделении церкви от государства и школы от церкви. В соответствии с этим документом Церковь на подвластных Советам территориях теряла какие-либо права. Она лишалась всего движимого и недвижимого имущества и в дальнейшем права владеть им.¹⁰ Храмы, часовни, молитвенные дома переходили в собственность советского государства и только с его разрешения могли передаваться в «пользование» религиозным общинам. При этом пользование храмами, предоставленными властями, теперь облагалось налогами наравне с предпринимательской деятельностью.¹¹ Кроме того, Декретом запрещалось «преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях».¹²

Следом за Декретом при Наркомюсте создается специальная комиссия по его внедрению в жизнь, получившая позже официальное название «ликвидационная». Повсеместно начинается закрытие духовных школ, конфискация церковного имущества, закрытие монастырей и храмов, кощунственное осквернение святынь, запрет преподавания Закона Божия даже на частные средства.

Массовые протесты православного населения против антирелигиозных норм Декрета подавлялись большевиками жесточайшим образом. Только в феврале 1918 г. были расстреляны мирные крестные ходы (демонстрации) верующих

в Воронеже, Харькове, Саратове, Шацке, Туле, Перми, Нижнем Новгороде, Владимире, Вятке и других городах.¹³

В разгар революционной вакханалии и гражданской войны большевики повсеместно, без суда и следствия расстреливали священников и монахов, так что число жертв среди служителей Церкви за этот период превышало тысячи. Масштабы «красного террора» были столь велики, что назвать точные цифры не представляется возможным по сей день.

В ночь с 15 на 16 апреля большевиками был арестован епископ Тобольский и Сибирский Гермоген (Долганов), которого 16 июня палачи утопили в реке Туре.¹⁴ В конце мая в Москве ВЧК были арестованы епископ Селенгинский Ефрем (Кузнецов), прот. Н. Восторгов, священ. Д. Корнев и другие, в том же году расстрелянные.¹⁵ 17 июня был арестован и 20 июня живьем закопан в землю архиепископ Пермский Андроник (Никольский).¹⁶

Согласно неполным данным, за 8 месяцев (июнь 1918 – январь 1919) в России убито: архиереев – 19; священников и дьяконов – 256, монахов и монахинь – 94. Закрыто 94 церкви и 26 монастырей. Осквернено 14 храмов и 9 часовен. Секвестровано имущество и земли у 718 причтов и 15 монастырей. Арестованы – 4 епископа, 111 священников, разогнаны церковные процессии – 41.¹⁷ Эти данные далеко неполны, поскольку не учтены результаты красного террора в Поволжье, Прикамье, на Кубани и Дону, в Белоруссии, Украине и других регионах.¹⁸

Решением Всероссийского Собора была создана специальная Комиссия по расследованию фактов насилия над священнослужителями. Ее председателем Собор назначил архиепископа Черниговского и Нежинского Василия (Богоявленского). Однако в 1919 г., по пути из Перми, где Комиссия собрала для Собора множество свидетельств о зверствах большевиков, архиепископ Василий был схвачен и после жестоких истязаний сброшен с движущегося на большой скорости поезда в реку на Камском мосту. Позже были убиты и все остальные члены Комиссии.¹⁹

Реагируя на гонения, массовые грабежи и осквернения храмов, насилия и убийства духовенства, святейший патриарх Тихон (Белавин) в 1918 г. предаёт Анафеме творящих беззакония советских властителей и всех соучаствующих

и сотрудничающих с ними. В его послании от 19.01/01.02. 1918 г., в частности, говорилось:

«Ежедневно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем неповинных, и даже на одре болезни лежащих людей... И все это совершается не только под покровом ночи, но и въявь, при дневном свете, с неслыханной доселе дерзостью и беспощадной жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности...»

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело; это – поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной, и страшному проклятию в жизни настоящей – земной.

Властью, данную нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.

*Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение».*²⁰

22 января / 4 февраля 1918 г. эта Анафема патриарха Тихона была официально утверждена Всероссийским Поместным Собором, который является Высшей законодательной Церковной Властью в Русской Церкви. Это постановление Поместного Собора никогда не было отменено, в связи с чем оно сохраняет свою каноническую силу до сих пор.

В октябре 1918 г. патриарх Тихон по поводу годовщины Октябрьской революции пишет новое послание, теперь непосредственно адресованное Совету Народных Комиссаров (СНК) во главе с В. Лениным:

«Целый год вы держите в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину Октябрьской революции; но реками политая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды... Мы знаем, что наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения нас в противлении власти; но чем выше будет подыматься «столп злобы» вашей, тем вернейшим будет то свидетельством справедливости наших обличений... Ныне

же к вам, употребляющим власть на преследование ближних и истребление невинных, простираем мы наше слово увещания: отпразднуйте годовщину вашего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а устройению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк. 11, 50), и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (26.52)».²¹

На следующий день патриарх Тихон обращается с новым посланием к пастве, призывая к всенародному покаянию:

«Вместе с вами мы страждем сердцем при виде непрекращающихся бедствий в нашем Отечестве... Еще продолжается на Руси эта страшная и томительная ночь, и не видно в ней радостного рассвета... Грех помрачил наш народный разум, и вот мы ошупью ходим во тьме, без света, и шатаемся, как пьяные (Иов. 12, 25). Грех разжег повсюду пламень страстей, вражду и злобу, и брат восстал на брата, тюрьмы наполнились узниками, земля упивается невинной кровью, проливаемой братскою рукою, оскверняется насилием, грабежами, блудом и всякою нечистотою... Грех, тяжкий, нераскаянный грех вызвал сатану из бездны, извергающего ныне хулу на Господа и Христа Его и воздвигающего открытое гонение на Церковь... Плачьте же, дорогие братие и чада, оставшиеся верными Церкви и Родине, плачьте о великих грехах вашего Отечества... Настало время покаяния».²²

Однако канонические меры и призывы Церкви не могли уже остановить разгул богоборческого насилия в некогда православных землях, обогранных ныне реками невинной крови христианских мучеников.

С окончательным установлением советской власти гонения и репрессии против Церкви начинают приобретать уже не хаотический и стихийный характер, а целенаправленный и системный. Они приобретают видимость «законности». Появляются подобыя судов, опирающиеся в своих узаконениях преступлений на официальные постановления и декреты большевиков об отделении Церкви от государства и лишении ее прав, о национализации церковной собственности, закрытии храмов и монастырей, о конфискации цер-

ковных ценностей, об осквернении мощей и т.п. Репрессии против духовенства, монашествующих и верующих еще более усиливаются.

6 февраля 1919 г. Наркомюст издает постановление об организации вскрытия мощей. По всей стране начинаются массовые кощунства и осквернения мощей святых. По неполным данным, к осени 1920 г. на подконтрольных Советам территориях было осквернено («вскрыто») более 60 мощей.²³

По поводу такого глумления над святынями патриарх Тихон 2 апреля 1919 г. направил обращение на имя председателя Совнаркома В. Ленина, в котором писал:

«...Вскрытие мощей нас обязывает встать на защиту поругаемой святыни и вещать народу: должно повиноваться более Богу, нежели человеку...».²⁴

Вскоре после этого обращения, 13 июня 1919 г., на патриарха Тихона было совершено покушение с нанесением ножевого ранения.²⁵

На основании обвинения Церкви в сопротивлении «вскрытию мощей» репрессии против нее еще более усилились.

29 июля 1919 г. Совнарком утвердил новые предложения Наркомюста «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе».²⁶ 25 августа 1920 г. Наркомюст издал новый циркуляр губисполкомам о ликвидации мощей во всероссийском масштабе.²⁷

К концу 1920 г. на захваченных большевиками территориях было ликвидировано 673 монастыря.²⁸

Одновременно, уже с конца 1920 г. начали разрабатываться планы по устранению патриарха Тихона. 17 декабря 1920 г. Президиум ВЦИК сообщил Секретному Отделу ВЧК: «Призидиум ВЦИК согласен с заключением Секретного Отдела ВЧК по вопросу о нежелательности появления патриарха Тихона на церковных службах».²⁹

Репрессии против Церкви приобрели повсеместный и системный характер в связи с инициативой по изъятию церковных ценностей.

В результате политики «военного коммунизма» в стране начался сильный голод, охвативший огромные территории и десятки миллионов населения.

Сразу же после начала этого бедствия Православная Церковь без какого-либо принуждения, по собственной инициативе приняла активнейшее участие в оказании всемерной помощи голодающим. Еще в августе 1921 г. патриарх Тихон обратился с призывом о помощи к «народам мира» и главам зарубежных христианских конфессий.³⁰ Одновременно, по его благословию, был создан Всероссийский церковный комитет помощи голодающим. Во всех церквях начался сбор пожертвований.³¹ Однако такая социально-общественная активность Церкви вызвала крайнее раздражение у большевиков. Поэтому по их требованию церковный комитет был закрыт, а собранные средства переданы правительственному комитету помощи голодающим.³²

Обвинив после этого Церковь в нежелании помогать голодающим, 23 февраля 1922 г. большевики издают Декрет ВЦИК о насильственном изъятии церковных ценностей.³³

Обосновывая необходимость новой решительной кампании против Церкви, председатель Совнаркома В. Ленин 19 марта 1922 г. писал членам Политбюро ЦК РКП(б): «Именно теперь и только теперь, когда в голодных степях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед проявлением какого угодно сопротивления /.../ Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше».³⁴

С объявлением кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 г. начался новый трагический этап во взаимоотношениях между Церковью и коммунистическим режимом. В марте 1922 г. на Политбюро ЦК ВКП(б) была открыто определена задача подавления и постепенного уничтожения Православной Церкви в стране. Роль главного исполнителя, вместо 5-го «ликвидационного» отдела Наркомюста, переходит к Государственному политическому управлению (ГПУ) – главному органу большевистского террора во главе с Ф.Дзержинским. Главным «куратором» Церкви назначается начальник 6-го отделения Секретного отдела ГПУ Е. А. Тучков.³⁵

Насильственное изъятие церковной утвари, священных сосудов и других ценных предметов богослужебного пользо-

вания, сопровождавшееся многочисленными кощунствами и осквернениями святынь, повсеместно вызвало серьезное сопротивление со стороны верующего народа. На протяжении весны 1922 г. по всей стране прокатились массовые кровавые столкновения при изъятии церковных ценностей. По неполным данным, таких столкновений произошло более 1414.³⁶

Повсеместно начались массовые уголовные процессы против духовенства и верующих. Только в Москве приговорили к расстрелу 11 церковнослужителей. Был привлечен к суду и патриарх Тихон. За смелые выступления на суде патриарх подвергся аресту и заключению, в котором его держали более года.³⁷

В дальнейшем, в течение 1922 г. при изъятии церковных ценностей в столкновениях и по суду были расстреляны (по неполным данным) 8100 священнослужителей, монашествующих и послушников.³⁸

Внеправовое положение Церкви отныне узаконивалось решением «судов». Так, 8 мая 1922 г. московский трибунал в ходе процесса над группой духовенства постановил, что «устанавливает незаконность существования организации, называемой православной иерархией».³⁹

Таким образом, возглавляемая патриархом Тихоном Православная Церковь (большевики ее называли «тихоновской Церковью») оказывалась вне закона. Повальные репрессии и массовое закрытие храмов и монастырей уже в первые годы советской власти подтолкнули многих православных священнослужителей и верующих к переходу на нелегальное положение. Как отмечает историк М. Шкаровский, «можно сказать, что Катакомбная Церковь стихийно начала свое существование с первых месяцев советской власти, когда многие верующие оказались вынуждены вести двойную, тайную жизнь... Укрывание святынь нередко становилось первым шагом к уходу в «катакомбы»».⁴⁰

Так, ближайший сподвижник патриарха Тихона, митрополит Петроградский Вениамин (Казанский) еще весной 1922 г. благословил создание в Петрограде нескольких нелегальных монашеских общин.⁴¹ Постепенно, в течение 1920-х гг. практически вся территория страны, особенно Россия и Украина, оказалась покрыта сетью небольших

«домашних» монастырей.⁴² О стихийном возникновении таких нелегальных монастырей на Тамбовщине очевидцы вспоминали:

*«После закрытия монастыря монахини некоторое время жили вблизи, вытекали хлеб, иные разошлись, кто куда. Бывшие монастырские насельницы в складчину покупали себе домики в городе. Жили вместе маленькими общинками по 4-6 человек,... получая духовное окормление у гонимых священнослужителей. Вместо одного большого монастыря в Кирсанове появилось множество крошечных».*⁴³

Дабы окончательно сломить сопротивление Церкви, подорвать ее авторитет и разложить изнутри, советскими карательными органами ГПУ в 1922 г. был спровоцирован т.н. «обновленческий раскол», сторонники которого провозгласили безбожную коммунистическую тиранию – «построением царства Божия на земле».

Решение о перевороте в «тихоновской» Церкви было принято в начале 1922 г. в результате обсуждения на высшем уровне в ЦК РКП(б) и СНК.⁴⁴ На заседании Политбюро 20 марта было принято решение: «...внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении решительную инициативу и взяв под защиту власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия».⁴⁵ На следующий день, 21 марта, в докладной записке ГПУ уже «весьма откровенно говорилось о необходимости произвести своеобразный “переворот”».⁴⁶

С этой целью 12 мая 1922 г. работники ГПУ вместе с созданной ими «инициативной группой прогрессивного духовенства» во главе с прот. А. Введенским попытались оказать давление на привлеченного к суду патриарха Тихона. От него требовали, чтобы он отошел от управления Церковью и передал полноту церковной власти указанной «инициативной группе». Однако патриарх Тихон, понимая, какие цели преследуют ГПУ и «инициативная группа», в тот же день, «в связи с привлечением к гражданскому суду», назначил временным Местоблюстителем Патриаршего Престола авторитетнейшего в Церкви иерарха, митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского).⁴⁷ Таким образом, обновленческая «инициативная группа» так и не добилась получения законным путем полномочий церковной власти.

Дабы не допустить вступления митрополита Агафангела в права по управлению «тихоновской» Церковью, ГПУ попыталось изолировать и его, ограничив в праве передвижения и запретив ему переезд в Москву.

На следующий день, 13 мая, «инициативная группа» издает Декларацию (воззвание) об инициировании скорейшего созыва «поместного собора».⁴⁸ А еще через три дня, 16 мая, «инициативная группа» при поддержке ГПУ самочинно учреждает т.н. «Высшее церковное управление» (ВЦУ).⁴⁹ Следом за этим, 19 мая, привлеченный к суду патриарх Тихон был помещен ГПУ под домашний арест и изолирован от церковного управления (в таком положении патриарх пробыл более года, до середины июня 1923 г.).⁵⁰ В тот же день обновленческое «ВЦУ» объявило о принятии на себя полномочий по управлению Русской Церковью.

Одним из первых отказался признавать самочинное «ВЦУ» ближайший соратник патриарха Тихона – митрополит Петроградский Вениамин (Казанский). 28 мая он издал послание к пастве против попыток учинить переворот в Церкви, а лидера обновленцев прот. А. Введенского запретил в священнослужении. За это на следующий день, 29 мая, митрополит Вениамин был арестован. По его делу к суду были привлечены 86 человек. По окончании процесса 11 июня суд приговорил митрополита Вениамина Петроградского и еще девятерых видных церковных деятелей к расстрелу, остальных 54 – к тюремному заключению.⁵¹

После учреждения при помощи ГПУ обновленческого т.н. «ВЦУ», захватившего после ареста патриарха Тихона церковное управление в свои руки, по стране прокатилась новая волна массовых арестов и расстрелов «тихоновского» духовенства, не пожелавшего примкнуть к «советской церкви». Как уже отмечалось, только в течение 1922 г., по неполным данным, были расстреляны 8100 священнослужителей, монашествующих и послушников «тихоновской» Церкви.⁵²

В тех местах, где православные отказывались предавать Патриарха и Церковь, большевики насильно отбирали храмы и передавали обновленцам. Упорных «тихоновцев» арестовывали, а главным обвинением для ГПУ служил факт поминоения ими святейшего Тихона и отказ подчиняться раскольническому «ВЦУ». Так, отдельным циркуляром Нар-

комюста во всех храмах страны официально запрещалось поминать «гражданина Белавина» (патриарха Тихона), а невыполнение таких требований властей однозначно трактовалось как «контрреволюционная антисоветская деятельность».⁵³

Как вспоминал очевидец тех событий, многолетний узник советских лагерей прот. Михаил Польский: «Неподчинение обновленцам, поддерживающим государственную власть и этой властью поддержанным, означало контрреволюцию, неподчинение самой власти. Через организацию обновленчества большевикам и удалось обнаружить в Церкви такую контрреволюцию: всякий не признающий обновленческого управления в Церкви, считался контрреволюционером».⁵⁴

Находясь в заключении, патриарх-исповедник Тихон осудил обновленческий раскол и его самочинное «ВЦУ», а его лидеров подверг каноническим прещениям. Однако это не остановило инспирированный ГПУ раскол.

После захвата обновленцами церковного управления к ним примкнуло значительное число приспособленчески настроенных бывших православных иерархов и клириков. Одними из первых к обновленцам примкнули будущие советские патриархи Сергей (Страгородский) и Алексей (Симанский).

Так, уже через 5 дней после ареста митрополита Петроградского Вениамина его викарий епископ Ямбургский Алексей (Симанский) 4 июня 1922 г. признал законность обновленческого «ВЦУ» как высшей церковной власти в Русской Церкви. От его имени в своем воззвании к Петроградской пастве он заявил о принятии на себя управления епархией и о незаконности прещений, наложенных митрополитом Вениамином на одного из лидеров обновленцев прот. А. Введенского.⁵⁵ По мнению некоторых церковных исследователей, это «послание сделало свое дело, расчистив путь обновленцам».⁵⁶

Но, как отмечает Д. Поспеловский, «в отношении общественного авторитета их (обновленцев – *прим. авт.*) «звездным часом», пожалуй, стало присоединение к ним митрополита Владимирского Сергея (Страгородского)».⁵⁷

16 июня 1922 г. митрополит Сергей (Страгородский) и поддержавшие его архиепископ Серафим (Мещеряков) и ар-

хиепископ Евдоким (Мещерский) в своей Декларации (воззвании) к епископату Русской Церкви по поводу признания ими власти обновленческого «ВЦУ» писали:

*«Целиком разделяем мероприятия Высшего Церковного Управления, считаем его единственной, канонической, законной, верховной церковной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными. Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов Церкви, как вверенных нам, так и других епархий».*⁵⁸

Как отмечает по поводу этой первой Декларации митрополита Сергея (Страгородского) церковный историк и диссидент Л. Регельсон, «разрушительное значение этого послания трудно переоценить».⁵⁹ По его словам, митрополит Сергей придал раскольническому «ВЦУ» внешнюю формально-бюрократическую иллюзию «каноничности».⁶⁰

После такой Декларации митрополит Сергей (Страгородский) был включен в состав обновленческого «ВЦУ».⁶¹ Его примеру последовали многие архиереи и клирики, искавшие союза с большевиками. Так что к июлю 1922 г. из 73 епархиальных архиереев 37 присоединились к обновленческому «ВЦУ» и лишь 36 оставались верны патриарху Тихону.⁶² Уже к началу 1923 г. за обновленцами последовало более 60 епископов.⁶³

В результате истинно-православные пастыри-тихоновцы во многих регионах оказались в меньшинстве. С целью окончательного разгрома «тихоновской» оппозиции Декретом ВЦИК от 12 июня 1922 г. вводились новые правила регистрации, в соответствии с которыми оказывались вне закона все религиозные общества, не получившие регистрацию в НКВД РСФСР.⁶⁴ В то же время в НКВД регистрация предоставлялась только обновленцам, которым власти повсеместно выдавали мандаты на пользование «тихоновскими» храмами.

Таким образом «тихоновцы» лишались регистрации, а вместе с ней и храмов. В условиях повальных репрессий они, дабы не прекращать литургическую жизнь, вместе с паствой нередко вынуждены были переходить на нелегальное (катакомбное) положение. Образовались сотни нелегальных приходов «тихоновцев», где богослужения тайно со-

вершались в домах верующих.⁶⁵ По сути, именно со времен обновленческого раскола стала зарождаться «тихоновская» Катакомбная Церковь, окончательно оформившаяся после новообновленческого раскола митрополита Сергия (Страгородского) в 1927 году. Антиобновленчески настроенные пастыри-тихоновцы, перешедшие на нелегальное положение в 1920-е гг., позже составят костяк также и антисергиевской оппозиции.

По словам М. Шкаровского, «возникновение весной 1922 г. обновленчества, как господствующего течения, стало основной причиной появления тайных церквей, где службы проходили тайно, уже в значительной части районов страны. Ушли в «катакомбы» также выступавшие против изъятия церковных ценностей и ревнители Православия... Переход на тайное служение благословил известный Оптинский старец Нектарий (Тихонов). А практически создателем сети тайных приходов и монастырей выступила влиятельная даниловская группа архиереев (наименование по нахождению в Свято-Даниловом московском монастыре), возглавляемая архиепископом Волоколамским Феодором (Поздеевским)... С даниловцами был связан и сыгравший чрезвычайно важную роль в создании Катакомбной Церкви архиепископ Уфимский Андрей (князь Ухтомский), который совершил в 1920-е гг. хиротонию (вместе с другими архиереями) более 10 тайных епископов».⁶⁶

Благословение на уход Церкви в «катакомбы» и совершение тайных хиротоний передал из заключения сам патриарх Тихон.⁶⁷ Находясь под домашним арестом в Донском монастыре, святитель Тихон с балкона своей комнаты сумел крикнуть архиепископу Андрею (Ухтомскому): «Владыко, посвящай больше архиереев!»⁶⁸ Как свидетельствовал на допросе епископ Сергей (Дружинин), патриарх Тихон после освобождения всем приходящим к нему епископам говорил: «Большевики хотят всех архиереев и священников перестрелять. Чтобы Церковь не осталась без епископата, а также без архиереев, необходимо посвящать в священство и постригать в монашество как можно больше».⁶⁹

Положение гонимого духовенства «тихоновской» Церкви, оставшегося во многих регионах в меньшинстве и часто без правящих архиереев, регулировалось Постановлением

патриарха Тихона, Синода и Высшего Церковного Совета № 362 от 20 ноября 1920 г. «О самоуправлении епархий». Согласно этому Указу, в условиях гонений и отсутствия связей с церковным центром или прекращением его деятельности, православным иерархам и духовенству, ради сохранения канонических устоев Церкви, предписывалось переходить на положение временного самоуправления.⁷⁰

Этот Указ последнего законного Патриарха и Высшей Церковной Власти лег в основу будущего устройства Православной Русской Церкви, оказавшейся носительницей хоругви мученичества и исповедничества в XX веке.

Уже в 1922 г., когда патриарх Тихон был арестован, перво-священническая власть в Церкви перешла к одному из авторитетнейших православных иерархов – митрополиту Агафангелу (Преображенскому) Ярославскому. Он был назначен патриархом Тихоном, на случай своего ареста, Местоблюстителем Патриаршего престола. Работники ГПУ, освободив митрополита Агафангела на короткое время (хотя и не допустив его приезда в Москву), рассчитывали склонить престарелого иерарха на свою сторону, но не добились в этом успеха. 18 июня 1922 г. владыка Агафангел обнаружил Послание, в котором призывал епископат и духовенство не подчиняться самозванному «ВЦУ» и руководствоваться в своей деятельности патриаршим Постановлением № 362 от 20 ноября 1920 года. В этом Послании был еще раз четко сформулирован принцип самоуправления епархий в чрезвычайных обстоятельствах:

«Возлюбленные о Господе Преосвященные Архипастыри! Лишенные на время высшего руководства, вы управляйте теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, церковными канонами и обычным церковным правом, по совести и архиерейской присяге, впредь до восстановления Высшей Церковной Власти. Окончательно вершите дела, по которым прежде испрашивали разрешения Св. Синода...».⁷¹

В результате все попытки ГПУ и обновленческого «ВЦУ» узурпировать церковную власть и целиком подчинить себе епархии «тихоновской» Церкви так и не увенчались успехом. Децентрализация церковного управления не привела к крушению Церкви, на что надеялись большевики, но, на-

против, духовно укрепила ее. Объявляя себя (на основании патриаршего Постановления № 362 и Послания митр. Агафангела) самоуправляющимися «местными Церквами», «тихоновские» епархии тем самым ограждали себя от необходимости исполнения требований ГПУ о подчинении обновленческому управлению. Вместо ожидаемого поголовного перехода под обновленческое «ВЦУ», епископат и духовенство перешли на самоуправление и тем самым воспрепятствовали замыслам ГПУ и сохранили канонический строй Православной Церкви.

Обновленцы, имея статус официальной (господствующей) церкви, в этот период презрительно называли тихоновцев «раскольниками» и «автокефалистами». ⁷² В начале декабря 1922 г. на заседании обновленческого «ВЦУ» даже обсуждался специальный доклад прот. А. Введенского «Об автокефалиях и борьбе с ними». В этом обновленческом циркуляре «движение автокефалистов» расценивалось не иначе, как «контрреволюционная тихоновщина» ⁷³, с которой необходимо бороться всеми возможными методами.

В начале 1923 г., дабы окончательно подорвать «тихоновскую» Церковь, ГПУ инициирует проведение в Москве I-го живоцерковническо-обновленческого Собора, который самозванно был объявлен «II-м Всероссийским Поместным Собором Православной Российской Церкви». Проведен он был в переданном обновленцам храме Христа Спасителя. На нем один из лидеров обновленчества прот. А. Введенский провозгласил, что «марксисты, коммунисты, Советская власть работают для исполнения заветов Христа». ⁷⁴ В соответствии с такими идеологическими установками «собор» официально провозгласил, что *«Церковным людям не следует видеть в советской власти власть антихристову. Наоборот, собор обращает внимание, что советская власть, государственными методами, одна во всем мире, имеет цель осуществить идеалы царствия Божия. Поэтому каждый верующий церковник должен быть не только честным гражданином, но и всемерно бороться, вместе с советской властью, за осуществление на земле идеалов Царства Божия»*. ⁷⁵

Стоит обратить внимание, что именно в это же время, в начале 1923 г., с одобрения советского правительства в Москве официально был учинен кощунственный фарс под на-

званием «суд над Богом». Советская пресса по этому поводу сообщала, что 10 января 1923 года в клубе Московского гарнизона в присутствии Троцкого и Луначарского состоялось «заседание политического трибунала для вынесения приговора над Богом». В заседании принимало участие пять тысяч красноармейцев. Принятие решения о вынесении «приговора Богу» «пятитысячное собрание красноармейцев приветствовало бурными аплодисментами».⁷⁶

Таким образом, заявления обновленцев (как позже и их преемников) о лояльности и полной поддержке действий советского режима, о том, что «радости и горести» советской власти являются «радостями и горестями Церкви» (Декларация митр. Сергия за 1927 г.), – по сути, есть выражением полной капитуляции перед «судьями Бога», их солидарности как с массовыми разрушениями храмов и репрессиями против духовенства, так и с подобного рода кощунственными и богоборческими акциями советских безбожников.

Обновленческий «собор» 1923 г. своими решениями и заявлениями продемонстрировал, что он является одной из очередных антицерковных акций большевиков, а само обновленчество – своего рода «религиозным филиалом» большевизма.

В соответствии с поставленными ГПУ задачами, «собор» объявил о лишении патриарха Тихона священного сана и монашества, а само восстановление патриаршества объявил «актом определенно политическим, контрреволюционным», в связи с чем провозгласил ликвидацию патриаршества и начало церковной реформации.⁷⁷ Это решение подписали 54 епископа.⁷⁸ Оно было принято в соответствии с директивами Совнаркома, возглавляемого В. Лениным.⁷⁹ Кроме того, по требованию ГПУ «собор» объявил об «отлучении от Церкви» всех зарубежных архиереев – членов Собора РПЦЗ.⁸⁰

«Законность» этих решений самочинного обновленческого «собора» признали Константинопольский, Александрийский и Иерусалимский патриархи, поспешившие заручиться поддержкой «господствующей церкви», вновь обретшей «державную милость» у светских властей. Более того, восточные патриархи, сами склонные к обновленчеству и реформации (как календарной, так и богослужбной), признав

законность обновленческого «собора» и «ВЦУ» и вступив с ними в евхаристическое общение, официально пригласили обновленцев принять участие от имени Русской Церкви в подготовке «всеправославного (вселенского) собора», на котором предполагалось узаконить обновленческие нововведения. Однако собор, по разным причинам, несколько раз переносился до тех пор, пока, наконец, в июле 1927 года в Иерусалиме случились сильные землетрясения, окончательно сорвавшие все эти планы.*

По словам Д. Поспеловского, к концу 1922 – началу 1923 гг. большевики передали обновленцам «без малого две трети всех действующих на тот момент в РСФСР и Средней Азии церквей – почти 20 тыс. храмов».⁸¹ Многие священники соглашались перейти в обновленчество под угрозой ареста, другие – как на условие их освобождения из тюрьмы. Как вспоминал прот. Михаил Польский: «Опираясь на обновленчество, власти преследовали православных, и, чтобы освободиться от тюрьмы, нужно было объявить о своем переходе в обновленчество; по крайней мере, иногда было достаточно для некоторых только похулить Патриарха и пообещать действовать против него».⁸²

Положение в СССР Православной Церкви и ее патриарха Тихона вызвали сочувствие и протесты во всем мире. В то время Архиерейский Синод РПЦЗ под председательством митрополита Киевского и Галицкого Антония (Храповицкого) выступил с обращениями и ходатайствами к зарубежным поместным православным и инославным церквям, к

* Изменение позиции восточных патриархов произошло уже в 1940-е годы, когда сталинский режим объединил обновленцев и «сергиан» в одну структуру, перенявшую утвержденное обновленцами название «Русская Православная Церковь». Главой новообразованной объединенной структуры по приказу Сталина был «избран» бывший обновленческий митрополит Сергей (Страгородский), провозглашенный патриархом. Восточные патриархи, до этого признававшие обновленцев законной «Русской Православной Церковью», признали нового советского ставленника. Поскольку патриархи не раскаялись в своей поддержке обновленчества и не отменили актов об установлении с ними общения, есть все основания говорить, что они смотрели на новообразованную в 1943 г. «Московскую патриархию» как на каноническую правопреемницу обновленческой «Русской Православной Церкви».

правительствам различных стран мира, разъясняя подлинное положение Церкви в «стране советов».⁸³ В результате правительства Англии, Франции и ряда других стран, а также главы инославных церквей сделали участь патриарха Тихона и Церкви в СССР «важным вопросом международного масштаба».⁸⁴ Очень жесткую позицию заняло правительство Великобритании, которое 8 мая 1923 г. направило советскому правительству официальное требование (знаменитая «нота Керзона») об освобождении патриарха Тихона, а в случае отказа пригрозило отозвать свое представительство в Москве и прекратить дипломатические и экономические отношения.⁸⁵

В итоге, 25 июня 1923 г., под давлением международного сообщества, ГПУ вынуждено было освободить из-под ареста патриарха Тихона.⁸⁶ При этом ГПУ заставило патриарха подписать обращение в Верховный Суд РСФСР с просьбой «изменить меру пресечения, т.е. освободить из-под стражи», подчеркнув, что он «отныне Советской власти не враг».⁸⁷ Заявление такое патриарх подписал лишь от своего имени, а не от имени всей Церкви (в отличие от митр. Сергия Страгородского в 1927 г.) и никогда в Церкви никому не навязывал такого мнения, несмотря на требования ГПУ. В этом он действовал в соответствии с Определением Собора от 2/15 августа 1918 г. о том, что отныне никто не имеет права высказывать политические взгляды от имени всей Церкви, но только от своего собственного.

Среди верующих патриарх Тихон встречал лишь сочувствие и сострадание. О таких его вынужденных заявлениях верующие говорили, что их «патриарх писал не для нас, а для большевиков».⁸⁸ Более того, как свидетельствовал впоследствии близкий к патриарху профессор протопресвитер Василий Виноградов, патриарх Тихон по поводу такого своего заявления позже неоднократно подчеркивал: «Я написал там, что я отныне не враг Советской власти, но я не писал, что я друг Советской власти».⁸⁹

Тогда же, в 1923 г., патриарху со стороны властей было предложено покинуть СССР и переехать на постоянное место жительства за границу, на что первосвяtitель ответил: «Никуда я не поеду, буду страдать здесь вместе со своим народом и исполнять свой долг до положенного Богом предела».⁹⁰

Выход патриарха Тихона на свободу и возвращение к управлению Церковью нанесли сокрушительный удар по обновленческому расколу, от которого тот уже никогда так и не смог оправиться. За год своего существования обновленчество успело пережить не только быстрый подъем, но и очень быстрое падение. К этому времени раскол уже не являлся целостным движением, представляя собой конгломерат различных группировок, конкурирующих между собой за влияние и власть. Так обновленчество было разделено на «Живую Церковь» Красницкого, «Союз общин древлеапостольской церкви» (СОДАЦ) Введенского, «Союз церковного возрождения» Антонина Грановского и другие, более мелкие течения. Все они, несмотря на покровительство ГПУ, не имели ни авторитета, ни поддержки в народе, каковые целиком оставались на стороне патриарха Тихона. Поэтому после его выхода из заключения обновленчество начинает резко терять в стране свои позиции, а обновленцы вновь возвращаются через покаяние в лоно «тихоновской» Церкви.

Уже к началу 1924 г. большая часть обновленческих епископов вместе с духовенством и паствой вновь вернулись под омофор патриарха Тихона. Как вспоминал прот. Михаил Польский: «Овладеть церковным народом, массой верующих большевикам не удавалось. Они владели каким-то церковным управлением, которому нечем было управлять. Сама Церковь не оказалась в их руках. Относительная свобода обновленцев мало кого соблазняла».⁹¹

В одной из партийных директив по этому поводу отмечалось: «Наиболее реакционное течение тихоновцев усиливается... тогда как обновленческое течение ослабляется и в нем все больше случаев возвращения к тихоновцам... По этим причинам внутрицерковная борьба, подрывающая церковь изнутри и тем содействующая падению религиозности, временно пошла на спад».⁹²

Видя, как духовенство и народ массово покидают обновленчество, ГПУ попыталось несколько переформатировать его. Во главе «ВЦУ» был поставлен митрополит Евдоким (Мещерский), который, по согласованию с Тучковым, уже в августе 1923 г. провел новый обновленческий съезд. На нем были отменены самые радикальные реформы, сама обнов-

ленческая организация переименована в «Русскую Православную Церковь» (название, которое позже, в 1943 г. Сталин закрепил за Московской патриархией), а для управления ею был избран более традиционный «Синод».⁹³ Но даже такие попытки возвратиться к внешне традиционным православным формам не могли уже вернуть обновленчеству силу и влияние.

Дабы хоть как-то остановить процесс распада обновленчества, Наркомюст особыми циркулярами от 8.12.1923 г. и от 10.04.1924 г. вновь запрещает поминать в храмах страны патриарха Тихона.⁹⁴ Однако это не помогло, поскольку основная масса православно верующего народа повсеместно отказывалась посещать храмы, где не поминали патриарха Тихона. Многочисленные обновленческие храмы пустовали, поэтому их настоятели нередко вынуждены были идти на поводу у паствы и возобновлять поминовение патриарха, несмотря даже на запреты властей. По словам Д. Поспеловского, «гонения только укрепляли поддержку церковным народом именно гонимой части Православной церкви, т. е. так называемых “староцерковников” или “тихоновцев”».⁹⁵

Православный народ на патриарха Тихона смотрел не только как на главу Церкви, но и как на духовного лидера. Он оставался серьезной преградой в достижении поставленных ГПУ целей. Его духовный авторитет в церковном народе был настолько велик, что любые попытки учинить внутрицерковный переворот и уничтожить Церковь изнутри были обречены на провал. Поэтому чекистами неоднократно предпринимались попытки устранения святейшего патриарха.⁹⁶

Следует отметить, что патриарх Тихон, пытаясь предотвратить уничтожение Церкви, неоднократно пытался найти общий язык с представителями советской власти. Однако большевиков не устраивало мирное сосуществование с Православной Церковью; им необходимо было, чтобы Церковь целиком капитулировала перед богоборчеством, добровольно перешла на служение антихристианской идеологии и «собственными руками» начала самоликвидацию. Принять такие требования патриарх Тихон не мог. Если он и шел на какие-то компромиссы, то лишь до определенной черты, за пределы которой переступить ему не позволяла его христи-

анская совесть. Как свидетельствовал сам патриарх, предел «политическим требованиям советской власти лежит за пределами верности Христу и Церкви»⁹⁷, в связи с чем у него возникали «мучительные сомнения в пользу дальнейших уступок советской власти».⁹⁸

В последний год жизни патриарх Тихон все больше склонялся к мысли о необходимости отказа от поиска компромиссов с властями и перехода Церкви на «катакомбное» положение. Об этом свидетельствовал близкий к патриарху Тихону проф. М. А. Жижиленко, позже ставший первым катакомбным епископом: «Незадолго до своей кончины святейший патриарх высказал мысль о том, что, по-видимому, единственной возможностью для Русской Церкви сохранить свою верность Христу – будет в ближайшем будущем уход в катакомбы».⁹⁹

Подобные настроения патриарха не могли не обеспокоить обновленцев и ОГПУ. Как отмечает Л. Регельсон, «последней надеждой обновленцев и их покровителей оставалась смерть Патриарха Тихона, надежда на то, что, потеряв патриаршее церковное возглавление, русские архиереи не смогут самостоятельно управлять Церковью и снова потянутся к обновленческому Синоду... Надежды эти на смерть Патриарха Тихона удивительно скоро сбылись».¹⁰⁰

До самой своей загадочной кончины патриарх Тихон, по свидетельствам очевидцев, чувствовал себя вполне здоровым. 29 мая 1924 г. он даже издал воззвание о подготовке к созыву законного Поместного Собора¹⁰¹, который, в случае его проведения, выбил бы окончательно почву из-под ног у обновленчества.

Однако 7 апреля 1925 г. патриарх Тихон внезапно скончался при загадочных обстоятельствах. В церковном народе и ближайшем окружении святейшего упорно сохранялось убеждение, что патриарх был отравлен.¹⁰²

Как сообщал эмигрировавший из СССР проф. И. Андреев (Андреевский): «По свидетельству расстрелянного в 1930 г. врача и друга святейшего патриарха Тихона, профессора, доктора М. А. Жижиленко (который, будучи главным врачом московской тюрьмы «Таганки», с 1927 г. стал первым катакомбным епископом Максимом, за что был сослан в Соловки, и затем расстрелян) – Святейший был, несомненно, отравлен».¹⁰³

Кроме того, как свидетельствовал протоиерей Александр Толгский: *«После признаний, сделанных мне на исповеди одним из врачей больницы Бакунина, у меня нет ни малейших сомнений в том, что патриарх Тихон был отравлен»*.¹⁰⁴

Со смертью патриарха Тихона закончилась целая эпоха в истории Русской Церкви. Томившийся в заключении прот. Михаил Польский по этому поводу вспоминал: «Все мы чувствовали тогда, что наступает новый тяжкий период жизни Церкви. Лица заключенных наших архиереев были не так грустны, как суровы и строги. Все мы создавали, что опасность надвигалась... Счастливый период борьбы с врагом, когда перевес был на нашей стороне, во всяком случае, кончился. Это понимал каждый».¹⁰⁵

Смерть святителя принесла не только скорбь, но и новые испытания. Через неделю после загадочной смерти патриарха советской прессой было растиражировано составленное ОГПУ т.н. «Завещание патриарха Тихона», будто бы подписанное им в день смерти. Этот документ, авторство которого относят к сотруднику ОГПУ Е. Тучкову, по смыслу и стилю совпадал с Заявлениями обновленческого синода о «выражении Божьей воли» в действиях советской власти. Многие близкие к патриарху лица опубликованное в «Известиях» «завещание» однозначно считали фальшивкой и провокацией ОГПУ.¹⁰⁶

По свидетельству проф. И. Андреева: *«Святейший Патриарх Тихон, шедший на целый ряд уступок советской власти для облегчения невыносимого положения Церкви, такую «Декларацию» издать категорически отказался, за что и заплатил своей жизнью... «Завещание» Святейшего Патриарха Тихона, по авторитетному мнению профессора уголовного права Петроградского университета А. А. Жижиленко (родного брата епископа Максима) – было несомненно подложным»*.¹⁰⁷

Также и близкий к патриарху Тихону бывший председатель Московского епархиального совета профессор-протопресвитер В. Виноградов утверждал, что *«этот текст мыслился не как окончательный, а только как предварительный, черновой, и посему не имел официального оформленного вида послания... Текст «послания» имел вид предварительного чернового наброска»*. По словам прот. В. Виноградова, в

день кончины патриарху был принесен проект послания с поправками Тучкова, с которыми патриарх *«не согласился»*.¹⁰⁸ Неожиданная, в тот же день смерть патриарха предредила результаты обсуждения проекта этого документа. Как утверждал о. В. Виноградов, Тучков *«использовал этот факт для самого беззастенчивого обмана митр. Петра и прочих членов Синода»*, опубликовав в «Известиях» под видом «послания» проект документа, навязанного самим ОГПУ.¹⁰⁹ Такое предположение подтверждает тот факт, что «послание» было обнародовано лишь через неделю после смерти патриарха. Ни на похоронах патриарха, когда в присутствии 58 архиереев вскрывалось Завещание святейшего и решался вопрос дальнейшего устройства Церкви, ни в Послании митрополита Петра Крутицкого о вступлении в права Патриаршего Местоблюстителя, ни в других документах на протяжении целой недели ни словом не упоминалось о существовании такого «завещания».

В наше время подложность «завещательного послания» была дополнительно доказана на основе архивных документов. Так, современный церковный историк Д. Сафонов, разбирая архивные материалы, пришел к выводу, что «множество приведенных фактов свидетельствуют о том, что незадолго до своей смерти 7 апреля 1925 г. Патриарх отверг очередной вариант послания, предложенный ему Е. Тучковым, который 15 апреля с небольшими изменениями был опубликован в качестве подлинного послания Патриарха».¹¹⁰ По словам историка, «так называемое «Завещательное послание» Патриарха Тихона от 7 апреля 1925 г. не было подписано Патриархом и не может быть признано подлинным... В данном случае, когда ГПУ ожидало смерти Патриарха и рассчитывало внести раскол в среду «тихоновского» епископата, опубликование подобного «Завещания» чрезвычайно выгодно ГПУ».¹¹¹

2. «Тихоновская» Церковь в период Местоблюстительства. Новые гонения и расколы

В отличие от «Тучковского Завещания», вызывающего уже более 80-ти лет нескончаемые сомнения и споры, подлинное Патриаршее Завещание было вскрыто и оглашено сразу же после смерти патриарха, не вызвав ни сомнений, ни споров относительно его подлинности. Содержание его было совершенно иным...

Понимая, что богоборцы, имея целью полное уничтожение Православной Церкви, после его смерти не позволят собраться свободному Поместному Собору для выборов нового законного патриарха и таким образом лишат Церковь канонического возглавления, патриарх Тихон, в соответствии с решением Поместного Собора 1917-1918 гг. в своем Патриаршем Завещании от 7 января 1925 г. назначил Местоблюстителем Патриаршего Престола митрополита Кирилла (Смирнова) Казанского¹¹² (впоследствии – один из отцов-основателей Катакомбной Церкви). При этом в Завещании специально оговаривалось, что если митрополит Кирилл по не зависящим от него причинам не будет иметь возможности вступить в свои права Местоблюстителя, то его должен заместить митрополит Агафангел (Преображенский) Ярославский, а если этого не смогут сделать ни митр. Кирилл, ни митр. Агафангел, то тогда в права Местоблюстителя должен будет вступить митрополит Петр (Полянский) Крутицкий.¹¹³ Как известно, митрополиты Кирилл и Агафангел на тот момент были арестованы ОГПУ, в связи с чем, согласно Завещанию патриарха, именно святителю Петру довелось понести этот тяжкий крест.

В день погребения святителя Тихона, 12 апреля 1925 г., состоялось Архиерейское Совещание, в котором приняли участие 58 архиереев, съехавшихся в Москву на отпевание патриарха. Ознакомившись с текстом Патриаршего Завещания, епископы постановили подчиниться воле почившего первосвятителя. Поскольку митрополиты Кирилл и Агафангел, как было сказано выше, томились в ссылке, обязанности

Патриаршего Местоблюстителя были возложены на упомянутого в Завещании третьего кандидата – митрополита Крутицкого Петра.¹¹⁴

Митрополит Петр, приняв на себя бремя церковного управления в столь тяжкие времена, следовал по пути, предложенному его святым предшественником патриархом Тихоном, – твердое стояние на страже Православия, бескомпромиссное противодействие обновленчеству и отказ от сотрудничества с ОГПУ.

ОГПУ пыталось найти подход к новому предстоятелю «тихоновской» Церкви. В обмен на разрешение существования церковно-административных органов ему было предложено пойти на ряд уступок: «1) издание декларации, призывающей верующих к лояльности относительно советской власти; 2) устранение неугодных власти архиереев; 3) осуждение заграничных епископов; 4) контакт с правительством, в лице представителя ГПУ».¹¹⁵ Следуя заветам патриарха Тихона, митрополит отказался пойти на подобные предложения.

Одновременно, после кончины патриарха Тихона, обновленцы в 1925 году по инициативе ОГПУ стали готовиться к своему очередному лже-собору. В рамках подготовки к «собору» они вновь начали предпринимать попытки договориться с «тихоновской» Церковью об объединении; и некоторые из православных иерархов готовы были пойти навстречу таким предложениям, инициированным в ОГПУ.¹¹⁶ Через проведение совместного собора и объединение «тихоновцев» и обновленцев ОГПУ рассчитывало устроить новый церковный переворот и отстранить от управления Церковью митрополита Петра и единомышленников с ним архиереев, передав всю полноту церковной власти «большинством голосов» обновленцам.

В этих обстоятельствах глава «тихоновской» Церкви митрополит Петр 28 июля 1925 г. обратился к «архипастырям, пастырям и всем чадам Православной Российской Церкви» с посланием, в котором бесстрашно обличил происки обновленцев, за спиной которых стояли гонители Церкви, а колеблющихся и малодушных убеждал хранить верность Истинному Православию и канонической правде.¹¹⁷

Изданием «Послания» Патриаршего Местоблюстителя был нанесен удар по планам ОГПУ о подчинении «тихонов-

цев» через объединение с обновленцами. Поэтому на состоявшемся в октябре 1925 г. обновленческом лже-соборе было выдвинуто категорическое требование об устранении митрополита Петра Крутицкого, а в обновленческих и советских газетах и журналах развязана кампания травли Местоблюстителя Патриаршего Престола.¹¹⁸

В ОГПУ был разработан специальный план по устранению митрополита Петра и учинению нового раскола. 11 ноября 1925 года Комиссия по проведению Декрета об отделении Церкви от государства при ЦК ВКП(б) постановила: *«Поручить т. Тучкову ускорить проведение наметившегося раскола среди тихоновцев... В целях поддержки группы, стоящей в оппозиции к Петру (Местоблюстителю патриаршества), поместить в «Известиях» ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого собора. Просмотр статей поручить т.т. Стеклову П.И., Красикову П.А. и Тучкову. Им же поручить просмотреть готовящиеся оппозиционной группой декларации против Петра. Одновременно с опубликованием статей поручить ОГПУ начать против Петра следствие».*¹¹⁹

В конце ноября проведены были массовые аресты «тихоновских» архиереев и священнослужителей, близких к митрополиту Петру.¹²⁰ Предчувствуя свой неминуемый скорый арест, митрополит Петр 5 и 6 декабря 1925 г. составил два документа, в которых назначил себе временных заместителей, среди которых был один из отцов-основателей Катакомбной Церкви митрополит Иосиф (Петровых, †1937) Петроградский. В распоряжении святителя Петра в частности говорилось: «В случае нашей кончины наши права и обязанности как Патриаршего Местоблюстителя до законного выбора нового Патриарха представляем временно, согласно воле в Бозе почившего Святейшего Патриарха Тихона, Высокопреосвященным митрополитам Казанскому Кириллу и Ярославскому Агафангелу».¹²¹ В случае же невозможности по каким-либо обстоятельствам тому и другому митрополиту вступить в исполнение означенных прав и обязанностей, таковые передавались митрополиту Арсению (Стадническому) либо митрополиту Сергию (Страгородскому).¹²² А в дополнительном распоряжении, составленном митрополитом Пе-

тром, также говорилось, что в случае невозможности вступить в свои права означенным архиереям, «во временное исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя вступит Высокопреосвященный Михаил (Ермаков), Экзарх Украины, или Высокопреосвященный Иосиф (Петровых), архиепископ Ростовский... Возглашение за богослужением моего имени, как Патриаршего Местоблюстителя, остается обязательным».¹²³

10 декабря 1925 года отказавшийся идти на сотрудничество с ОГПУ Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Петр был арестован.¹²⁴ Одновременно были арестованы более 10 архиереев, близких к митрополиту Петру и влиявших на вопросы церковного управления.¹²⁵

Через четыре дня после ареста митрополита Петра и других влиятельных архиереев, 14 декабря 1925 г., митрополит Сергей (Страгородский), не попытавшись согласовать свои действия с указанными в Завещании митрополитами Кириллом и Агафангелом и другими епископами, поспешил объявить о принятии на себя прав Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.¹²⁶ При этом, как и митрополиты Кирилл и Агафангел, он не мог прибыть в Москву для принятия обязанностей заместителя, поскольку находился в Нижнем Новгороде под следствием и подпиской о невыезде.¹²⁷

Поспешное и не согласованное с другими иерархами объявление бывшего обновленческого митрополита «Заместителем Патриаршего Местоблюстителя» не признали многие православные архиереи. Одним из первых категорически отказался признавать законность полномочий митрополита Сергея архиепископ Андрей (кн. Ухтомский) Уфимский с группой единомышленников епископов.¹²⁸ Кроме того, 22 декабря в Москве в Даниловом монастыре состоялось архиерейское совещание, в котором приняло участие 12 архиереев. Совещание не признало полномочий митр. Сергея и учредило «Временный высший церковный совет» (ВВЦС) под председательством архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского).¹²⁹ Так произошел еще и григорианский раскол, который поддерживали власти.

В ситуации нарастающей конфронтации между «григорьевцами» и «сергиевцами», вышедший на свободу старейший иерарх Русской Церкви митрополит Агафангел (Преоб-

раженский) Ярославский, наделенный патриархом Тихоном полномочиями Патриаршего Местоблюстителя, 18 апреля 1926 г. обратился к епископату и духовенству с посланием, в котором, ссылаясь на Завещание патриарха Тихона, объявил о своем вступлении в права Патриаршего Местоблюстителя.¹³⁰ Таким образом, споры и претензии на власть митр. Сергия и архиеп. Григория с этого момента теряли свою правомочность. Митрополит Петр (Полянский) из заключения в мае 1926 г. письменно признал законность такого акта митрополита Агафангела, полностью передав ему свои полномочия Патриаршего Местоблюстителя и отозвав полномочия митрополита Сергия как своего заместителя.¹³¹ Однако сам митрополит Сергей подчиниться указанным распоряжениям и сложить с себя полномочия категорически отказался. Назревала новая смута и раскол. В этой ситуации митрополит Агафангел, дабы не усугублять раскол, «ради мира церковного» (как сказано в письме митр. Агафангела), решил уступить полномочия Патриаршего Местоблюстителя обратно митрополиту Петру.¹³² При этом митрополит Агафангел в письме на имя митрополита Петра от 12 июня 1926 г. рекомендовал передать патриаршее местоблюстительство митрополиту Кириллу (Смирнову), первым указанному в Завещании патриарха Тихона.¹³³

Следует отметить, что основной задачей введения временной формы управления Церковью – местоблюстителей и их заместителей – было при первой же возможности созвать свободный Собор для выборов нового канонического Патриарха и восстановить, таким образом, законную власть в Русской Церкви. Такой тайный Собор фактически был проведен в 1926 г. путем сбора подписей всех православных иерархов.¹³⁴

Это событие исторической важности незаслуженно забыто было в годы гонений. Поэтому кратко обратим на него внимание.

Инициаторами тайного избрания патриарха выступили епископы Павлин (Крошечкин), Корнилий (Соболев) и Афанасий (Сахаров), заручившиеся поддержкой ссыльных соловецких архиереев. Митрополит Сергей (Страгородский) изначально отказался поддерживать такие инициативы епископата. Однако в поддержку проведения выборов

патриарха были собраны подписи 25 епископов. Кроме того, была получена письменная поддержка такого начинания со стороны пребывавших в ссылке на Соловках епископов. В такой ситуации митрополит Сергей вынужден был подчиниться мнению большинства, хотя и уклонялся от активной поддержки этого соборного начинания. Как свидетельствовал об этом архиепископ Корнилий (Соболев): «Он (митр. Сергей, – прим.) как будто не особенно склонен был вести, по-моему мнению, дело об избрании Кирилла, но положение и каноны обязывали его это сделать».¹³⁵

При отсутствии законной церковной власти и нараставших разногласиях между митр. Агафангелом, митр. Сергием, архиеп. Григорием и другими, проведение тайного Собора и избрание на нем канонического главы Русской Церкви казалось единственным выходом из сложившегося тупика. Свои действия епископ Павлин (Крошечкин) пояснял так: «Ввиду тревожного положения Церкви желательно начать дело об избрании патриарха».¹³⁶ Как уже отмечалось, к ноябрю 1926 г. было собрано 72 подписи архиереев в поддержку избрания всероссийским патриархом митрополита Казанского Кирилла.¹³⁷

Однако соборное волеизъявление епископата Русской Церкви так и не было воплощено в жизнь из-за противодействия советской власти. На конечной стадии избирательного процесса были неожиданно арестованы двое участников тайного сбора подписей. В руках ОГПУ оказались почти все документы этого несанкционированного властями мероприятия, в т.ч. и избирательные бюллетени с подписями епископов.¹³⁸ Большинство участников тайного соборного голосования были арестованы и заключены в тюрьмы и лагеря. Не был допущен к исполнению своих обязанностей и митрополит Кирилл, который органами ОГПУ 21 декабря 1926 г. был снова арестован и брошен в тюрьму на новый срок (осенью 1926 г. истек срок его ссылки).¹³⁹ Был арестован по этому делу и митрополит Сергей (Страгородский), однако, в отличие от других архиереев, очень скоро выпущен на свободу. Как оказалось, ОГПУ изначально было осведомлено о проводимых тайно выборах патриарха и использовало этот процесс для новых репрессий против епископата. Бытует мнение, что это была спланированная провокация, в которой

принимал участие митр. Сергей.¹⁴⁰ Но подтверждений такой версии пока не найдено.

После ареста митрополита Сергия в права Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, согласно Завещанию митрополита Петра¹⁴¹, вступил митрополит Петроградский Иосиф (Петровых). Предвидя, что и его вскоре лишат возможности управлять Церковью, 8 декабря 1926 г. он издал Завещание, которым в свое отсутствие назначал временными заместителями еп. Корнилия (Соболева), архиеп. Фаддея (Успенского) и архиеп. Серафима (Самойловича).¹⁴²

Поскольку еп. Корнилий и архиеп. Фаддей на момент вступления в силу этого Завещания митрополита Иосифа тоже были арестованы, обязанности заместителя Патриаршего Местоблюстителя принял на себя архиепископ Угличский Серафим (Самойлович).¹⁴³ В своем послании к епископату и духовенству он, подобно митрополиту Агафангелу Ярославскому, призвал руководствоваться на местах принципом самоуправления епархий.¹⁴⁴ В ОГПУ сразу же приступили к обработке нового председателя Церкви, попытавшись уговорить его начать сотрудничество с органами и, подобно обновленцам, издать составленную Тучковым Декларацию о лояльности к советской власти. Архиепископ Серафим (Самойлович), как и его предшественники митрополит Петр и митрополит Иосиф, категорически отказался. В начале марта 1927 г. он был арестован, а вскоре, в том же месяце, из-под ареста был выпущен митрополит Сергей (Страгородский), который еще в заключении дал согласие на сотрудничество с ГПУ.¹⁴⁵

Сразу же по выходе из заключения митрополит Сергей получил от властей разрешение переехать в Москву (право, каковым он не пользовался даже до своего ареста) и здесь наспех, без соборного обсуждения создал т.н. «Временный патриарший синод» (ВПС), члены которого были подобраны митр. Сергием по согласованию с ОГПУ. В его состав вошли иерархи, зарекомендовавшие себя лояльным отношением к советской власти, причем многие из них были бывшими обновленцами.¹⁴⁶ Первое заседание нового «временного синода» состоялось 25 мая 1927 г., а уже в августе того же года этот новоявленный орган был зарегистрирован в Организационно-административном управлении НКВД РСФСР.¹⁴⁷

Потерпев провал с обновленческим расколом, советские карательные органы несколько изменили свою тактику по отношению к Православной Церкви. Прекратив делать ставку на раскольников-обновленцев, вызывавших в народе недоверие и отвращение, большевики задались целью поставить на служение своим интересам оставшуюся самой массовой и влиятельной «тихоновскую» Церковь. Именно с ее помощью (после неудачных попыток искоренить религиозные настроения граждан) тоталитарный режим надеялся контролировать население и навязывать свою безбожную идеологию.

Православный исповедник прот. Феодор Андреев (†1929) так пояснял причины «неравнодушия» большевиков к Церкви:

*«Причина гонений на Церковь со стороны неверующей власти заключается в стремлении подчинить Церковь своему влиянию и через Церковь приготовить народ к будущему принятию антихриста как политического и духовного главы падшего человечества».*¹⁴⁸

С этой целью, сорвав выборы нового патриарха в 1926 г., ОГПУ провело очередные массовые аресты «неблагонадежных» иерархов, после чего руководство Церковью при содействии чекистов было узурпировано бывшим обновленческим митрополитом Сергием (Страгородским).

Будучи заложником данного взамен на свободу обещания о сотрудничестве с ОГПУ, митрополит Сергей оказался послушным орудием в руках советских карательных органов. По их требованию, воспользовавшись арестом митрополитов Петра (Полянского), Кирилла (Смирнова) и других авторитетных иерархов, митрополит Сергей превысил доверенные ему полномочия Временного Заместителя Местоблюстителя и, незаконно присвоив власть Первоиерарха, создал преимущественно из бывших обновленцев собственный «синод», целиком подконтрольный ОГПУ.¹⁴⁹ По сути, при поддержке ГПУ руками бывших обновленцев в Церкви был совершен новый церковный переворот и раскол, получивший название «новообновленческий», или «сергианский».

Позже, в 1936 г. митрополит Сергей, ложно сославшись на мнимую смерть митрополита Петра (на самом деле митр.

Петр был жив еще целый год), окончательно узурпировал церковную власть, поспешив самочинно присвоить себе титул «митрополита Московского и Коломенского, Местоблюстителя Патриаршего Престола Православной Российской Церкви».¹⁵⁰ Беззаконность и цинизм этого акта состояли в том, что совершен он был при еще живом законном Местоблюстителе Патриаршего Престола митрополите Петре (Полянском, расстрелян 10 октября 1937), а также при еще живом законном кандидате в Местоблюстители и Патриархи Русской Церкви митрополите Кирилле (Смирнове, расстрелян 20 ноября 1937 г.)*, как и при еще живых законных Заместителях Патриаршего Местоблюстителя митрополите Иосифе (Петровых, расстрелян 20 ноября 1937 г.) и архиепископе Серафиме (Самойловиче, расстрелян 9 ноября 1937 г.), не признавших незаконных посягательств ставленника ОГПУ и бывшего обновленческого митрополита Сергия (Страгородского). [I]**

Однако вернемся к событиям 1927 г. Самочинно образовав т.н. «временный синод» и узурпировав при поддержке ОГПУ церковную власть, митрополит Сергей 29 июля 1927 г. издал «Послание Заместителя Патриаршего Престола и Временного при нем Патриаршего Священного Синода», более известное как «Декларация о лояльности к советской власти». В этом документе митрополит Сергей от имени всей Русской Церкви «узаконивал» богоборческий коммунистический режим, выражал солидарность со всеми его действиями и объявлял его «радости и горести» – «радостями и горестями Церкви».¹⁵¹

При этом в Декларации от всех православных требовалось «переломить себя и оставить свои политические симпа-

* В книге митрополита Иоанна (Снычева) Ленинградского «Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия» (Сортавала, 1993 г.) ложно утверждается, что митр. Кирилл умер в 1940-е гг. от укуса змеи, перед этим будто бы примирившись с митр. Сергием (Страгородским). На самом деле митр. Кирилл был расстрелян за руководство «нелегальными ячейками ИПЦ» в 1937 г. вместе с митр. Иосифом (Петровых). Более того, он не только не признал перед смертью митр. Сергия, но еще более ужесточил свое отношение к сергианству, выразив свою полную солидарность по этому вопросу с митр. Иосифом.

** См. дополнительные пояснения в конце работы.

тии дома», а от несогласных – «не мешать нам, устранившись временно от дела». Кроме того, в Декларации в ультимативной форме высказывалось требование даже к зарубежному духовенству «дать письменное обязательство в полной лояльности к советскому правительству во всей своей общественной деятельности». При этом в Декларации отмечалось, что «не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии».¹⁵²

В Декларации православные призывались «не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его». Синод митр. Сергия выражал также «всенародно нашу благодарность советскому правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения» и заверял «правительство, что мы не употребим во зло оказанного нам доверия».¹⁵³

При этом митр. Сергей прямо в тексте Декларации признавался, что его «временный синод» был учрежден им самочинно («по моему приглашению») и с «разрешения власти».¹⁵⁴

Документ этот работники ОГПУ массово тиражировали типографским способом и распространяли по епархиям страны.

Обнародованная Декларация вызвала невероятный шок, а затем бурю протестов со стороны большинства православных архиереев Русской Церкви. Они считали, что объявленный митр. Сергием от имени всей Церкви новый курс церковной политики искажал основы православной экклезиологии, вносил в Церковь «яд обновленческой идеологии», лишал Церковь внутренней свободы и независимости и ставил ее в подчиненное положение по отношению к антихристианской власти.¹⁵⁵

Уже в сентябрьском послании того же года ссыльные словецкие архиереи выразили несогласие с такой политикой Временного заместителя местоблюстителя. В своем послании они отмечали: «...Мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена (в Декларации - *прим. авт.*) в такой категорической и безоговорочной форме, которая

легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и государства...».¹⁵⁶

Православная совесть большинства архиереев и пастырей, пребывавших как на свободе, так и в заключении, не могла принять такую безоговорочную капитуляцию перед безбожием и его носителями. По всей стране стихийно начали раздаваться протесты епископата и духовенства.

Ситуацию усугубил указ митр. Сергия от 21 октября об обязательном поминовении на богослужениях как его имени, так и советских властей.¹⁵⁷ Требование о литургическом единении с безбожной властью многими было расценено не просто как компромисс, но и как практическое исповедание полного духовного единства с ней.

Следом за этим митр. Сергий на практике попытался доказать свою лояльность советской власти, смещая с кафедр «неблагонадежных» и ссыльных архиереев (за несколько месяцев было перемещено около сорока архиереев) и рукополагая на их места новых епископов лишь после согласования кандидатур с ОГПУ.¹⁵⁸

Смятение и недоумения православных очень скоро вылились в серьезную оппозицию новому, «новообновленческому», как его стали называть, курсу митрополита Сергия.

Многие архиереи заговорили о превышении митр. Сергием своих полномочий «временного заместителя», об узурпации церковной власти и учинении им «новообновленческого раскола»*, устранившего законную церковную власть в Церкви, перешедшую теперь к бывшим обновленцам (каковыми были митр. Сергий Страгородский, митр. Алексей Симанский и другие).¹⁵⁹

* Отношение к сергианству как к «новообновленчеству» бытовало среди «непоминающих» не только в 1930-е, но и в 1940-е – 1950-е гг. Так, неизвестный катакомбный епископ А. в конце 1940-х – начале 1950-х гг. писал в письме к Ф.М.: «Сергианство - это второе издание обновленчества. Когда русский народ с возмущением и брезгливостью весь отошел от обновленцев, то организаторам его необходимо было заменить их чем-нибудь более приличным. Поэтому появилось сергианство в той редакции, в какой мы его наблюдаем» [Письма катакомбного Епископа А. к Ф.М. // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://www.catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=168>].

Так, в мае 1928 г. пребывавший в ссылке в Харькове епископ Старобельский Павел (Кратиров) написал открытое письмо «О модернизированной Церкви, или О Сергиевском православии», в котором указывал, что Декларация затрагивает самую суть православно-церковного вероучения: *«Ведь митр. Сергей вводит в церковное богослужение неслыханную в истории Церкви ересь модернизированного богоотступничества, естественным последствием которой явилась церковная смута и раскол... Митрополит Сергей своей сумудренной и злочестивой декларацией и последующей антицерковной работой создал новый обновленческий раскол или Сергиевское обновление...»*.¹⁶⁰

В другом письме епископ Павел (Кратиров) писал: *«Церковь Христова – это ничто иное, как Царство Божие, а Царство Божие, по словам Спасителя, внутри нас. Неужели же это царство Божие внутри нас нуждается во всей этой мерзостной системе, которую допускает митр. Сергей во взаимоотношениях с внешними? Неужели из-за сохранения церковно-хозяйственного имущества (храм, здание, утварь) можно продать Христа и Царство Божие? Какая же тогда разница между Иудой и современными Христородавцами?»*.¹⁶¹

В Москве один из авторитетнейших «тихоновских» священников прот. Валентин Свенцицкий в январе 1928 г. в открытом письме митр. Сергию так характеризовал происшедшее: *«И «Живая Церковь», захватившая власть Патриарха, и григорианство, захватившее власть Местоблюстителя, и Вы, злоупотребивший его доверием, – вы все делаете одно общее, антицерковное обновленческое дело, причем Вы являетесь создателем самой опасной его формы, так как, отказываясь от церковной свободы, в то же время сохраняете фикцию каноничности и Православия. Это более, чем нарушение отдельных канонов!»*.¹⁶²

Другой авторитетный «тихоновский» архипастырь, управляющий Черниговской епархией епископ Дамаскин (Цедрик), входивший в состав близкого окружения Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского), в марте 1929 г. писал митр. Сергию: *«Страшно подумать, как пошатнули, подорвали Вы вашей Декларацией авторитет церковной иерархии, какую обильную жатву собирают на этой почве враги наши, как много верующих, не видя для*

себя доброго примера в своих пастырях, усомнились в Вечной Правде, и как много их посему отшатнулось от Церкви и погибает в отщепенческих болотах и в струях сектантства! Пользуются умело враги произведенным Вами в Церкви смятением и с удесятерённой наглостью проводят свою безбожную программу... О, Ваше Высокопреосвященство, пока не поздно, посмотрите, к какой пропасти подвели Вы доверившихся Вам и, пока не поздно, торопитесь исправить свою ошибку... Большинство ссыльных иерархов до сих пор не предполагали, что в действительности Вы и Ваши единомышленники... ушли гораздо дальше, чем мы в состоянии были предположить; что Вы перешагнули далеко за намеченную Вами раньше черту, и дальше путь Ваш идёт уже с очевидным уклоном по направлению за ограду Церкви. Постепенно истина эта открывается для всех. Мы все остановились, не идя с Вами, и продолжаем умолять, звать Вас вернуться, вновь соединиться с нами. Но ведь жизнь не может остановиться, и мы вынуждаемся идти вперёд своей прежней дорогой. Мы умоляем, зовём Вас, Владыка, мы всё ещё возле Вас и готовы подать Вам руки... Если Вы всё же не внемлете, не возвратитесь, то пойдёте Вашим уклоном дальше. Но без нас».¹⁶³

Архиепископ Черниговский и Нежинский Пахомий (Кедров) в 1930 г. так писал: «Новая церковная политика митрополита Сергия вызывает великое смущение и соблазн в церковном народе и вообще у большинства верующих, от иерархов до мирян. Сердце доброго пастыря, естественно, сжимается от нестерпимой скорби при виде этой потрясающей картины великого церковного разорения, наполовину произведенного рукою предстоятеля Церкви. Не нужно нам таких реформ церковных. Лучше мы все вновь и вновь пойдём в узы и изгнание, лишь бы сохранить души вверенного нам народа Божия. Ибо все дадим великий ответ за гибель чад своих /.../ Святая Церковь может быть подвергнута внешним бедствиям: гонениям и стеснениям, но отказаться от своей духовной свободы и достоинства не может... Нельзя свободу Церкви и ее достоинство предавать на поприще, «чтобы не быть гонимым за крест Христов» /.../ Легализация, которую стараются проводить митр. Сергий и его Синод, является совершенно неприемлемой и невозможной, потому что она...

*противна природе Церкви, противна разуму, ибо стремится соединить несовместимое... В церковном отношении она преступна, ибо продает свободу внутренней жизни Церкви и кощунственно унижает ее святость и достоинство...».*¹⁶⁴

Действия митрополита Сергия усублялись тем, что под своей «Декларацией о лояльности к советской власти» он требовал от православных архипастырей даже за рубежом ставить свои подписи, а тех, кто отказывался принимать ее, объявлял «раскольниками».¹⁶⁵

Таким образом, вне общения с самочинно созданным при помощи ОГПУ прообновленческим сергианским «временным синодом» оказалось большинство иерархов страны, многие из которых пребывали в лагерях и тюрьмах. Считая недопустимым соглашательство и подчинение богоборцам, поспране внутренней свободы Церкви и канонической Ее чистоты ради внешнего благополучия, эти иерархи отказались идти на навязываемое Сергием сотрудничество с ОГПУ. Один за другим православные иерархи и священники прекращали поминать митрополита Сергия на богослужениях. Так зародилось движение «непоминающих» (не поминавших советскую власть и митр. Сергия).¹⁶⁶ За довольно короткий срок стихийная оппозиция антиканоническим действиям митрополита Сергия охватила все епархии Русской Церкви.

Первоначально епископат и духовенство просто не вводили навязываемую самочинным «временным синодом» формулу поминовения советской власти и митрополита Сергия, продолжая поминать на богослужениях как единственного законного Первоиерарха митрополита Петра (Полянского). В то же время, как уже отмечалось, многие иерархи, не желая зарождения провоцируемой митрополитом Сергием новой церковной смуты, пытались посылать на его имя увещательные послания, в которых умоляли прислушаться к соборному голосу Церкви, отказаться от подчинения и сотрудничества с безбожниками и вернуться к каноническим основам управления Церковью.¹⁶⁷

Но в ответ митрополит Сергей подверг большинство несогласных смещениям с кафедр, «прещениям» и «отлучению».¹⁶⁸ Новообновленческий раскол окончательно обрел ярко выраженные внешние формы. В связи с этим «тихоновские» истинно-православные епископы и духовенство

вынуждены были предпринять решительные меры по ограждению Церкви от антиканонических посягательств новоявленных узурпаторов и раскольников. Отказавшись исполнять провокационно-отступнические требования митрополита Сергия, один за другим православные епископы повсеместно стали объявлять о разрыве евхаристического общения с «красным синодом» и переходить на Указ патриарха Тихона № 362 от 20 ноября 1920 г. «О самоуправлении епархий», «повторяя опыт борьбы против обновленчества».¹⁶⁹

По сути, оппозиция митрополиту Сергию была продолжением «тихоновщины». Так классифицировали ее последователей и советские карательные органы.

Во главе антисергианской оппозиции стояли те же иерархи и пастыри, которые в начале 1920-х гг. активно противостояли попыткам ГПУ навязать обновленческий раскол и сохраняли верность патриарху Тихону. И наоборот, и сам митрополит Сергий, и большинство поддержавших его иерархов в прошлом лояльно относились к обновленчеству или же были обновленческими иерархами, завербованными ОГПУ. Этот факт открыто признавали и сами сергиане. Так, сергианский епископ Мануил (Лемешевский) об антисергианской оппозиции во время проповеди в ленинградском Троицком соборе 29 апреля 1928 г. говорил: «Откололись наилучшие пастыри, которые своей непорочностью в борьбе с обновленчеством стояли много выше других».¹⁷⁰ Также и митрополит Ленинградский Иоанн (Снычев) писал: «Многие из тех пастырей, которые в годы борьбы с обновленчеством показали себя стойкими борцами за чистоту православия, выступили теперь против митр. Сергия».¹⁷¹

3. Уход «тихоновской» Церкви в катакомбы

После событий 1927 г. главным основанием для ОГПУ при массовых арестах православных епископов и священников стало служить их отношение к Декларации и синоду митр. Сергия.¹⁷²

Как в свое время поминование имени патриарха Тихона за богослужением и непризнание обновленческого раскола служило для большевиков поводом к осуждению своих жертв на ссылку или казнь, так теперь, наоборот, за поминование советского митрополита Сергия (также бывшего обновленца) и непризнание учиненного им новообновленческого раскола сотни тысяч истинно-православных пастырей и пасомых сподоблялись мученических венцов.¹⁷³

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. прокатилась первая волна арестов «непоминающих» иерархов, на освободившиеся кафедры которых митрополит Сергей тут же назначал прошедших «переподготовку» в ОГПУ новых архиереев. Постепенно во главе всех ключевых епархий оказались поддерживаемые ОГПУ бывшие обновленцы и сергиане.¹⁷⁴ Но подобные меры только еще больше отвернули многих «тихоновских» архиереев, священников и верующих от порожденной Сергием и ОГПУ новообновленческой структуры.

Несмотря на репрессии, стихийное внутрицерковное оппозиционное движение «непоминающих» постепенно стало приобретать черты организованности.¹⁷⁵ В Петрограде (переименованном большевиками в Ленинград) «тихоновских» истинно-православных архипастырей и пастырей возглавил авторитетнейший иерарх Русской Церкви митрополит Иосиф (Петровых) Петроградский, назначенный митр. Петром (Полянским) своим заместителем на случай, если митрополит Сергей по какой-либо причине (в т.ч. и канонической) не сможет исполнять эти обязанности.¹⁷⁶ Из лагерей возвысил голос в защиту гонимой и поругаемой Церкви назначенный еще патриархом Тихоном своим Местоблюстителем и избранный в 1926 г. через сбор подписей православных архиереев новым Патриархом (72 голоса «за») митрополит Кирилл (Смирнов) Казанский¹⁷⁷, вставший наряду со свя-

тителем Иосифом Петроградским во главе Истинно-Православной Церкви. Вокруг этих и других святителей объединилось более полусотни епископов и тысячи священников.

Выступил против узурпации митрополитом Сергием церковной власти и назначенный патриархом Тихоном вторым по списку кандидатом в Местоблюстители митрополит Агафангел (Преображенский).¹⁷⁸ Не поддержал митр. Сергия архиепископ Серафим (Самойлович), исполнявший обязанности Заместителя Местоблюстителя в 1926 г.¹⁷⁹ Осудил из туруханской ссылки незаконные действия своего временного заместителя и действующий Местоблюститель, митрополит Петр (Полянский)¹⁸⁰, которого большевики всеми силами пытались изолировать от влияния на церковную жизнь.

В Украине движение «непоминающих» охватило епархии Киевскую, Подольскую, Черниговскую, Харьковскую, Сумскую, Полтавскую, Зиновьевскую, Донецкую, Днепропетровскую, Херсонскую, Николаевскую, Одесскую и другие. Оппозиционное духовенство этих епархий, кто открыто, а кто тайно, поддерживало тесные связи с «иосифлянами» (по имени митр. Иосифа (Петровых)). Кроме того, в Киевской и ряде других епархий существовала отдельная, более умеренная украинская группа «непоминающих» епископов (несколько десятков), которую возглавлял нелегально проживавший в Киеве схиархиепископ Антоний (кн. Абашидзе).¹⁸¹ Эта многочисленная группа украинских епископов не поминала митр. Сергия, но при этом сохраняла молитвенное общение как с «сергианами», так и «иосифлянами», поскольку и те, и другие признавали своим Первоиерархом митр. Петра (Полянского) и поминали его на богослужениях.

Не приняли декларацию митрополита Сергия, как уже отмечалось, ссыльные соловецкие епископы, а также десятки других архиереев. Некоторые из них, не примыкая окончательно к какому-то конкретному церковному течению, переходили на самоуправление в соответствии с Указом патриарха Тихона № 362.

Не желая соучаствовать в отступлении и расколе, во многих епархиях духовенство и монашествующие, в знак протеста и несогласия, Декларацию митр. Сергия отправляли обратно ее автору.¹⁸²

В письме своему заместителю архиепископу Димитрию (Любимову) Гдовскому митрополит Иосиф (Петровых) Петроградский писал, что уже к началу 1928 года от митрополита Сергия отложились 26 епископов.¹⁸³ К началу 1930-х гг. их насчитывалось уже около 40.¹⁸⁴ Постепенно их число все более увеличивалось. Все эти архиереи в 1922–1923 гг. ревностно противостояли обновленчеству и сохраняли верность патриарху Тихону (напомним, что в 1922 г. верными «тихоновской» Церкви остались лишь 36 архиереев, тогда как 37 (во главе с митр. Сергием (Страгородским) и Алексием (Симанским) – признали обновленческое «ВЦУ»).

Среди не принявших «сергиевское обновление» следует назвать таких выдающихся святителей, как архиеп. Димитрий (Любимов), архиеп. Феодор (Поздеевский), архиеп. Андрей (Ухтомский), архиеп. Прокопий (Титов), архиеп. Иоанн (Попов), архиеп. Пахомий (Кедров), еп. Виктор (Островидов), еп. Сергей (Дружинин), еп. Алексей (Буй), еп. Максим (Жижиленко), еп. Дамаскин (Цедрик), еп. Павел (Кратиров), еп. Варлаам (Лазаренко), еп. Василий (Зеленцов), еп. Макарий (Кармазин) и многие другие. Все до единого они мученически погибли в советских концлагерях и тюрьмах.

Этот период в истории Русской Церкви, период великого предательства, совершившегося в самых недрах ее, дал и величественный сонм новых мучеников. Все не признававшие митрополита Сергия и не желавшие налагать на себя добровольную узду подчинения антихристианской власти подвергались арестам и мучениям.

Декларация митр. Сергия не только никого не спасла от мучений, но, наоборот, послужила поводом и причиной усиления гонений и репрессий.¹⁸⁵

«...Как много появилось новых страдальцев, – писал в январе 1928 г. митрополиту Сергию архиепископ Серафим (Самойлович), – которых страдания еще более усугубляются сознанием того, что эти страдания явились следствием вашей новой политики...».¹⁸⁶ Другой авторитетный святитель, архиепископ Черниговский Пахомий (Кедров) в 1930 г. писал: «Не признающие митроп. Сергия церковные деятели уже ссылаются в Соловки, где количество архиереев возрастает с каждым годом».¹⁸⁷

«Как в свое время поминовение имени Патриарха за бо-

гослужением было признаком контрреволюционности данной Церкви, так теперь, наоборот, непомяновение имени митрополита Сергия могло означать контрреволюцию», – вспоминал не принявший Декларацию ссыльный прот. Михаил Польский.¹⁸⁸

Уже к 1929 году были арестованы более 15 отделившихся от митрополита Сергия епископов. В последующие годы репрессии ОГПУ против церковной оппозиции усилились.

Содействуя таким расправам, митрополит Сергей и его «временный синод» официально, на весь мир заявляли, что в СССР репрессий на религиозной почве нет и что архиереи и священники отбывают наказание исключительно за «политические преступления». Так, на официальной пресс-конференции 15 февраля 1930 г. митрополит Сергей (Страгородский) и члены его синода от лица всей Русской Церкви заявили:

*«Гонения на религию в СССР никакого не было и нет... К ответственности привлекаются отдельные священнослужители не за их религиозную деятельность, а по обвинению в тех или иных антиправительственных деяниях... Церковные круги не смогли своевременно оценить всего значения совершившегося великого социального переворота и долгое время вели себя как открытые враги соввласти... К сожалению, даже до сего времени некоторые из нас не могут понять, что к старому нет возврата и продолжают вести себя как политические противники советского государства».*¹⁸⁹

В дальнейшем митр. Сергей неоднократно публично повторял подобные заявления перед лицом международной общественности. В частности, в изданной по его благословению книге «Правда о религии в России» отмечалось:

«За годы после Октябрьской революции в России бывали неоднократные процессы церковников. За что судили этих церковных деятелей? Исключительно за то, что они, прикрываясь рясой и церковным знаменем, вели антисоветскую работу. Это были политические процессы, отнюдь не имевшие ничего общего с чисто церковной жизнью религиозных организаций и чисто церковной работой отдельных священнослужителей. Православная Церковь сама громко и решительно осуждала таких своих отщепенцев, изменяющих ее открытой линии честной лояльности по отношению к со-

*ветской власти. Когда, например, целая группа церковных людей во главе с бывшим ленинградским митрополитом Иосифом выступила с чисто политическими антисоветскими взглядами, пытаясь затушевать эти взгляды мнимыми каноническими расхождениями с главой Церкви Митрополитом Сергием, Патриаршая Православная Церковь сразу же приняла свое твердое решение, осудив этих церковников как раскольников, презревших и церковные каноны о подчинении своему главе и нарушивших божественное и апостольское учение о подчинении власти».*¹⁹⁰

Подобные заявления митр. Сергия, по сути, были обвинением всех (десятков тысяч!) арестованных и ссыльных архиереев, священников, монашествующих и мирян, а также всех не принявших его «Декларацию о лояльности советской власти» – в «контрреволюции» и «антиправительственной деятельности». Это существенно упрощало работу советским репрессивным органам.¹⁹¹

Чекистам отныне не нужно было самостоятельно выявлять «врагов народа» среди епископата, духовенства и паствы. Эту функцию принял на себя «временный синод» митр. Сергия. И всякий, кто решался выступить в оппозиции к действиям этого «красного синода», автоматически зачислялся в разряд «контрреволюционеров».

Арест таких оппозиционных архиереев происходил следующим образом: агент ОГПУ являлся к епископу и задавал вопрос: «Как вы относитесь к декларации митрополита Сергия?» Если тот отвечал, что не признает ее, агент заключал: «Значит, вы контрреволюционер».¹⁹² Этого было достаточно для приговора к тюремному заключению или ссылке. На таких митрополит Сергей налагал прещения или смещал с кафедр.¹⁹³ На их место, как уже отмечалось, он сразу же назначал своих ставленников, лояльных к советской власти и получивших одобрение в ОГПУ.¹⁹⁴ По словам Л. Регельсона, таким образом митрополит Сергей осуществил «страшное и непоправимое дело – целенаправленное изменение состава иерархии Русской Церкви».¹⁹⁵ За довольно короткий срок, при помощи репрессий органов ОГПУ, митрополит Сергей полностью заменил на кафедрах епископат, тем самым навязав свою власть и монополию в Церкви.

Как справедливо отмечает по этому поводу председатель

Синода РИПЦ архиепископ Тихон (Пасечник) Омский и Сибирский: «По сути, раскольники-сергиане и обновленцы при помощи богоборцев уничтожили канонический истинно-православный епископат, были соучастниками гонений против святых новомучеников и исповедников российских, благодаря чему завладели не принадлежавшими им храмами, монастырями, святынями и самозванно, по инициативе Сталина, провозгласили себя «Русской Православной Церковью»».¹⁹⁶

И все же, несмотря на репрессии, к истинно-православной оппозиции постоянно примыкали новые священнослужители, не желавшие предавать свою веру в обмен на легализацию и жизнь на свободе. В ряде регионов целые епархии выходили из подчинения митрополиту Сергию. Отвергли новообновленческую сергианскую унию монахи таких твердых Православия, как Киево-Печерская и Александро-Невская Лавры, монастырей Псково-Печерского, Дивеевского, Киево-Покровского, Чернигово-Троицкого, Новгород-Перекомского, Оптиной и Глинской пустыней и многих других. В епархиях, где правящие архиереи оставались в подчинении митрополиту Сергию, многие священники вместе с паствой порывали с ними общение и переходили под омофор митрополита Иосифа Петроградского или идейно близких к нему архиереев. Стихийное оппозиционное движение «непоминающих» к середине 1930-х гг. постепенно переросло в серьезное церковное течение.

В народе оно обрело соответствующее ему по духу название – Истинно-Православная Церковь (ИПЦ). Такое название впервые употребил в феврале 1928 г. митрополит Иосиф (Петровых) в ответном письме сергианскому архимандриту Льву (Егорову).¹⁹⁷ Самих последователей ИПЦ нередко стали называть истинно-православными христианами (ИПХ), для обозначения их принадлежности к ИПЦ (так, один из идеологов ИПЦ в Киеве прот. Анатолий Жураковский еще в 1930 г. последователей ИПЦ называл «истинно-православными христианами»). Названия эти не устанавливались официально и не были оформлены юридически. Во многих местах последователей ИПЦ называли по-разному – «тихоновцами», «истинно-православными», «староцерковниками», «тайноцерковниками», «катакомбниками», «хат-

никами», а также по именам окормлявших их епископов и священников – «иосифлянами», «кирилловцами», «викторианами», «андреевцами», «бுவцами», «мечевцами», «се-рафимовцами», «феодоровцами», «антониевцами», «стефановцами» и т.п. Однако такие названия часто были условны, они вовсе не означали, что это были отдельные группы или течения. Чаще ИПЦ называли «Тихоновской Церковью», а ее последователей – «тихоновцами», по имени патриарха Тихона, заветы которого свято блюли в ИПЦ. Так себя часто идентифицировали и сами последователи ИПЦ, считавшие ее после «новообновленческого раскола» 1927 года канонической правопреемницей дореволюционной Православной Русской Церкви.

Следует отметить, что именно под названием «ИПЦ» эта часть Русской Церкви была «зарегистрирована» и советской властью в сотнях следственных дел, массово заводимых ОГПУ (с июля 1934 г. – НКВД) против антисергиевской церковной оппозиции по всему СССР в период с 1930-х по 1950-е годы. Это название соответствовало духу и убеждениям гонимых архипастырей и пастырей, и потому оно очень скоро было ими принято как факт, а сами страдания и гонения за «принадлежность к ИПЦ» почитались исповедниками за честь. Признав это название, советским органам одного лишь факта «принадлежности к ИПЦ» было достаточно для возбуждения против подозреваемого уголовного дела по статье 58-10 УК РСФСР и определения тюремного срока с отбыванием в ИТЛ от 5 до 25 лет, а то и вовсе расстрела.

Так на крови святых новомучеников и исповедников в богоборческом СССР было положено начало гонимой «тихоновской» Истинно-Православной Церкви (ИПЦ), которая в результате жестоких репрессий и преследований вынуждена была перейти на нелегальный способ служения, от чего позже возникло и другое ее неофициальное название – **Катакомбная** (то есть подпольная) **Церковь**. [II]

Тайное руководство катакомбными общинами ИПЦ нередко осуществлялось опальными архиереями и пастырями прямо из мест заключения и ссылок.

О том, как совершали ссыльные архиереи и пастыри богослужения в Катакомбной Церкви в 1930-е гг., можно судить по воспоминаниям одного из ее последователей – проф. А. Ан-

дреева (Андреевского). Оказавшись в годы II Мировой войны в эмиграции, он вспоминал о своем пребывании в лагере в 1930-е гг.: *«В глубине леса на расстоянии одной версты была полянка, окруженная березами. Эту полянку мы называли «Кафедральным собором» нашей Соловецкой катакомбной церкви в честь Пресв. Троицы. Куполом этого собора было небо, а стенами – березовый лес. Здесь изредка происходили наши тайные богослужения. Чаще такие богослужения происходили в другом месте, тоже в лесу, в «церкви» имени Св. Николая Чудотворца... Господь хранил наши «катакомбы», и за все время с 1928 по 1930 г. включительно мы не были замечены...»*.¹⁹⁸

Другой катакомбный исповедник С. Денисов вспоминал, как в лагерь в посылке с гречневой крупой верующие ему присылали Запасные Дары, которые чекисты принимали за обычные кусочки хлеба, и таким образом он тайно причащался.¹⁹⁹

О заключенных катакомбниках сохранились воспоминания и знаменитого ученого акад. Д. С. Лихачева: *«Духовенство на Соловках делилось на «сергианское»... и «иосифлянское», поддерживавшее митрополита Иосифа, не признавшего декларации. Иосифлян было громадное большинство. Вся верующая молодежь была также с иосифлянами. И здесь дело было не только в обычном радикализме молодежи, но и в том, что во главе иосифлян на Соловках стоял удивительно привлекательный владыка Виктор Вятский... Он был очень образован, имел печатные богословские труды, но вид имел сельского попа... От него исходило какое-то сияние доброты и веселости. Всем стремился помочь и, главное, мог помочь, т.к. к нему все относились хорошо и его слову верили... Однажды я встретил владыку (между собой мы звали его «владычкой») каким-то особенно просветленным и радостным... Вышел приказ всех заключенных постричь и запретить ношение длинных одежд. Владыку Виктора, отказавшегося этот приказ выполнить, забрали в карцер, насильно обрили, сильно поранив лицо, и криво обрезали снизу его одежду... Думаю, что сопротивлялся наш «владычка» без озлобления и страдание свое считал милостью Божией»*.²⁰⁰

Также сохранились воспоминания княгини Н. В. Урусовой о том, как в ссылке в Алма-Ате в 1930-е гг. митрополи-

том Иосифом (Петровых) была под землей обустроена катакомбная церковь, в которой он тайно служил со своими единомышленниками:

*«Вырытая в земле церковь была в квартире архимандрита Арсения. В передней был люк, покрытый ковром. Снималась крышка, и под ней лестница в небольшой подвал. Не зная, нельзя было предположить, что под ковром вход в церковь. В подвале в одном углу было отверстие в земле, заваленное камнями. Камни отнимались и, совсем согнувшись, нужно было проползти три шага и там вход в крошечный храм. Много образов и горели лампы... Создавалось совсем особое настроение, но не скрою, что страх быть обнаруженными во время богослужения, особенно в ночное время, трудно было побороть. Когда большая цепная собака поднимала лай во дворе, хотя и глухо, но все же слышно под землей, то все ожидали окрика и стука ГПУ».*²⁰¹

Подобным образом, по примеру ссыльных архиереев, тайно служили и оставшиеся на свободе архипастыри и пастыри Катакомбной Церкви. Кто тайно на дому, кто в лесах или горах, а кто в пещерах и погребах. Так в Чернигове тайный катакомбный храм ИПЦ был оборудован в тесной пещере, вырытой во дворе одной из прихожанок (по ул. О.Десняка на Лесковице). Вход в пещеру шел через коридор дома в кладовую, а из кладовой через погреб прямо в подземный храм, где тайно совершались богослужения.²⁰² Аналогично в Харьковской области тайный пещерный храм обустроил иером. Серафим (Шевцов), на Кубани – иером. Пимен (Завада), в Воронежской области – иером. Антоний (Гирчев) и многие другие.

С целью нейтрализации движения «непоминающих» и установления жесткого контроля над религиозными организациями, еще в 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР издали постановление «О религиозных объединениях», которым устанавливалось, что «религиозное общество или группа верующих» могут «приступить к своей деятельности лишь после регистрации общества и группы в подлежащем административном отделе (отделении или части) местного исполнительного комитета или городского совета».²⁰³ В соответствии с этим постановлением нелегальная церковная деятельность была объявлена вне закона, а все, кто нару-

шал это требование, автоматически подлежали репрессиям. Поскольку регистрацию можно было получить лишь при условии признания зарегистрированных (легальных) синодов обновленцев и сергиан, то все сторонники нелегальной ИПЦ стали массово, по всей стране, лишаться регистрации и храмов, подвергаться репрессиям и арестам.

Повторялась ситуация начала 1920-х гг., когда большевики отказывали в регистрации «тихоновскому» духовенству и лишали его храмов, передавая их прошедшим регистрацию обновленцам. Только на этот раз большевики действовали с еще большим коварством и жестокостью. Репрессиям подлежали все оппозиционно настроенные клирики, не признавшие легальные сергианско-обновленческие структуры и вынужденные действовать нелегально.

В этой ситуации, как и в 1920-е гг., иерархи и духовенство нелегальной «тихоновской» ИПЦ в своей деятельности опирались на Указ последнего законного патриарха Тихона (Белавина), известный под номером 362 от 7/20 ноября 1920 года.

Суть этого Указа святого патриарха, как уже отмечалось, сводилась к тому, что в случае прекращения деятельности законного Высшего Церковного Управления Русской Церкви правящий епархиальный Архиерей входит в сношение с Архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях (в виде ли Временного Высшего Церковного Управления, или митрополичьего округа, или еще иначе), а в случае отсутствия архиереев, с которыми можно вступать в общение, епархиальный архиерей переходит на самоуправление и берет на себя всю полноту власти в своей Епархии до образования свободного церковного управления. В случае же «крайней дезорганизации церковной жизни, когда некоторые лица и приходы перестанут признавать власть епархиального Архиерея, последний, – сказано в Указе, – не слагает с себя своих иерархических полномочий, но организует из лиц, оставшихся ему верными, приходы и из приходов — благочиния и епархии, представляя, где нужно, совершать богослужения даже в частных домах и других приспособленных к тому помещенных и прервав церковное общение с непослушными».²⁰⁴

Эта форма церковного устройства, как уже отмечалось, имела место уже при жизни патриарха Тихона, а замещавший первоиерарха после его ареста митрополит Агафангел (Преображенский) в своем послании от 5/18 июня 1922 г. предписал всем архиереям перейти на Указ № 362.²⁰⁵ Также и русские православные иерархи, оказавшись после поражения Белой армии в изгнании и продолжая там окормление православной паствы, не принявшей богоборческого коммунизма, на основании Указа № 362 организовали «Высшее Церковное Управление Русской Православной Церкви Заграницей» (позже преобразованное в Синод) и тем самым положили начало самостоятельному существованию Русской Зарубежной Церкви.²⁰⁶

Таким образом, Указ последнего законного патриарха Русской Церкви стал тем каноническим фундаментом, на основе которого было воздвигнуто здание катакомбной Истинно-Православной Церкви (ИПЦ) на Родине и Русской Зарубежной Церкви за пределами Отечества.²⁰⁷

Образование ИПЦ и переход ее на подпольное положение представляли угрозу для коммунистического режима. Дабы не допустить ее усиления и активизации, в 1930-е гг. органами ОГПУ (в 1934 г. преобразован в НКВД СССР) по всей стране начали массово фабриковаться уголовные процессы против т.н. «контрреволюционного подполья ИПЦ». Арестовывались все, кто хоть как-то проявлял несогласие с антицерковной политикой митрополита Сергия. Епископов, священников и верующих в застенках ОГПУ-НКВД насильно заставляли отречься от своих убеждений, а в случае отказа подвергали жесточайшим мучениям. В своей жестокости чекисты нередко доходили до изощренных изуверств и садизма.²⁰⁸

Как сообщает историк И. Осипова, с марта по октябрь 1929 г. чекистами был проведен первый этап всесоюзной операции по уничтожению ИПЦ; массовые аресты истинно-православных христиан (ИПХ) прошли в Москве, Ленинграде, Воронеже, Вятке, Ярославле и других городах и областях. О размахе операции говорит количество арестованных за 1929 г. священнослужителей – более 5 000 человек, что почти в три раза превышает количество осуждённых в 1928 г. клириков. Эти данные не учитывали верующих, арестованных

по групповым делам ИПЦ, или тех представителей ИПЦ, что были арестованы по иным обвинениям. Среди арестованных руководителей были: архиеп. Димитрий (Любимов), архиеп. Варлаам (Ряшенцев), еп. Алексей (Буй), еп. Максим (Жижиленко), еп. Николай (Голубев) и многие другие.²⁰⁹

С сентября 1929 г. по апрель 1930 г. был осуществлён второй этап операции. Он, в основном, был нацелен на Украину, Центрально-Чернозёмную область, Черноморье и Северный Кавказ. Среди арестованных руководителей следует назвать еп. Павла (Кратирова), еп. Варлаама (Лазаренко), еп. Иоасафа (Попова) и многих других.

На третьем этапе – с апреля по декабрь 1930 г. – были проведены аресты в столицах, а также в областях Центрально-Чернозёмной области, в Украине и Белоруссии. По групповому делу «Всесоюзного Центра ИПЦ» были арестованы митр. Иосиф (Петровых) и уже осуждённые, но привлечённые к следствию по новому делу архиеп. Димитрий (Любимов), еп. Алексей (Буй) и многие другие.

О масштабах проведенной в 1930 г. операции можно судить по числу арестованных по делам ИПЦ – свыше 13 000 священнослужителей, что более чем в 2 раза превышало количество осуждённых в 1929 г.

Полученные следствием на допросах новые «признания» дали ОГПУ основание для осуществления четвёртого этапа операции. В начале 1931 г. прошли повторные массовые аресты в Московской, Ленинградской, Псковской и Новгородской областях. Среди арестованных были еп. Сергей (Дружинин), еп. Василий (Дохторов) и уже осуждённый, но привезенный с Соловков на новое следствие еп. Максим (Жижиленко).

С июля 1931 г. по апрель 1932 г. поле деятельности чекистов значительно расширилось. Массовые аресты представителей ИПЦ прошли повторно не только в Московской, Ленинградской, Воронежской, Вятской и Уфимской областях, в Украине и Белоруссии, но также в Сибири и Северном крае. Среди арестованных архиереев можно назвать архиеп. Андрея (Ухтомского), еп. Серафима (Звездинского), еп. Гавриила (Красновского) и многие других.

Число арестованных священнослужителей в период 1931–1932 гг. превысило 19 000 человек. Наиболее активно

чекисты действовали в Москве и Московской области, с гордостью рапортуя, что в *«итоге этой работы почти повсеместно были выявлены и ликвидированы филиалы и ячейки этой организации с общим количеством участников свыше 4000 человек»*.²¹⁰

Наибольший оплот ИПЦ составляло крестьянство, наименее поддававшееся советской пропаганде и традиционно хранившее христианские устои и верность православию.

С целью сломить и уничтожить православное крестьянство и его сопротивление советской власти, большевиками были навязаны продразверстка и коллективизация. Всех несогласных подвергали «раскулачиванию» и насильственному выселению в Сибирь, арестам, ссылкам и расстрелам. Остальных насильно пытались обратить в «колхозников», переродив, а по сути уничтожив крестьянство как таковое. Однако и эти меры не давали нужных результатов. Пока сохранялся сам дух православного крестьянства, незримо передававшийся от поколения к поколению, пока живы были его носители, успехи советов на селе были эфемерными. Не могли иметь успехов среди таких крестьян и порожденные советами сергианско-обновленческие расколы. Православные хлеборобы во многих регионах оставались преимущественно верными Истинно-Православной Церкви.

Как отмечалось в следственных делах ОГПУ по поводу деятельности ИПЦ в Украине, «центр тяготения антисоветской работы был перенесен контрреволюционной организацией на село и основное внимание руководителей обращалось на срыв коллективизации».²¹¹

Особенно сильны позиции ИПЦ были в таких центрах «кулачества», как Центральное Черноземье России, Украина, Кубань и Дон. Именно в этих сельскохозяйственных регионах в 1932–1933 гг. большевиками был спровоцирован искусственный голодомор, в результате которого погибло более 10 миллионов человек.²¹² В Украине эту кампанию по массовому уничтожению православного крестьянства централизованно осуществлял аппарат ЦК КП(б)У под руководством Л. М. Кагановича. Удар целенаправленно наносился по исконным очагам православной культуры и традиции в народе. В результате учиненного геноцида массово вымирали целые села и районы, люди гибли от голода прямо на

улицах, участились случаи людоедства. Вместе с крестьянами гибли и сельские православные священники.

Как вспоминал впоследствии бывший катакомбный священник, а позже, в эмиграции, архиепископ Чилийский (РПЦЗ) Леонтий (Филлипович): *«Многие голодающие не в состоянии были дойти до города и замертво или в мучениях падали на дорогах и неизвестных тропинках... Я сам не раз видел подобные жуткие картины, когда у умиравшего от голодной смерти человека в предсмертной агонии изо рта с пеной выходила трава или древесная кора, которую за несколько минут до смерти в надежде добраться до города он жадно жевал... А сколько в период этого голода погибло людей, съеденных не только чужими, но даже близкими своими людьми...»*

*Во время Рождественского поста я посещал дома своих прихожан на одной из окраин Киева. В редком доме не голодали. Навсегда запечатлелись некоторые картины. Холодный зимний день. Вошел в комнату. Посредине каток из человеческих экскрементов. На печи сидит опухшая от голода старуха-мать, закутанная в какое-то тряпье. В одном углу лежит молодой человек, похожий на скелет, – сын, два дня тому назад скончавшийся от истощения, в другом углу – младший сын умирает. Сколько таких картин я видел, знает только Господь. Я удивляюсь, как могло мое сердце вынести это и не разорваться».*²¹³

Жестокость и изуверства коммунистического режима по отношению к православному крестьянству не знали границ. Спасавшихся от смерти и пытавшихся бежать в другие, не подверженные голодомору регионы, чекисты отлавливали и возвращали либо назад, либо ссылали или расстреливали. Специальной Директивой И. Сталина от 22 января 1933 г. был категорически запрещен выезд крестьян с пораженных голодом территорий Украины и Кубани на другие территории СССР.²¹⁴ Крестьянам перестают продавать билеты на железнодорожный и водный транспорт. Блокируются дороги к городам. Тех, кто сумел выехать, арестовывают и возвращают назад. Только за первые полтора месяца действия этого постановления арестовано более 220 тысяч украинских крестьян. Из них более 168 тысяч насильно возвращают обратно в украинские села, где они умирают от голода.²¹⁵ Вследствие

массового голодомора и уничтожения православного крестьянства влияние ИПЦ в Украине, на Кубани, Дону и в Центральном Черноземье России удалось значительно ослабить. Одновременно с голодомором в селах не прекращались репрессии против последователей ИПЦ в городах.

Одним из поводов для репрессий в городах послужила массовая перерегистрация и паспортизация населения в 1932–1933 гг. Спровоцированный большевиками голодомор на селе повлек массовое бегство крестьян в города. Поэтому для очистки городов от этого «пришлого элемента» была введена новая паспортная система. Как отмечает Е. Жирнов, «единый документ, удостоверяющий личность, вводился в городах, объявленных режимными, и паспортизация служила одновременно способом их очистки от беглых крестьян. Паспорта, правда, не выдавали не только им, а еще и недругам советской власти, лишенным избирательных прав, неоднократно судимым, а также всем подозрительным и социально чуждым элементам. Отказ в выдаче паспорта означал автоматическое выселение из режимного города, и за первые четыре месяца 1933 года, когда проходила паспортизация двух столиц, в Москве убыль населения составила 214 700 человек, а в Ленинграде – 476 182».²¹⁶

Оставшееся без документов сельское население не могло покинуть родных мест, поскольку нарушителей паспортного режима ожидали «тройки» и тюремное заключение. А получить справку на выезд для работы в городе без согласия правления колхоза было невозможно.²¹⁷

Эта проблема самым непосредственным образом коснулась последователей ИПЦ. Нежелание многих из них становиться на учет и принимать советские паспорта трактовалось как нарушение паспортного режима, что влекло за собой аресты и тюремное заключение. Отказ им в выдаче паспортов как «социально чуждым элементам» также заканчивался арестами, ссылками и лагерями. Образовывался замкнутый круг, в котором принятие паспорта способствовало выявлению и учету «социально чуждых элементов», а отказ от паспорта расценивался как «контрреволюция». Кроме того, для поддержания антирелигиозной работы, священников старались паспортизировать при условии отказа от сана. В этой ситуации многие истинно-православные предпочи-

тали вовсе не принимать советских паспортов. По словам М. В. Шкаровского, «сильный удар (по ИПЦ – прим. авт.) нанесла проводившаяся в 1933 г. паспортизация. Именно в это время в «катакомбах» возникло движение «безпаспортников». Многие служившие тайно архиереи благословили советские паспорта не брать, так как при оформлении документов выявлялись «бывшие», подлежащие репрессиям. Одновременно отказ от паспорта трактовался как отрицание печати антихриста и объявление себя негражданином СССР». ²¹⁸

Помимо репрессий, последователи ИПЦ подвергались всевозможным притеснениям и унижениям со стороны антирелигиозно настроенных советских граждан. Катакомбный исповедник Сергей Степанович Денисов по этому поводу вспоминал:

«Молодежь в деревне настраивали против нас, они приходили и стекла у нас били. Мы даже были вынуждены кирпичом заложить окна. Также и в других деревнях. Вот, если надо найти верующего, то у кого окна кирпичом заложены, значит, верующие. Один раз к нам в дом пришла молодежь, и стали все бросать, ломать, но потом успокоились, ушли. У нас окопали дом. Говорят: «Это колхозная советская земля, и вы не имеете права тут ходить». Ну, мы доски положили и ходили по доскам. Потом уже и в магазине ничего не стали давать...». ²¹⁹

Целенаправленные и широкомасштабные репрессии против ИПЦ в 1930-е гг. существенно подорвали ее позиции и влияние. Как отмечает И. Осипова: «К началу 1933 г. движение ИПЦ, заявляющее о себе как открытое, практически было уничтожено. Оставшиеся на свободе архиереи и клирики перешли на нелегальное положение, проводя тайные службы и посвящения духовенства на квартирах, что значительно усложнило работу чекистов. В отчёте ОГПУ за 1932 г. подчёркивались сложности работы в связи с изменившимися методами деятельности клириков ИПЦ: *«Новая форма борьбы с совластью – институт тайного священства и монашества – распространилась по всему Союзу и, невзирая на почти полную ликвидацию очагов «Истинного Православия», продолжает существовать и проводить свою контрреволюционную работу».*

О масштабе завершившейся операции по ликвидации легального движения ИПЦ красноречиво говорят следующие цифры. Так, «число арестованных священнослужителей ИПЦ за пять лет, с 1929 по 1933 гг., в семь раз превысило число осуждённых по групповым «делам церковников» за аналогичный, пятилетний, период, с 1924 по 1928 гг. К сожалению, о количестве верующих – истинно-православных христианах, осуждённых в те же годы по групповым делам ИПЦ, сообщить точные цифры не представляется возможным. Но даже приблизительные расчёты, в зависимости от региона, дают (2-5)-кратное увеличение количества осуждённых».²²⁰

Надо иметь в виду, что исследования на основе материалов следственных дел не дают полного представления о положении ИПЦ и ее представителей в СССР в 1930-е гг. До сих пор проработана лишь незначительная часть архивных материалов, где имеются сведения только о некоторых группах арестованных священнослужителей и мирян, проходивших по делу ИПЦ в 1930-е гг. Остаются не проработанными архивы большинства областных управлений бывшего КГБ, а потому по многим регионам (как, например, Черниговский)²²¹ отсутствуют сведения о развитии там ИПЦ. Кроме того, многие истинно-православные пастыри и верующие были репрессированы по другим обвинениям как в конце 1920-х, так и в 1930–1940 гг. Многие из них на следствии так и не раскрыли свою принадлежность к ИПЦ, поэтому о них нет упоминаний в следственных материалах по делу о «контрреволюционном подполье ИПЦ». Те из пастырей и верующих ИПЦ, что оставались на свободе, уходили в глубокое подполье (катакомбы) и утаивали от окружающих свою принадлежность к «тайноцерковникам». Поэтому о них тоже нет упоминаний в материалах ОГПУ-НКВД.

Необходимо также учитывать, что тайные священники и тайные монахи пытались тщательно скрывать свой настоящий сан, поэтому при арестах и допросах многие из них часто не сознавались, кем они являются на самом деле. В этой связи в следственных делах многие из них фигурируют как рядовые миряне. Это было одной из причин того, что в советских органах считалось, что в ИПЦ мирянам не раз-

решалось вступать в браки и что поэтому истинно-православные христиане (ИПХ) живут безбрачно. Такое ошибочное представление из органов перекочевало и в советскую атеистически-религиоведческую литературу. Однако в ИПЦ не существовало запретов на вступление прихожан в браки. Такой запрет был лишь для тайных монахов, иноков и послушников или «монахов в миру». А поскольку последние тщательно скрывали свой сан, всегда представляясь перед внешними как обычные миряне, то и возникло впечатление, что среди ИПХ запрещается вступать в брак.

При изучении следственных материалов необходимо также учитывать, что многие указанные в них данные были получены под пытками и нередко «представляют тот образ антисергиевской оппозиции, который был создан умелыми руками чекистов».²²²

4. Служение Катакомбной Церкви в 1930-е годы

Возвращаясь к рассмотрению церковной ситуации в 1930-е гг., стоит обратить внимание, что повальные аресты последователей ИПЦ не привели к окончательному уничтожению церковной оппозиции, но вызвали образование церковного подполья в СССР. Оказавшись в лагерях и заточении, с конца 1930-х годов ссыльные истинно-православные святители начинают призывать верующий народ к уходу в катакомбы, по примеру древних христиан.²²³

Так на крови и страданиях святых мучеников христианских в СССР формировалась Катакомбная Церковь.

До наших дней дошли ценные свидетельства одного из последователей ИПЦ, профессора И. Андреева (Андреевского), после войны эмигрировавшего за рубеж. В 1947 г. он опубликовал свои воспоминания о Катакомбной Церкви в СССР, где отмечал:

«Еще с 1928 года начались в Петрограде отдельные тайные богослужения по домам. После 1930 года количество тайных богослужений значительно увеличилось. А с 1937 года можно считать Катакомбную Православную Церковь вполне оформленной. В остальной России, особенно в Сибири, катакомбные церкви создались несколько раньше... Появились тайные епископы и огромное количество тайных священников... В Петрограде и Петроградской области с 1937 по 1941 год было чрезвычайно много катакомбных богослужений. Где только эти богослужения ни происходили! На квартирах некоторых академиков, профессоров Военно-медицинской академии и Петроградского университета, в помещении морского техникума, школе подводного плавания, в школе водного транспорта, в помещениях больницы, в некоторых учреждениях, куда вход был только по пропускам... Гонения на Катакомбную Церковь, которую митрополит Сергей, признав «контрреволюцией», а молящихся в ней, – «политическими преступниками», – предал на растерзание безбожной власти, – были необычайно жестокие... Поэтому с 1939 года катакомбные церкви стали чрезвычайно оберегаться, и попасть в них было чрезвычайно трудно. Но искренно ищущие

находили. И, если количество тайных катакомбных богослужений в 1939 году значительно сократилось, то качество их необычайно духовно выросло... Совершенно невозможно даже приблизительно определить процент верующих, ушедших в катакомбы. Одно можно сказать: ушли лучшие и их – миллионы. Не имея возможности всех их выявить и уничтожить, советская власть стала отрицать наличие Катакомбной Церкви и называть её мифом».²²⁴

Сергианская Московская патриархия как в советское время, так и ныне, усиленно пытается отрицать существование Катакомбной Церкви в СССР, навязывая ложный миф о том, что, кроме МП, в стране никого не было.²²⁵ В этой связи интересно будет ознакомиться со свидетельствами разных лиц о деятельности ИПЦ в условиях подполья.

Так, Д. Поспеловский, критически относящийся к Катакомбной Церкви, в то же время отмечает:

«Советское правительство, очевидно, боялось, чтобы вся Церковь не ушла в подполье, так как официальная и строго контролируемая церковь представляла меньшую опасность, чем подпольная.

*Взамен закрытых правительством монастырей в 30-е гг. появилось много тайных монашеских общин, некоторые – в глубине сибирской тайги, другие – в городах... Покойный профессор Криптон описывает один такой тайный женский монастырь в Ленинграде, где богослужения и даже пение шли шепотом. У монастыря было несколько таких тайных общин в разных ленинградских квартирах... Когда некий епископ Петр (катакомбный схиэпископ Петр Ладыгин – прим. авт.), тайно рукоположенный по благословению Патриарха Тихона, в 1936 г. вышел после долгого тюремного заключения на свободу, верующие вырыли ему потайную землянку в Оренбурге, где он жил и молился с небольшой группой учеников. В 1937 г. за ним начал охотиться НКВД, но допросы сотен людей ни к чему не привели, хотя он поддерживал связь с сотнями верующих по всей стране. В 1943 г. он ушел на Тянь-Шань и основал глубоко в горах тайный монастырь, в котором было около трехсот тайно постриженных им монахов... В 1951 г. монастырь был замечен с вертолета, все монахи приговорены к тюремному заключению».*²²⁶

Марк Поповский так писал о Катакомбной Церкви:

*«Катакомбная, или подпольная, Церковь возникла у нас в конце 20-х годов. То один, то другой священник исчезал из своего прихода, поселялся в тайном месте и начинал опасную жизнь изгнанника. В скособоченных домишках на городских окраинах возникали тайные молельни. Там служили литургии, исповедовали, причащали, крестили, венчали и даже рукополагали новых священников. Тайком, передавая друг другу условный стук в дверь, стекались туда верующие из дальних городов и областей. Туда шли за утешением, беседой, за «радостью богослужения». Туда несли детей, вели стариков. Сколько таких очагов тайной веры существовало в стране, никто не знает».*²²⁷

А уже цитированный нами проф. И. Андреев (Андреевский) вспоминал о своих посещениях тайных богослужений Катакомбной Церкви:

«В сергианские храмы я и мои многочисленные друзья не ходим с конца 1927 года, т.е. уже 10 лет. Тайком я приезжаю в Петроград и иду к одной своей знакомой. К ней приходит одна тайная монашенка. Эта последняя везёт меня на тайное богослужение Катакомбной Церкви. Я ничего не спрашиваю и не интересуюсь, куда мы едем. Я нарочно не хочу знать, чтобы потом, если, сохрани Боже, буду арестован, даже под пытками не сказать, где я был.

Поздний вечер. Темно. На одном из вокзалов садимся в поезд. Едем больше часа. Вылезает на маленьком полустанке и идём в темноту 2-3 километра. Приходим к какой-то деревушке. На краю первый домик. Почти ночь. Темно. Тихо. Тихий стук в дверь. Дверь отворяется, и мы входим в избу. Проходим в чистую комнату. Окна глубоко занавешены. В углу несколько старинных образов. Перед ними теплятся лампадки. Народу – человек 15, больше женщины в платочках: трое мужчин средних лет, несколько детей 12-14 лет...

Начинается вечерня. И говорят, и поют шёпотом. У многих на глазах слёзы умиления. Молиться легко!.. Ничто не мешает, не отвлекает. Никогда и нигде я не переживал так ясно и глубоко правоту требования св. Иоанна Лествичника: «заключай ум в слова молитвы!»

...Словами передать невозможно, что пережил я на этой всенощной. По окончании службы выпил чашку чая с хлебом. Прощаясь, облобызался трижды со всеми... Ночь на исходе.

*Идём тихонько вдвоём с монашенкой назад. На душе спокойно и сосредоточенно. Садимся в поезд. Едем в Петроград. Перехожу на другой вокзал и еду домой».*²²⁸

Не менее ценны свидетельства о катакомбном служении в советские годы самих катакомбных пастырей. Так, в докладе Архиерейскому Собору РПЦЗ 27 апреля 1993 г. о катакомбном служении в СССР архиепископ Лазарь (Журбенко, †2005) Одесский и Тамбовский вспоминал:

*«Храмы в катакомбах были разборные и передвижные, очень упрощенные: Антиминс, крест, Евангелие, необходимая утварь, крайне необходимые богослужебные книги, богослужебная одежда, несколько свечей, кадило, ладан. Вся необходимая утварь была в уменьшенном виде. Службы совершались тайно, в полголоса, ночью или же среди дня, глядя по обстановке, как удобно по местности. Детей вовсе не водили, где совершались службы, боялись выдачи. Детей преданных и близких людей причащали в другом доме ночью, чтобы адрес не запомнили. За Катакомбами следила Моск. Патриархия и КГБ. У них была целая сеть доносчиков – епископы, священники, причетники, монашки и просто прихожане, которые вели наблюдение, кто не посещает патриархальные храмы. Катакомбам приписывались “связь с западными странами”, “шпионаж”, “измена Родине”, “фашизм” и т.п. уголовно наказуемые обвинения /.../ За каждым человеком велось наблюдение, заводилось “дело”, все граждане были на строгом учете: паспортная система, прописка, выписка, поступление на работу, военный билет, военнообязанность; больные должны иметь удостоверение о нетрудоспособности и т.п. Если не работал, то преследовался по закону и его судили. Иконы в доме старались прятать в шкафы, за домашним строением следили, измеряли, чтобы не было тайников. Мужчины не могли носить бороды, подозревали, что тайные священники, за ними велось наблюдение, а если женщины надевали скромное платье, то их подозревали, что это скрытые монашки и за ними наблюдали соседи по улице, завербованные доносчиками».*²²⁹

А вот как вспоминал о пребывании в 1930-е гг. на катакомбном положении будущий архиепископ Чилийский РПЦЗ, а тогда – архимандрит Леонтий (Филлипович, †1971): *«Живя на нелегальном положении, служа самой малой части*

*своих верных пасомых (всего несколько человек), я не всегда мог позволить себе роскошь посетить тайно своего когда-то близкого собрата. Если я это делал иногда, не выдерживая одиночества и желая в беседе с таким же, как я, хоть немного укрепить себя, то у него я вызывал неприятное безпокойство своим посещением. Не обратил ли кто-либо из соседей внимания, что прошел незнакомый, не следил ли за мной какой-нибудь секретный агент, не взят ли дом под подозрение? и т.п. Так смотрел на вещи и я. Старался избегать встреч с духовными лицами, пользовавшимися свободой, или их знакомыми. Через других до меня доходили сведения, что где-то скрывается священник, тайно совершает службы, но я не желал знать, кто он и откуда, в каком доме служит, не зная, вынесешь ли допрос и невольню не предашь ли».*²³⁰

Не менее ценные письменные свидетельства о катакомбном (т. е. подпольном) служении ИПЦ в 1930-е гг. сохранились в воспоминаниях прот. Михаила Польского, кн. Н. В. Урусовой, В. Василевской и многих других. Сохранились и многочисленные рукописи с воспоминаниями самих катакомбных пастырей. Живы еще многие прямые очевидцы тех событий – катакомбные истинно-православные христиане, воспоминания которых являются неоценимыми свидетельствами бытия и подвига Катакомбной Церкви. Но самое неопровержимое свидетельство о Катакомбной Церкви – это тысячи уголовных дел на архиереев, пастырей и мирян ИПЦ, многие из которых и доныне хранятся в архивах ФСБ и СБУ в закрытом виде.

Как видно из архивных дел НКВД, новый пик массовых репрессий против ИПЦ пришелся на конец 1930-х гг. В этот период начались повальные аресты всех ранее осужденных «врагов народа». Как правило, их осуждали на новые длительные сроки заключения (10-25 лет) или приговаривали к высшей мере наказания. Практически все истинно-православные архиереи и большинство священников были арестованы. Большинство из них приняли мученическую смерть за Христа и Истинное Православие. Те из священников и верующих, что остались в живых и на свободе, вынуждены были уйти в глубокое подполье, катакомбы. Это была Истинная Церковь – «Невеста Христова» (2 Кор. 11:1-4), «жена, бегущая в пустыню от дракона» (Откр. 12, 6), хоть и без внешних форм легальных «институтов» и «администраций».²³¹

В результате жесточайших гонений и репрессий на Истинную Православную Церковь в СССР она как «институт» фактически прекратила свое внешнее существование, уйдя в «катакомбы» и применив Указ патриарха Тихона № 362 «О самоуправлении». Чекистам это давало повод утверждать, что Истинно-Православной Церкви в СССР больше нет. Однако Церковь там – где совершается Евхаристия, а не там, где есть внешние формы организации.²³² А Евхаристия непрерывно совершалась в общинах ИПЦ вплоть до падения коммунистического режима, как и в последующем. Истинно-Православная Церковь, подобно христианским общинам первых веков, продолжала нести свое исповедническое служение, только теперь – в условиях конспирации и подполья, без внешних форм «институтов» и «администраций», от чего и получила такое необычное наименование – «Катакомбная Церковь». В таких условиях централизованную структуру иметь было объективно невозможно. Как и в первые века, ИПЦ представляла собой катакомбные общины, разбросанные по всему СССР, объединенные не административно, а вероисповедно, духовно, евхаристически, почему она и носила столь ответственное имя – Истинно-Православная Церковь.²³³

Такое положение ИПЦ было временным, а не нормой, и обусловлено оно было условиями гонений и катакомбного служения в СССР.²³⁴

Говоря о положении ИПЦ в СССР, необходимо особо обратить внимание на появившиеся во второй половине 1990-х гг. сообщения о т.н. «Кочующих Соборах», будто бы проходивших на протяжении 1928 г. в разных уголках страны.²³⁵ [III]

Более тщательное исследование такой информации вынуждает сделать вывод, что она не соответствует действительности. Конечно, на протяжении 1928–1930 гг., в связи с разразившейся в Церкви сергианской смутой, в различных епархиях проводились епархиальные совещания (соборы) и съезды, на которых обсуждались актуальные вопросы церковной жизни и принимались соответствующие решения. Проводились также и архиерейские совещания, в частности в Петрограде и других городах. Постоянно совещались ссыльные архиереи на Соловках и в других местах ссылки. Однако

эти мероприятия не носили характера всероссийского и общецерковного Собора и чаще всего имели лишь локальное, епархиальное значение. Более того, с самого начала идеологи ИПЦ отказались от идеи централизации церковной власти, противопоставив ей децентрализацию и самоуправление на местах, в соответствии с Указом патриарха Тихона № 362.

Так, на январском акте отхода духовенства Воронежской епархии от Сергия Страгородского (1928 г.) митрополит Иосиф (Петровых) написал резолюцию: «Управляйтесь сами, самостоятельно – иначе погубите и меня, и себя».²³⁶ Аналогичные ответы разослал митрополит Иосиф и другим сочувствовавшим ему архиереям, таким образом показывая, что он не желал централизации движения.²³⁷ Так, когда в марте 1928 г. в Петроград к управляющему «иосифлянскими» приходами архиепископу Дмитрию (Любимову) прибыл епископ Майкопский Варлаам (Лазаренко), окормлявший православные приходы на Кубани и Северном Кавказе, по результатам совещания «было уговорено, что он будет действовать применительно к местной обстановке и в значительной степени самостоятельно».²³⁸

Аналогично и архиепископ Серафим (Самойлович), бывший Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, 20 января 1929 г. в послании «Возлюбленным о Господе архипастырям, пастырям и пасомым Православной Российской Церкви» писал из ссылки:

*«...В части административной, по управлению церковными делами мы рекомендовали бы всем верным о Господе принять к руководству воззвание почившего Высокопреосвященнейшего Агафангела, Митрополита Ярославского, от мая 1922 г. и наш циркуляр от 16/29 декабря 1926 г., обращаясь в крайней нужде к Высокопреосвященнейшему Митрополиту Иосифу (Ленинградскому), от которого мы восприняли 16/29 декабря 1926 г. права Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и с которым мы находимся в одинаковом ссылном положении».*²³⁹

А вот что писал в 1928 г. по поводу церковного управления еще один из лидеров антисергиевской оппозиции архиепископ Уфимский Андрей (кн. Ухтомский):

«Церковь есть такое бытие, которое не нуждается ни в каких внешних административных подпорках. Церковь есть

*Столы Истины! Она нуждается только во внутреннем очищении своей жизни: а это очищение производится не иначе как в процессе внутренней жизни и никогда не производится по приказанию начальства».*²⁴⁰

Но наиболее полно и ясно необходимость децентрализации церковной власти раскрыл один из отцов-основателей Катакомбной Церкви митрополит Казанский Кирилл (Смирнов), писавший в феврале 1934 г.:

*«Как и все обновленчеству сродное, не можем признать обновленное митрополитом Сергием церковное управление нашим православным, преемственно идущим от Святейшего Патриарха Тихона, и потому, оставаясь в каноническом единении с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром, при переживаемой невозможности сношения с ним, признаем единственно закономерным устройство церковного управления на основе Патриаршего Указа 7/20 ноября 1920 года».*²⁴¹

В соответствии с такими наставлениями ссыльных святителей Катакомбная Церковь нелегально действовала по всей стране. В этой связи представляет интерес свидетельство одного из очевидцев, в конце 1930-х гг. отбывавшего наказание в сталинских концлагерях за принадлежность к ИПЦ, а в годы войны эмигрировавшего за рубеж. По его словам, в 1937 г. в пересыльном лагере возле Иркутска шесть ссыльных иерархов Катакомбной Церкви провели тайное совещание, на котором подтвердили осуждение сергианского раскола и запретили своим последователям принимать таинства «у духовенства, узаконенного антихристианским правительством». Кроме того, они приняли решение сохранить самоуправление ветвей Катакомбной Церкви при сохранении молитвенного единства: *«Все ветви Церкви, произрастающие из еkkлeзиастического древа – ... а деревом является наша дореволюционная Церковь, – суть живые ветви Церкви Христа. Пусть пребывает молитвенное и литургическое общение между духовенством всех этих ветвей».*²⁴²

Показательными являются и свидетельства проф. И. Андреева, писавшего в 1947 г.:

«Никакого административного центра и управления катакомбными церквами не было. Духовными руководителями

*считались митрополит Кирилл и митрополит Иосиф. Главной Церкви признавался законный Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Петр Крутицкий».*²⁴³

Свидетельство проф. И. Андреева наиболее точно отображает положение ИПЦ времен сталинских репрессий. Еще раз подчеркнем, что подпольная ИПЦ в условиях гонений сознательно не имела внешних форм «институтов» и «администраций». Катакомбные общины ИПЦ, в отличие от обновленцев и сергиан, объединялись не административно, а вероисповедно, духовно, евхаристически.²⁴⁴

В условиях жесточайших репрессий, конспирации и подполья централизованную структуру объективно иметь было невозможно и опасно. В своей деятельности катакомбные епископы и священники ИПЦ опирались на Указ патриарха Тихона № 362 «О самоуправлении», придерживаясь таким образом (в связи с чрезвычайной ситуацией – гонениями) практики «временной децентрализации» церковной жизни, что уже само собой исключало необходимость созыва как высших органов церковного управления – Соборов, так и самой централизации тайной церковной жизни.

5. Катакомбная Церковь в годы войны

С началом II Мировой войны репрессии советского режима против ИПЦ усилились.²⁴⁵ В тюрьмах и лагерях сразу же прошли массовые расстрелы определённых категорий заключённых, в числе которых были священнослужители ИПЦ. Это было характерно особенно для тех областей, к которым приближалась линия фронта. Кроме того, по советским законам военного времени, расстреливались все ИПЦ, призванные в армию, но отказывавшиеся от присяги по религиозным убеждениям. Также расстреливались клирики и активисты общин ИПЦ, обнаруженные органами НКВД по доносам «добровольных помощников» чекистов в тылу, а члены общин отправлялись в лагеря с огромными сроками.²⁴⁶

Способствовали проведению репрессий против последователей ИПЦ введение особого положения, а также ужесточение паспортного режима.

В качестве примера можно привести судьбу видного московского катакомбного священника Сергия Мечева. 7 июля 1941 г. он был арестован и заключён в Ярославскую тюрьму: скрывавшийся в деревне тайный пастырь местными жителями был принят за «немецкого шпиона» и выдан НКВД, где был расстрелян.²⁴⁷ Схожую судьбу разделил катакомбный священник из Киева о. Андрей Бойчук: 7 мая 1941 г. он был выслежен и арестован, решением НКВД и Прокуратуры УССР от 07.07.1941 приговорен к ВМН и уже 7 июля 1941 г. расстрелян. Аналогично в Москве в 1941 г. был выслежен и арестован катакомбный священник прот. Александр Гомановский (в тайном монашестве Даниил), погибший в заключении. В Костромской области – о. Александр Богославский²⁴⁸ и многие другие. Погиб в начале войны и катакомбный архиепископ Варлаам (Ряшенцев). Он был арестован НКВД в июле 1941 г. и 26 августа приговорен к расстрелу, позже высшая мера была заменена 10 годами лагерей, погиб 20 февраля 1942 г. в вологодской тюрьме № 1.²⁴⁹

Помимо усиления репрессий против последователей ИПЦ, находившихся «на свободе», ужесточилось отноше-

ние к тем из них, кто уже пребывал в заключении и ссылках. Так в Обозерском лагере Архангельской области 15 января 1942 г. погиб киевский «иосифлянский» благочинный о. Дмитрий Шпаковский.²⁵⁰ В начале 1940-х гг. в заключении погиб бывший Наместник Киево-Печерской лавры архимандрит Макарий (Величко), арестованный в 1937 г. за принадлежность к ИПЦ в г. Остер Черниговской области. Были расстреляны в лагерях и многие другие священники ИПЦ, арестованные в конце 1930-х гг. Кроме того, в это время в лагерях участились случаи расстрелов заключенных ИПЦ (т.н. «отказников»), отказывавшихся работать по воскресеньям и в праздники по религиозным убеждениям.²⁵¹

Активно преследовались истинно-православные и в блокадном Ленинграде.²⁵² Так в Коломьягах, на северной окраине Ленинграда, 17 июля 1942 г. НКВД были арестованы архим. Клавдий (Савинский), мон. Евдокия (Дешкина) и А.Ф. Чистяков, у которого на чердаке дома был обнаружен катакомбный храм. По решению военного трибунала всех троих расстреляли 12 августа.²⁵³ В 1943 г. в Ленинграде был арестован известный катакомбный исповедник отец Михаил Рождественский. Как вспоминали его прихожане:

«С началом войны о. Михаил остался в осаждённом городе, продолжал тайно служить на квартире, не имея права на получение даже тех ста двадцати пяти граммов хлеба с опилками, что были положены не работающим обывателям. Поистине чудом он выжил в страшную зиму 1941-1942 годов. Но в 1943 году, на самый день праздника Крещения Господня, во время Божественной литургии, но еще до Херувимской песни, раздался звонок в дверь, и на глазах испуганных богомольцев священник был арестован энкаведистами... По пути в тюрьму, в “воронке”, следователь вдруг сказал арестованному о. Михаилу:

– Михаил Васильевич, какой Вы счастливый...

– Большое счастье – в тюрьму везут, – отвечал ему о. Михаил.

Оказалось же, что вчера, 5/18 января, произошел прорыв блокады, и смертная казнь по этому поводу была отменена!

– Если бы Вас успели арестовать ещё вчера утром, то непременно расстреляли, – пояснил следователь.

*При таких “счастливых” обстоятельствах, после скорого, по обычаю тех времен, “суда” о.Михаил был этапирован в Воркутинские лагеря на десять лет, а по истечении срока в 1953 году на основании лжесвидетельства был добавлен и новый десятилетний срок заключения...».*²⁵⁴

Что касается оккупированных немецкими войсками территорий, то здесь на первых порах, наоборот, наблюдалась относительная свобода вероисповедания, что позволило многим катакомбным пастырям выйти из подполья и начать открытое служение. После отступления советских войск в городах и селах населением повсеместно открывались храмы, закрытые ранее большевиками. В пропагандистских целях немецкое командование приветствовало возросшую религиозную активность населения, давая разрешения на восстановление церквей.

Как свидетельствовали многие очевидцы, люди, после долгих лет преследований и террора, впервые почувствовали возможность безбоязненно посещать вновь открывавшиеся храмы. Население с небывалым энтузиазмом принялось за восстановление и открытие церквей. Вот как об этом вспоминал один из очевидцев-священников, направленный после прихода немцев в 1941 г. в Псков: «Когда мы приехали в Псков, прихожане со слезами на глазах подходили к нам на улицах под благословение. На первом богослужении все молящиеся исповедовались... Не священники пришли укреплять народ, а народ, бывший там, укреплял священников».²⁵⁵ Только между августом и ноябрем 1941 г. этому священнику довелось крестить 3500 детей.²⁵⁶

Аналогичная картина складывалась и на других оккупированных территориях. Так, только в одной Киевской епархии, где в 1940 г. оставалось менее десятка действующих храмов, в 1942 г. было открыто 8 монастырей и 318 храмов, в которых служило 434 священника.²⁵⁷ К середине 1943 г. количество православных приходов в Киевской епархии возросло до 500, а священнослужителей – до 600.²⁵⁸ В Житомирской епархии, насчитывавшей перед II Мировой войной не более двух приходов, к 1943 г. уже насчитывалось их около 300.²⁵⁹ Как вспоминал управляющий Житомирской епархией епископ Леонтий (Филлипович): «Церковный подъем во время кратковременного пребывания некоторых

территорий под германской военной оккупацией, т.е. когда Церковь временно стала свободна от большевистского ига, подтвердил, что православный народ сумел сохранить в своих духовных катакомбах Православную веру, чистую, не засоренную советским налетом».²⁶⁰

В связи с массовым открытием храмов духовенства катастрофически не хватало, поэтому нередко приходилось рукополагать всех желающих. Священникам очень часто доводилось объезжать паству по многочисленным деревням, крестя по 150-200 человек в день, исповедуя и совершая богослужения прямо под открытым небом.²⁶¹ Так, полтавский протоиерей Владимир Беневский, до войны работавший каменщиком, после прихода немцев за год с небольшим крестил в Полтаве 2500 человек. Порой при большом стечении желающих креститься или крестить своих детей, таинство совершалось, по древнему обычаю, в реке.²⁶²

Восстановление разрушенной церковно-приходской жизни во многих регионах возглавляло вышедшее из подполья катакомбное духовенство ИПЦ.

Следует отметить, что еще до прихода немцев вместе с отступавшими советскими частями ушли и немногочисленные сергианские архиереи и священники во главе с митрополитом Николаем (Ярушевичем). Таким образом, многочисленные епархии на оккупированных территориях оказались без правящих епископов.

В Украине большинство катакомбного духовенства вступило в общение с иерархией, до начала войны служившей на оккупированных Польшей западноукраинских землях (в составе Польской Автокефальной Православной Церкви) и поэтому причастности к Декларации митр. Сергия и его просоветской политике не имевшей.²⁶³

Первоначально были предложения, чтобы Церковь в Украине возглавил пребывавший на нелегальном положении в Киеве схиархиепископ Антоний (кн. Абашидзе), но немецкие власти не разрешили даже публикации на эту тему в украинской прессе, тем самым, как считают некоторые историки, «дав понять, что опорной базой для формирования иерархического управления в восточных областях могут быть епископы генерал-губернаторства, Волыни и Полесья».²⁶⁴ Уже в августе 1941 г. в Почаевской лавре состоялся Собор

западноукраинских православных архиереев, пребывавших на подвластных немцам украинских землях. Собор, вопреки назначению митр. Сергием Экзархом Украины митр. Николая (Ярушевича), избрал предстоятелем Православной Церкви в Украине митрополита Волынского Алексия (Громадского) и провозгласил о ее самоуправлении. Кроме того, Собор отменил поминование митр. Сергия (Страгородского) во всех приходах и епархиях на территории Украины. В МП отказались признавать решения Почаевского Собора, продолжая считать своим Экзархом в Украине митр. Николая (Ярушевича), а большинство архиереев-автономистов подпадали под прещения за «измену родине» и «пособничество фашизму». Как отмечает А. В. Псарев, «в административных своих решениях Автономная Церковь была совершенно независима, поэтому и духовное состояние ее было не такое, как у МП. С приходом немцев поминование руководства МП (призывавшей население к партизанской борьбе и верности сов. власти) прекратилось. Т. к. никакой связи с Москвой при немцах не было, Автономная Церковь, формально не являясь самостоятельной, фактически была независима от Москвы».²⁶⁵ Последний факт и послужил причиной того, что большинство украинского катакомбного духовенства, выйдя из подполья, признало митрополита Алексия (Громадского) и его иерархию.

Одними из первых с «автономистами» объединились представители умеренного крыла украинских «непоминающих» во главе со схииерхиепископом Антонием (кн. Абашидзе, †1943), которые не признавали и не поминали митр. Сергия (Страгородского), но при этом сохраняли молитвенное общение не только с «иосифлянами», но и с «сергианами». Решение Почаевского Собора об отказе от поминования в епархиях и приходах Украины имени митр. Сергия (Страгородского) было принято не без влияния этой группы украинских «непоминающих», после чего они массово влились в Украинскую Автономную Церковь. Их примеру последовали представители других катакомбных истинно-православных групп.

Одновременно два епископа Польской Автокефальной Церкви Поликарп (Сикорский) и Александр (Иноземцев) не признали решений Почаевского Собора и провозгласили о

восстановлении Украинской Автокефальной Православной Церкви (УАПЦ). В феврале 1942 г. они провели в Пинске свой Собор, на котором объединились с уцелевшими самосвятскими клириками УАПЦ «липковского посвящения», приняв их в сущем сане и рукоположив новых епископов. Возглавил восстановленную УАПЦ епископ Поликарп.²⁶⁶ Позже к УАПЦ примкнул проживавший в Харькове епископ «лубенского раскола» Феофил (Булдовский), провозгласивший себя митрополитом.²⁶⁷ Так в Украине оформился раскол на «автономистов» и «автокефалистов». Немецкие оккупационные власти всячески поддерживали разделение Православной Церкви в Украине, препятствуя попыткам ее объединить. Как предписывал Гитлер относительно религиозной политики на оккупированных территориях: *«Мы должны избегать, чтобы одна Церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, и каждая деревня должна быть превращена в независимую секту»*.²⁶⁸

Украинское катакомбное духовенство к такому противостоянию отнеслось негативно. Поскольку в УАПЦ «новой формации» были в сущем сане приняты самосвятские клирики-липковцы, катакомбники отказывались вступать в общение с «автокефалистами», отдавая предпочтение «автономистам». На Черниговщине «автономистов» поддерживали «столпы ИПЦ» игумен Алипий (Яковенко, †1943) и схииерарх-химандрит Лаврентий (Проскура, †1950).²⁶⁹ На Полтавщине – иерей Никита Лехан (†1985) и игумен Иоанн (Селецкий, †1971), ставший секретарем епископа Полтавского Вениамина (Новицкого). В Житомире – архимандрит Леонтий (Филипович), рукоположенный тогда же во епископа Бердичевского.²⁷⁰ В Сумской области – не принявшие Декларацию митр. Сергия архимандрит Нектарий (Нуждин, †1943), схиигумен Антоний (Ветер, †1946) и другие бывшие насельники Глинской пустыни, приступившие к ее восстановлению.²⁷¹ Аналогично происходило и в других областях Украины.

В этот период стали появляться и самозванцы, выдававшие себя за архиереев и священников ИПЦ. Так, с приходом немцев женатый обновленческий архиепископ Александровский Николай (Автономов), скрыв свое семейное положение и принадлежность к обновленцам, стал выдавать себя за катакомбного епископа ИПЦ. В такой

роли митрополитом Алексеем (Громадским) он был принят в состав Украинской Автономной Церкви и назначен управляющим Мозырской епархией. Позже, после гибели митрополита Алексея, Николай Автономов был разоблачен в самозванстве и запрещен в священнослужении. Однако в роли епископа Украинской Автономной Церкви он успел совершить ряд рукоположений, в т.ч. и для катакомбников. Так, в Гомеле им был рукоположен во иерея Голубев Максим Евтихиевич (1910 года рождения). После прихода Советов он перешел на катакомбное положение, отказавшись присоединяться к МП. Всю последующую жизнь о. Максим прослужил в подполье, окормляя одну из гомельских катакомбных общин. На тайных богослужениях вплоть до конца 1990-х гг. поминал первоиерархов РПЦЗ. Однако другими катакомбными священниками, как в Гомельской, так и в других регионах, не был принят в общение по причине неканоничности его сана. Скончался о. Максим в Гомеле в 1999 г. Что касается Николая Автономова, то в 1944 г. он пытался присоединиться к РПЦЗ. С этой целью писал прошение на имя митрополита Анастасия (Грибановского) и даже пытался заручиться поддержкой генерала П. Краснова и начальника «церковного реферата» Главного управления имперской безопасности (РСХА) Нейгауза. Однако Синод РПЦЗ, тщательно расследовав деятельность Николая Автономова, 11 октября 1944 г. отказал ему «ввиду непринадлежности его к составу канонических православных епископов». 9 апреля 1945 г. Синод РПЦЗ окончательно отклонил его просьбу о пересмотре дела. После этого Н. Автономов перешел в католичество и был возведен папой Пием XII в сан митрополита с поручением окормлять русских и украинских греко-католиков в Германии. Здесь 15 декабря 1947 г. был арестован американской оккупационной администрацией по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Скончался в США в 1979 г.

Стоит отметить, что не все катакомбные пастыри ИПЦ приняли «автономистов». Так бывший настоятель Киево-Печерской лавры схиархимандрит Антоний (Жеретиенко, †1950) с началом войны в 1941 году вышел из подполья и вернулся из Харькова в Киев, где хотел возглавить Печерскую обитель. Но так как он не признал власти местных

архиереев, то разошёлся с братией, которая избрала настоятелем архимандрита Валерия (Устименко). После этого он написал письмо митрополиту РПЦЗ Серафиму (Ляде) Берлинскому и организовал в черте Киева, в селе Мышеловка, общину, где и совершал богослужения в помещении бывшей школы, переоборудованной под храм. Поминал он на литургии упомянутого митрополита РПЦЗ. После возвращения в 1943 году советской власти он из Киева переезжает в Харьков и переходит на нелегальное положение, тайно совершая богослужения вплоть до своей кончины в 1950 г.²⁷²

На Харьковщине, где немцы поддерживали автокефального митрополита Феофила (Булдовского) (т.н. «лубенский раскол») и практически все храмы в регионе передали в его подчинение²⁷³, на катакомбном положении оставались практически все священники ИПЦ. Созданный оккупационными властями Религиозный отдел Харьковской горуправы во главе с А. Лебединским выдавал официальное разрешение на открытие храмов и право служения священнослужителям лишь при условии признания ими УАПЦ и ее митрополита Феофила (Булдовского). Более того, Религиозный отдел официально назначал священников на приходы лишь после того, как те получали письменное благословение от митр. Феофила.²⁷⁴ Соответствующий циркуляр Религиозного отдела с предписанием «неукоснительного исполнения» в ноябре 1941 г. был разослан всем священникам региона.²⁷⁵ По сути, такие действия новой власти ничем не отличались от большевистских, когда официально поддерживались лишь обновленцы и сергиане.

Естественно, что подобным предписаниям оккупационной администрации катакомбное духовенство подчиниться не могло, а потому вынуждено было по-прежнему оставаться на катакомбном положении.

Так единомышленник схиархимандрита Антония (Жеретиенко) – схиеромонах Серафим (Загоровский, †1943) с приходом немцев вернулся в Харьков и устроил здесь тайный женский монастырь «Тихая пустынька» во имя иконы «Взыскание погибших».²⁷⁶ Архимандрит Нектарий (Чернобыль) вспоминал об этом последнем периоде жизни о. Серафима: «При немцах он возвратился в Харьков и устроил у себя на квартире домовую церковь. Я приходил туда на

службы, вместе с другими исповедовался и причащался». ²⁷⁷ Очевидцы вспоминают, что немецкие солдаты при посещении старца были так поражены его видом, непрерывным пребыванием в молитве, что снимали сапоги, входя в его комнату, дабы не потревожить молящегося. Летом 1943 г., при приближении Красной армии, он эмигрировал в Польшу, где и умер. ²⁷⁸

Кроме о. Серафима, в Харькове на катакомбном положении оставались бывший насельник Киево-Печерской лавры иеромонах Амфилохий (Фурс, †1969) и бывший наместник московского Свято-Данилова монастыря архимандрит Тихон (Баляев, †1953). В то же время пребывавший в общении с о. Серафимом (Загоровским) иерей Павел (Володин, †1954) в годы оккупации открыто служил в отдаленном сельском приходе ²⁷⁹, хотя митр. Феофила (Булдовского) так и не признал.

Не признавали катакомбники и иерархию новостильной Румынской Церкви, в подчинение которой оккупантами были отданы южноукраинские Одесская, Херсонская и частично Николаевская епархии. Схожая ситуация сложилась и на Дону. Здесь положение ИПХ осложнилось в связи с тем, что созданное при поддержке оккупационных властей Епархиальное управление возглавил бывший обновленческий епископ Николай Амассийский, которого ИПХ категорически не принимали, как безблагодатного. ²⁸⁰

Кроме того, по словам И. Осиповой, политика оккупационных властей, направленная на поддержку прежде всего национально ориентированных групп Православной Церкви, усложнила положение ИПХ в Прибалтике. ²⁸¹

Принципиально иная ситуация сложилась на Северном Кавказе и Кубани, где почти поголовно местные казаки принадлежали к ИПЦ, тогда как иногородние и переселенцы – к сергиевцам и обновленцам. ²⁸²

Поначалу благоприятной для ИПЦ была обстановка в Орловской, Смоленской и Белостокско-Гродненской епархиях, временно вошедших в состав Среднеевропейского митрополичьего округа РПЦЗ. Однако очень скоро немецкое командование изменило свое отношение к открытию епархий РПЦЗ в России, начав серьезно препятствовать миссионерской деятельности РПЦЗ на западнороссийских землях.

Относительно благополучно складывалось положение духовенства ИПЦ в Воронежской, Брянской, Белгородской, Курской областях.²⁸³ Правда, и здесь были свои трудности. Официально Курская и Воронежская епархии немцами были переданы в ведение харьковского автокефального митрополита Феофила (Булдовского), в связи с чем катакомбники, заняв многие храмы, отказывались поминать его на богослужениях. А некоторые катакомбные священники во все так и не вышли из подполья.

Неоднозначно складывалась ситуация и в Белоруссии. С одной стороны, местные епископы провозгласили независимость от МП и нередко поддерживали ИПХ, рукополагая для них даже священников.²⁸⁴ Так, епископом Панкратием в 1942 г. был рукоположен о. Феодор Гончаров (род. в 1910 г. в с. Шерстин Гомельской обл.). Он был назначен настоятелем церкви в с. Красное Гомельской области. С приходом Красной армии перешел на катакомбное положение, принят был в ИПЦ о. Иларионом (Андриевским) из Воронежа, умер 15 ноября 1972 г.

С другой стороны, в той же Гомельской области известный катакомбный старец о. Феодор (Рафанович, †1975) вынужден был вновь перейти на катакомбное положение еще при оккупации, преследуемый как немцами, так и красными партизанами.²⁸⁵

Следует отметить, что партизанский террор наносил серьезный урон Церкви. Как отмечает патриархийный историк прот. В. Цыпин: *«Оккупанты не были единственными хазяевами на захваченных землях. На всей этой огромной территории полыхала партизанская война. Партизаны не только укрывались в лесах и оттуда наносили удары по немцам, они захватывали деревни, села, местечки, совершали дерзкие диверсионные акты на железных дорогах и в городах... Местному населению приходилось считаться и с ними как с реальной силой... Ни одно из партизанских движений не сочувствовало Православной Церкви. Ядро советских партизанских отрядов составляли воинствующие атеисты»*.²⁸⁶

Верующие ИПХ, как и вообще мирное население, нередко оказывались жертвами партизанского террора. В свою очередь ответный террор немецких оккупантов также приво-

дил к гибели тысяч мирных жителей, среди которых были и истинно-православные христиане. Как вспоминал последователь ИПЦ В. П. Пащенко с Черниговщины: «В селе Козары Носовского района партизаны убили проезжавшего немца, в ответ на это немцы согнали население села во главе со священником и спалили церковь. Подожгли село Писки. То же самое было в Бахмачском и Басанском районах».²⁸⁷ Серьезный урон общинам ИПЦ был нанесен также насильственным угоном населения на принудительные работы в Германию.

Крайне сложной для ИПЦ была ситуация в оккупированных Псковской, Новгородской, Ленинградской и Калининской областях, где оккупационные власти всесторонне поддерживали Экзарха МП митрополита Сергия (Воскресенского). Поэтому в этом регионе многие клирики ИПЦ так и не смогли выйти из подполья.²⁸⁸ Вместе с тем, как вспоминал проф. И. М. Андреев (Андреевский), несмотря на настоячивые требования патриархийного Экзарха митр. Сергия (Воскресенского), истинно-православные священники, успевшие начать служить в некоторых из открывшихся храмов, категорически отказывались помянуть местоблюстителя из Москвы: «Так, например, в г. Сольцы Новгородской епархии митрофорный протоиерей о.В., бывший благочинный церковью города Минска, а затем ставший катакомбным священником, несмотря на строжайший приказ благочинного Новгородского района о.Василия Рушанова... – категорически отказался помянуть советского митр. Сергия. Это было в 1942 г. А в 1943 и 1944 гг. о.В. стал тайно помянуть митрополита Анастасия (главу Зарубежной Русской Церкви)».²⁸⁹

Отказался подчиняться сергианскому благочинному и катакомбный иеромонах Тихон (Зорин). В октябре 1943 г. его со многими прихожанами немцы принудительно вывезли из с. Ожогово в Латвию, где заставляли работать на строительстве оборонительных сооружений в районе Ветцаульской станции.²⁹⁰

Положение духовенства ИПЦ во всем северо-западном регионе из-за противодействия оккупационного командования оставалось весьма неблагоприятным. Даже те из священников, что в 1941 г. попытались выйти из подполья,

вскоре вынуждены были вновь перейти на катакомбное положение. Не вышел из затвора катакомбный схиепископ Макарий (Васильев, †1944), который пытался наладить контакты с главой Среднеевропейского митрополичьего округа РПЦЗ митрополитом Серафимом (Ляде) Берлинским. Посланный им иеромонах немцами был снят с поезда в Кенигсберге и отправлен обратно.²⁹¹

Как справедливо замечает М. В. Шкаровский, «то, что большая часть общин ИПХ Ленинградской области в период оккупации осталась в подполье, позволило им продолжить свою деятельность и после окончания войны, несмотря на гибель руководителей».²⁹²

Такие наблюдения историка очень точно отражают положение общин ИПЦ в послевоенный период не только в Ленинградской области, но и в других регионах, переживших оккупацию. Выход катакомбных священников и общин ИПЦ из подполья, переход на легальное положение и присоединение к автономным иерархиям в Украине, Белоруссии, Северном Кавказе и других регионах привели к тому, что с приходом Красной армии те, кто не успел эмигрировать, были жестоко репрессированы. Выход катакомбников в годы войны из подполья, отказ от конспирации и открытая деятельность сделали их легко уязвимыми перед партизанами и советскими карательными органами. Поэтому послевоенный период ознаменовался массовым разгромом общин ИПЦ.

6. Катакомбная Церковь в послевоенный период

С наступлением советской армии, на освобожденных территориях, сразу же начались репрессии. Особенно рьяно подвергались «зачисткам» священники и верующие ИПЦ, вышедшие в годы оккупации из подполья. Многие из них, по законам военного времени, были расстреляны без суда и следствия в первые же дни взятия городов и населенных пунктов. Так на Черниговщине 20 сентября 1943 г. красноармейцы при взятии села Свинь (ныне Ульяновка) забросали гранатами одного из наставников ИПЦ в регионе – игумена Алипия (Яковенко).²⁹³ В том же году в Нежине (Черниговская область) был расстрелян прот. Иоанн Шмонь и многие другие.²⁹⁴

Многие православные пастыри и верующие на оккупированных территориях с наступлением советской армии вынуждены были эмигрировать за границу, где присоединялись к РПЦЗ и другим православным юрисдикциям. Выявлением и уничтожением беженцев занимались специальные карательные подразделения Главного управления контрразведки «СМЕРШ» (сокращенное от «Смерть шпионам»), созданного по приказу Сталина в апреле 1943 г. на базе Управления особых отделов НКВД СССР. Известно, что более 100 клириков и активистов-катакомбников, арестованных в советской зоне в Германии или выданных американцами и англичанами, были расстреляны, остальные отправлены на длительные сроки в каторжные лагеря СССР.²⁹⁵

Многие истинно-православные христиане были репрессированы по обвинению в поддержке «власовцев», «красновцев», «лесных братьев» и других антибольшевистских формирований, другие за «измену родине» и «шпионаж». Определить точное количество репрессированных в период с 1942 по 1944 гг. последователей ИПЦ практически невозможно, поскольку НКВД в этот период арестовывало и расстреливало их не по обвинению в «принадлежности к ИПЦ», а по стандартному обвинению «пособничество фашизму» и «измена родине». При этом под такое обвинение подпа-

дал всякий, кто в годы оккупации работал в официальных учреждениях и ведомствах или же просто обращался за помощью к оккупационным властям по бытовым и прочим вопросам.

Усилению репрессий способствовало возобновление паспортизации населения на бывших оккупированных территориях. 3 апреля 1942 г. приказом НКВД СССР № 0114 вводилась в действие временная инструкция «по восстановлению паспортной работы в местностях, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков». По данным паспортного отдела Главного управления милиции НКВД СССР за 1943 г., в ходе перепрописки населения в местностях, освобожденных от немецких оккупантов, органы милиции выявили: 66,5 тыс. человек, «работавших по обслуживанию немецких армий и в немецких учреждениях», 12,8 тыс. человек, чьи ближайшие родственники ушли с немцами, около 2 тыс. человек «уголовно-преступного элемента», 3,3 тыс. дезертиров из Красной армии и уклоняющихся от призыва и мобилизации. В 1944 г. цифры были следующие: 22,7 тыс. уклоняющихся от мобилизации, 18,7 тыс. дезертиров, 19,5 тыс. уголовников, 66,1 тыс. человек, «работавших в немецких учреждениях», 34,3 тыс. «ставленников и пособников немецких войск», 419 изменников и члены их семей.²⁹⁶ Судьба большинства этих людей сложилась трагически в советских лагерях и тюрьмах. Среди них существенный процент составляли последователи ИПЦ-ИПХ, считавшиеся «изменниками родины» и «пособниками фашизма».

Выявлению ИПХ на освобожденных территориях органам НКВД нередко помогали как партизаны, так и клирики-сергиане.²⁹⁷ Во время арестов последователи ИПЦ часто не называли себя, поэтому в отчетах их не относили к ИПЦ-ИПХ.²⁹⁸

Приведем характерный пример, который проясняет положение духовенства ИПЦ тех лет. Как вспоминают катакомбники: «Когда на территории Украины власть советских безбожников поменялась на немецкую, то о. Никита (Лехан – прим. авт.), получил возможность служить открыто. Он служил в селе Белоусовка (Полтавской обл. – прим. авт.), где у него было много духовных чад, оставшихся верными Истинному Православию... После окончания войны его сно-

ва арестовали. Причем перед арестом о. Никите предлагали остаться священником и служить официально, в храме, но для этого он должен был вступить в компартию. От такого предложения о. Никита конечно же отказался...». ²⁹⁹ За отказ признать советского патриарха и вступить в компартию о. Никита был осужден на 25 лет лагерей. Подобную участь разделили сотни священников ИПЦ.

С приходом советской власти православное духовенство снова было поставлено перед выбором: признать «советскую церковь» или уйти в подполье. ³⁰⁰ Несмотря на многочисленные соблазны, многие священники предпочли последнее.

В целом, послевоенный период для Катакомбной Церкви был ознаменован серьезным ослаблением позиций: верующие и священники вновь массово арестовывались, во многих регионах прихожане вынуждены были переселяться в уцелевшие от разрушений города и села, часть катакомбного духовенства и паствы эмигрировали за границу, где вошли в состав РПЦЗ. Нарушилась отлаженная годами система конспирации и контактирования между подпольными группами, что в условиях нелегальности было крайне опасным. ³⁰¹

По словам И. Осиповой, «с осени 1941 г. аресты клириков Московской патриархии прекратились, но это не коснулось нелегально действующих священнослужителей ИПЦ... Согласно отчетов органов госбезопасности, за пять лет, с 1941 по 1945 гг., число вновь арестованных священнослужителей составило свыше 7 500 человек». ³⁰²

Другой историк, М. Шкаровский отмечает, что «преследование тайных священнослужителей особенно усилилось с осени 1943 г. Советские власти, наряду с радикальным улучшением отношения к Московской патриархии, попытались произвести в 1943–1946 гг. разгром в «катакомбах», что им во многом удалось». ³⁰³

Показателен случай, когда в феврале 1943 г. в с. Монастырщина Оричевского района Кировской области верующие уклонились от участия в сборе средств на строительство танковой колонны. Как выяснилось, в этом селе настоятелем храма служил священник Василий Перминов, поддерживавший антисергианского епископа Виктора (Островидова). Узнав об этом, 5 апреля 1943 г. власти храм срочно передали МП, а о. Василий вскоре был арестован. В связи с протеста-

ми верующих председатель Совета по делам РПЦ Г. Карпов 24 ноября 1943 г. разъяснял Кировскому уполномоченному Совету по поводу о. Василия Перминова, что он принадлежит к викторовской – «...враждебной к Советской власти группировке, этой позиции держится и сейчас и влияет в этом отношении на верующих». Карпов рекомендовал также «...через местного епископа направить туда священника, который сумел бы убедить верующих в том, что «викторовцы» являются раскольниками». ³⁰⁴ Судя по всему, это последний пример легального служения в СССР представителя церковной оппозиции. Отец Василий Перминов был приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет лагерей, погиб в 1944 г. в Воркутлаге. ³⁰⁵

Помимо новой волны репрессий против ИПЦ, в те годы для многих катакомбных пастырей и верующих серьезным испытанием явилось театрализованное «избрание» нового главы МП – патриарха Алексия (Симанского), в котором приняли участие приглашенные сталинским правительством восточные патриархи. ³⁰⁶ Поверив обещаниям нового патриарха, а также заверениям восточных патриархов, получивших за это лично от Сталина дорогие подарки, некоторые катакомбные пастыри во главе с епископами Афанасием (Сахаровым) и Гавриилом (Абалымовым) признали Алексия Симанского. Даже известный катакомбный исповедник иеромонах Гурий (Павлов) первоначально «поверил в возрождение Русской Церкви» и пытался в 1945 г. поступить в состав клира Горьковской епархии, а потом и Киево-Печерской лавры, однако получил отказ из-за отсутствия паспорта. ³⁰⁷ [IV]

Большинство катакомбных священников, вышедших из подполья и примкнувших к МП, оказались в чуждой им среде, многие из них вскоре были почислены за штат, а осмелившихся проявить несогласие НКВД арестовывало и ссылало в концлагеря. ³⁰⁸

Еще более жестокие репрессии были организованы против духовенства, отказавшего признать нового советского патриарха. Во всех бывших оккупированных районах духовенство в обязательном порядке вызывали к ново назначенным сергианским епископам и благочинным и требовали дать письменную расписку о признании патриарха Алексия

(Симанского). Отказавшихся вскоре арестовывали. И только единицы успевали скрыться и перейти на катакомбное положение.³⁰⁹ Кроме того, как сообщает проф. И. Андреев, после избрания патриархом Алексия (Симанского) в 1945 г. духовенство, находившееся в лагерях, тоже прошло специальную «перерегистрацию», во время которой работники НКВД опрашивали, признают ли заключенные нового патриарха. Непризнававшие священнослужители были приговорены к увеличению срока заключения или расстрелу, а признавшие нередко получали досрочное освобождение и назначения на приходы.³¹⁰

Катакомбный исповедник Сергей Степанович Денисов, сидевший в 1940-е гг. в лагерях за принадлежность к ИПЦ, вспоминал, как однажды его вызвали на беседу к «куму»:

«– Сергей Степанович, мы знаем, что ты человек церковный, знаешь службу, устав. Сейчас (дело было после войны) есть решение открыть храмы, но священства не хватает. Если ты согласен служить, мы тебя выпускаем.

– Гражданин начальник, скажите мне сперва, Церковь, в которой я буду служить, с властями соединенная?

– А как же, соединенная.

– А власть со Христом соединенная?

Тот засмеялся и говорит:

– Нет.

– Ну и мы не можем с вами соединиться, вы же безбожники.

*– С тобой все ясно. Иди, досиживай срок...».*³¹¹

Подобных исповедников в советских лагерях в те годы томилось очень много. Об этом свидетельствовали даже сергианские епископы. Так, епископ Мануил (Лемешевский), выйдя из заключения, в письме управделами МП протопр. Н.Колчицкому так писал об этом: «Сколько оскорблений от верующих выслушал я в последних Темниковских лагерях за то, что я подчинялся «коммунистическому советскому Патриарху», что я оставался верен ему и не ушел в оппозицию».³¹² Также и перешедший в МП епископ Афанасий (Сахаров) в письме патриарху Алексию (Симанскому) писал: «Во время нахождения моего в заключении мне нередко приходилось встречаться и с иереями, и с мирянами, которые, ревнуя о чистоте веры,... даже весьма благожелательно относившиеся ко мне, не принимали у меня благословения и не хотели быть со мной

в молитвенном общении, как с епископом, возносившим на молитве имя Вашего Святейшества».³¹³

Поскольку лагеря были переполнены священниками и верующими, отказывавшимися признавать «советского патриарха», многих из них целенаправленно, без какого либо судебного постановления, избивали до смерти, бесперерывно заставляли работать до изнеможения, морили голодом и отказывались своевременно предоставлять медицинскую помощь, в результате чего исповедники умирали. Выжившим продлевали сроки или расстреливали. Как отмечает М.В. Шкаровский, «в 1944–1945 гг. в лагерях была сфабрикована целая серия дел о контрреволюционных церковных организациях, по которым многие священнослужители приговаривались к увеличению срока наказания или расстрелу».³¹⁴

Неизвестный катакомбный епископ А. в конце 1940-х писал в письме к Ф. М.: *«За слово правды о «Московской патриархии» уже очень многие пострадали. Епископы и пастыри, не признающие за «Московской патриархией» церковно-канонического учреждения, как правило, на свободе не находятся, а пребывают в заточениях, в горьких работах, в местах отдаленных. На всех, высказывающихся против «Московской патриархии» и обличающих ее деятелей, воздвигнуто жестокое гонение. Сейчас для нас, православных, слова закона «Свобода вероисповедания» можно понимать только как свободу славословия «Московской патриархии», «патриарху Алексею» и его сподвижникам. А слово, сказанное против «патриархии и патриарха», почитается преступлением. И если бы ты знал, сколько ныне страдающих только за то, что их религиозному сознанию невозможно признать «Московскую патриархию» воплощением православия на Руси».*³¹⁵

Несмотря на изменение во время войны политики Сталина в отношении Московской патриархии, в результате чего многие сергианские священнослужители в 1943-1945 и послевоенные годы были освобождены из лагерей и тюрем (политика т.н. «церковного НЭПа»), за три года – с 1946 по 1948 год – в стране было арестовано еще свыше 4300 клириков. По словам историка И. Осиповой, «большая часть арестованных были тайными клириками ИПЦ».³¹⁶

Так только в одной Московской области, где в 1941 г. действовало более 10 катакомбных пастырей, к началу 1945 г.

были произведены повальные обыски и все духовенство ИПЦ арестовано. В обвинительном заключении МГБ СССР против группы московских катакомбных клириков ИПЦ указывалось:

*«В период с марта по май 1946 г. Управлением МГБ СССР за антисоветскую работу были арестованы нелегалы священники Криволицкий В.В., Габрияник А.И. и их единомышленники /.../ в количестве 17 человек. Произведенным по делу расследованием вскрыто действовавшее в Москве и возглавлявшееся нелегалами священниками антисоветское церковное подполье, участники которого, будучи враждебно настроены к советской власти и не признавая легальную церковь, создавали на квартирах своих единомышленников подпольные церкви, где, кроме тайных богослужений, проводили антисоветскую агитацию... На основании изложенного и руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР и приказом НКВД СССР за № 001613 от 1941 г., следственное дело № 8303 по обвинению Криволицкого В.В. и др. в количестве 17 человек направить на рассмотрение Особого совещания, предложив применить меру уголовного наказания».*³¹⁷

Поддерживая «свою церковь», советская власть с новым рвением проявляла активность в борьбе с катакомбными общинами ИПЦ. В середине 1940-х гг. при НКВД-МГБ и Совете по делам РПЦ (СД РПЦ) были созданы специальные комиссии, занимавшиеся наблюдением, выявлением и ликвидацией таких групп. При НКВД действовал специальный 5-й отдел, ведавший подобными вопросами. О серьезной обеспокоенности в связи с активизацией и распространением влияния Катакомбной Церкви, а также мерах, предпринятых советским режимом, свидетельствует докладная записка председателя СД РПЦ генерала НКВД Карпова на имя зампреда Совнаркома СССР Молотова от 5 октября 1944 г. В ней сказано:

«... В областях с незначительным количеством действующих церквей и в районах, где нет церквей, отмечается массовое распространение групповых богослужений в домах верующих или под открытым небом — на кладбище, у здания церкви, с привлечением сотен молящихся. Причем в этих случаях для совершения обряда верующими приглашается не состоящее на регистрации духовенство. В ряде случаев та-

кие богослужения совершаются систематически... В своей значительной части актив таких церковных незарегистрированных групп и духовенство, в них состоящее, оппозиционно настроены по отношению к легальной патриаршей православной церкви, осуждая последнюю за лояльное отношение к советской власти... Большое количество верующих фанатиков, находясь под влиянием этих групп, в своих настроениях резко отличаются от групп верующих, находящихся под влиянием патриотически (просоветски - авт.) настроенного духовенства легальной церкви. Это положение влечет за собой всякого рода рецидивы значительного оживления религиозных настроений в виде так называемого «обновления» икон, распространения «святых» писем, совершения молебствий на полях у колодцев, разных предсказаний, а также агитации о гонении в СССР на религию и церковь». Отмечая неэффективность силовых мер, т. к. «верующие ищут удовлетворения своих религиозных запросов в подполье, устраивая «лесные», «пещерные» и «катакомбные» церкви», генерал НКВД выносит иезуитское предложение по борьбе и установлению контроля над верующими: «...В целях борьбы с нелегальными церковными группами там, где они приняли широкие размеры, пойти на расширение сети действующих церквей до 2-3 на район, не останавливаясь перед разрешением открытия церквей и в областях, и краях со значительным числом действующих церквей, и в тех районах, где их нет», – говорится в докладе.³¹⁸

Стремясь удержать под контролем деятельность верующих и ослабить возросшую к середине 1940-х гг. активность катакомбных общин ИПЦ, во многих регионах страны стали вновь открывать храмы МП. Так только с 1944 по 1947 гг. на территории РСФСР властями было передано МП 1270 храмов. Взамен их клирики обязаны были информировать местные отделы СД РПЦ или НКВД (преобразованного в марте 1946 г. в МГБ) обо всех подробностях церковно-приходской жизни.³¹⁹

В справке начальника отделения УМГБ Алтайского края сообщается: «В целях отрыва верующих из-под влияния антисоветского элемента с разрешения правительства в Алтайском крае в 1943–1944 гг. было открыто несколько церквей, в которых велась патриотическая работа, направленная

на морально-политическое сплочение верующих... Во всех действующих церквях священнослужители систематически выступали перед верующими с религиозно-патриотическими проповедями». ³²⁰

Помимо использования МП в контроле над верующими, советские органы госбезопасности по всей стране приступили к активному выявлению и ликвидации подпольных общин ИПЦ. Выполнению этой задачи посвящено секретное письмо Берии, адресованное Сталину, в котором сообщалось, что «НКГБ СССР выявлена антисоветская сектантская организация «Истинно-православных христиан», состоящая в основном из бывших кулаков и ранее судимых за антисоветскую деятельность. Группы этой организации имеются в некоторых районах Рязанской, Воронежской и Орловской областей.

Активные участники организации находятся на нелегальном положении... Сектанты ведут паразитический образ жизни и проводят антисоветскую работу: налогов не платят, от выполнения государственных обязательств и от службы в Красной Армии уклоняются, на вызовы в советские органы не являются, советских документов не принимают.

Из-за боязни советского влияния на детей участники организации не пускают их в школу и воспитывают в духе враждебности к советской власти.

Аресты активных участников не оказывают должного воздействия на членов организации в силу существующего у них поверия: «Кто арестован и сидит в тюрьме, тот избран Богом, находится на кресте, и ему обеспечено царство небесное».

Учитывая разлагающее влияние этой организации на колхозы ряда районов Рязанской, Воронежской и Орловской областей, НКВД СССР принял решение – участников организации «Истинно-православных христиан» вместе с членами их семей переселить в Омскую, Новосибирскую области, в Алтайский и Красноярский края, рассредоточив их там в нескольких спецпоселениях, где они будут находиться под наблюдением НКВД». ³²¹

Берия предлагал Сталину насильно депортировать последователей ИПЦ из 87 населённых пунктов и 538 хозяйств. Акцию намечалось провести в течение одного дня – 15 июля

1944 г., указывалось общее число подлежащих депортации – 1673 человека. Предлагаемая НКВД акция получила одобрение Сталина. По словам И. Осиповой, «летом-осенью 1944 г. были осуществлены массовые аресты и депортации общин ИПХ во многих регионах европейской части СССР. Многие священнослужители и активисты ИПХ были или расстреляны, или приговорены к 10-25 годам ИТЛ, а большинство общин депортировано в суровые края. В итоге к 1948 г. многие нелегально существовавшие в европейской части страны общины ИПХ были фактически разгромлены».³²²

До наших дней сохранились свидетельства очевидцев тех трагических событий. Катакомбный исповедник Сергей Степанович Денисов вспоминал:

*«В 1944 году всех верующих выслали из Липецкой и Рязанской областей, собрали на станции Лебедянка. В пять часов утра людей из домов забирали, до пяти тысяч набрали. Они там на станции молились, акафисты читали. А мы как раз перед облавой с отцом спрятались в «похоронку». Сидим, смотрим: уже следующий день настал. Вдруг кто-то к нам лезет, а это мой друг из деревни Бередихино – Сергей Мягков, он потом катакомбным священником был, недавно умер. Он эту «похоронку» знал, залез и говорит: «Выходите, уже всех взяли. Увезли». Мы вылезли. И вот мы пошли жить в другое место, у Прядихиных в Орловской области, сначала жили на чердаке, а зимой перебрались в свинарник; у них был один поросенок, а нас там скрывалось семь человек. Нас там нашел председатель колхоза, арестовали. А народ собрался и орет на нас, как на зверей, кто чего. Отвезли в Орел, в тюрьму. Десять человек было нас в камере, священники были...».*³²³

Из воспоминаний видно, что на самом деле депортировано было значительно большее количество последователей ИПЦ, нежели Берия предлагал Сталину в секретном письме. С. Денисов свидетельствует, что только на станцию Лебедянка согнали около пяти тысяч человек. Как отмечает М. В. Шкаровский по поводу такого геноцида верующих ИПЦ-ИПХ: «Это был, вероятно, единственный пример массовой депортации русского населения в тот период. Рост влияния Катакомбной Церкви в первые годы войны серьезно обеспокоил высшее руководство страны /.../ В 1944 г. большая часть истинно-православных на неоккупирован-

ной Европейской части СССР была депортирована или заключена в лагеря. В последующие два года происходило жестокое преследование истинно-православных на бывших оккупированных территориях». ³²⁴

Так в Киеве и области с 4 по 20 марта 1945 г. были арестованы принадлежавшие к ИПЦ иерей Александр Бакалинский, иеромонах Иаков (Москвит), иеромонах Еразм (Проккопенко) и другие. ³²⁵

В Уфе в 1945 г. был выслежен и арестован один из авторитетнейших иерархов Катакомбной Церкви схиепископ Петр (Ладыгин). ³²⁶ За принадлежность к ИПЦ он был приговорён к 5 годам ссылки в Среднюю Азию*.

В Воронежской области 13 января 1945 г. были арестованы принадлежавшие к ИПЦ священник Иоанн Скляров, иеромонахи Антоний (Гирчев), Авва (Черных) и группа катакомбных монахов. Большинство из них получили сроки по 8 лет лагерей, где многие из них погибли, а иеромонах Антоний был замучен 17 апреля 1946 г. еще до отправки в лагерь. ³²⁷ В следующем году в Воронежской области «Управлением УМГБ было вскрыто и ликвидировано 11 антисоветских групп «ИПХ» с общим количеством арестованных 50 человек» ³²⁸, получивших сроки заключения в лагерях от 6 до 10 лет. ³²⁹

11 февраля 1946 г. в Тамбовской области был выслежен и арестован катакомбный архимандрит Александр (Филлипенко), приговорен к 10 годам лагерей. 21 апреля 1946 г. в Подмосковье за принадлежность к ИПЦ арестован протоие-

* Из ссылки схиепископ Петр бежал, скрывался в горах Тянь-Шаня, где основал тайный монастырь в восьми днях пути от Джелалабада (Киргизская ССР). В ноябре 1951 г. монастырь был обнаружен милицией с вертолета и разгромлен, на его насельников в горах были организованы облавы, большинство из них пойманы и брошены в лагерь. Сам схиеп. Петр сумел скрыться, прячась в Белоруссии и на Кубани и постоянно меняя место жительства. Оставшись к началу 1950-х гг. практически единственным каноническим архипастырем Катакомбной Церкви, он, по сути, стал ее Первоиерархом. Под его омофором объединились различные группы катакомбников, для которых он рукоположил более 10 тайных священников. Умер в пос. Глазове (Удмуртия) в 1957 г. [Схиепископ Петр (Ладыгин). Непокоримый столп Церкви Катакомбной // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1048>].

рей Владимир Криволуцкий, приговорён к 10 годам лагерей. 17 мая 1946 г. выслежен и арестован известный московский катакомбный священник о. Димитрий Крючков, погиб в заключении 9 сентября 1952 г.

В Харьковской области в 1946 году был арестован и осужден на 7 лет катакомбный иеромонах Серафим (Шевцов). Как вспоминали его последователи, «на суде в Киеве о. Серафиму генерал предложил приход, но только с условием, что батюшка зарегистрируется и будет вести службу вместе с другими священниками, подписавшимися под “Декларацией” митр. Сергия. Отец Серафим от этого предложения отказался и был выслан отбывать срок заключения».³³⁰ Подобные предложения в те годы делались практически всем арестованным священникам ИПЦ. Кто-то соглашался, но было очень много таких, кто предпочитал тюрьмы и даже казнь предательству своих убеждений и идеалов. Таковых карали с особенной жестокостью.

Активные акции НКВД-МГБ по выявлению и ликвидации подпольных очагов ИПЦ организовывались по всей стране. Сотни катакомбных священников и тысячи мирян были брошены на длительные сроки в лагерь, многие из них там и погибли.

Уже 14 февраля 1947 г. генерал МГБ Г. Карпов в итоговом отчете ЦК ВКП(б) за 1946 год с удовлетворением писал, что внутренняя работа «способствовала сокращению роста церковного подполья в стране».³³¹

Однако и в последующие годы репрессии против ИПЦ продолжались. В справке отдела пропаганды и агитации Воронежского обкома ВКП(б) от 9 апреля 1948 г., составленной в ответ на специальный запрос соответствующего управления ЦК, сообщалось: «Наряду с официально действующими православными церквями в области существует большое количество тайных групп верующих Православного толка, из которых наиболее распространенными течениями являются “Истинно-православные христиане” (сокращенно “ИПХ”). “ИПХ” исповедуют православную веру, но не признают ныне действующих церквей, как связанных с “безбожной Советской властью и коммунистами”... За 1947 год и 3 месяца 1948 года Управлением МГБ вскрыто и ликвидировано 11 антисоветских групп “Истинно-православных хри-

стиан"... Члены группы "Истинно-православных христиан" систематически участвовали в тайных сборищах, где наряду с молитвами обсуждались вопросы форм ведения антисоветской деятельности среди населения... В период выборов в Верховные органы Советской власти призывали население не участвовать в них, не работать в колхозах, отказываться от уплаты налогов и госплатежей. Вели работу по вовлечению в антисоветские группы новых участников...». ³³²

Аналогичные отчеты поступали и из других регионов страны: Витебской, Пензенской, Рязанской и других областей. ³³³ В докладной записке Управления МГБ по Алтайскому краю от 6 апреля 1948 г. указывалось: «Имеется некоторая часть православных верующих, попавшая под влияние антисоветского элемента, которая бойкотирует вновь открытые церкви, мотивируя тем, что в них совершается богослужение за советскую власть... В 1946 году тайных групп церковников по краю насчитывалось 138, в то время как в настоящее время их имеется только 32. Резкое сокращение тайных групп произошло в результате проведения профилактических мероприятий со стороны МГБ». ³³⁴ Однако даже после проведения МГБ репрессивных «профилактических мероприятий» оставшиеся 32 группы ИПХ насчитывали более 1500 верующих. ³³⁵

Как отмечает М. Шкаровский, «во второй половине 1948-1949 гг. ситуация еще более осложнилась. В связи с новым изменением государственной церковной политики в худшую сторону и прекращением открытия храмов произошел определенный «рост рядов» Катакомбной Церкви. 5 августа 1948 г. Г. Карпов писал в Совет Министров СССР, что Совет по делам РПЦ «находит нужным совместно с МГБ и МВД СССР разработать мероприятия по ликвидации всякого рода тайных отправлений религиозных служб и обрядов и тайных молитвенных домов». Карпов ссылался на большие масштабы подобной деятельности и указывал, что в Рязанской области при 86 официально действующих церквях в 193 населенных пунктах проводят службы незарегистрированные священники. Начальник Управления МГБ по Тульской области в ноябре 1948 г. сообщал об активизации в последнее время церковных нелегалов, бродячих монахов, отмечая деятельность 30 православных священников, не

признающих Московскую патриархию. В Гомельской области в 1949 г. тайно служили 4 таких священника и т.д.».³³⁶

25 апреля 1949 г. встревоженный Г. Карпов направил в Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) специальную секретную информационную записку «О религиозных пережитках, выражающихся в исполнении обрядов и массовых молений по тайной (не стоящей на регистрации) церкви, и о лицах, занимающихся тайной церковной деятельностью». В ней подчеркивалось:

«Помимо официально зарегистрированных храмов, монастырей и духовенства Русской православной церкви, за деятельностью которых Уполномоченные Совета осуществляли наблюдения и по указаниям Совета проводили ограничительные мероприятия против усиления влияния церкви на население, в ряде краев, областей РСФСР выявлено значительное количество лиц, не относящихся к юрисдикции Московской патриархии и выполняющих «требы» и другие священнические обязанности нелегально. Такие лица... проводят нелегальные молитвенные собрания, в большинстве случаев, в тех населенных пунктах, где нет действующих церквей.

...И если за деятельностью зарегистрированных молитвенных домов, церквей и священнослужителей Уполномоченные Совета на местах, да и другие местные советские органы, осуществляют наблюдение, то нелегальные молитвенные дома и их священнослужители, не состоя на регистрации, действуют без всякого контроля, беспрепятственно, за исключением случаев, когда... вмешиваются органы МГБ.

*Деятельность в течение многих лет таких тайных молитвенных домов, пещер, тайных избушек и т.п. представляет собой крайне политически вредные явления, т.к. организаторы этих молитвенных домов и их священнослужители нередко имеют благоприятную почву для своей деятельности, а местные органы, в том числе и административные, не знают, как с ними бороться».*³³⁷

По словам М. Шкаровского, борьба советских органов с ИПЦ сильно затруднялась сложностью выявления тайных общин. Г. Карпов писал, что подавляющее их число существует в РСФСР. Особенно сильная активизация катакомбников в конце 1940-х гг. проявлялась в Воронежской, Тамбовской, Липецкой, Рязанской и других областях.³³⁸

В 1950 г. репрессивные акции МГБ против ИПЦ продолжались. Как отмечает М. В. Шкаровский, в 1950–1953 гг. по всей стране прокатилась новая волна массовых арестов катакомбников.³³⁹ Так, в январе 1950 г. УМГБ в Саратовской области было заведено против «антисоветской церковной организации “ИПЦ”» отдельное уголовное дело № 688, по которому в регионе было арестовано 120 человек. Среди них 24 марта 1950 г. «за участие в антисоветской церковной организации “ИПЦ”» Балашовским РО МГБ был арестован духовный сын и постриженник катакомбного старца иеросхимонаха Феодосия (Кашина, †1948) Кавказского – инок Феодосий (Журбенко, будущий катакомбный епископ Лазарь, †2005). 13 января 1951 г. Особым Совещанием МГБ СССР он был осужден по ст. 58-10 ч. II и 58-11 УК РСФСР с отбыванием наказания в ИТЛ сроком лишения свободы 10 лет, срок отбывал в Карагандинском концлагере. Получили от 5 до 10 лет и другие истинно-православные христиане.

Кроме того, в сентябре-ноябре 1950 г. Военные Трибуналы войск МВД осудили несколько десятков истинно-православных христиан, группы в Ярославской, Тамбовской и Рязанской областях, причем в ходе операции по аресту членов последней группы при задержании было убито двое ее руководителей.³⁴⁰ Подобные процессы происходили и в других областях СССР вплоть до самой смерти Сталина в 1953 году.

В 1950 г. за организацию «подпольных ячеек ИПЦ» в очередной раз был арестован и приговорён к 10 годам лагерей иером. Виссарион (Марков, в схиме Серафим), отбывал наказание в Потьменских лагерях.³⁴¹ 13 февраля 1950 г. в Татарской АССР по делу о принадлежности к ИПЦ были приговорены 17 человек: игумен Паисий (Рожнов), иеромонах Геннадий, иеромонах Филарет и еще 5 человек – к 10 годам лагерей, 6 человек – к 8 годам лагерей, 3 человека – к 5 годам лагерей.³⁴² Летом 1951 г. были арестованы еще 5 активистов этой общины ИПЦ: 4 человека получили 25 лет лагерей и 1 – 10 лет лагерей.³⁴³ 4 января 1951 г. в Воронежской области был арестован катакомбный иеромонах Анувий (Капинус), а позже еще 10 человек из его общины. Все они получили сроки – от 5 до 10 лет лагерей.³⁴⁴ Как указывалось в обвини-

тельном заключении: «Капинус А.А. являлся руководителем антисоветской организации так называемых истинно-православных христиан, созданной им в целях саботирования проводимых правительством мероприятий».³⁴⁵

24 января 1951 г. был выслежен и арестован в Ленинграде иеромонах Тихон (Зорин) и 6 его сподвижников. Священника обвинили в том, что он в Ленинграде «объединил участников ранее разгромленных МГБ антисоветских формирований Истинно-православной церкви», оказывал материальную помощь «репрессированным за антисоветскую церковную деятельность» и т.п. В октябре о. Тихона и еще троих представителей общины приговорили к 25 годам лагерей с конфискацией имущества, еще троих – к 10 годам и одну мирянку – к 8 годам. Срок отбывали в Особом лагере МВД СССР № 7 в Иркутской области.³⁴⁶

27 марта 1951 г. в Костромской области был арестован и приговорен к 10 годам лагерей катакомбный священник Феодор Смирнов.³⁴⁷ Одновременно было заведено дело против 14 монахинь из тайного женского монастыря ИПЦ.³⁴⁸ 25 апреля 1951 г. в Марийской АССР был приговорен к 10 годам лагерей принадлежавший к ИПЦ иеромонах Митрофан (Васильев).³⁴⁹ 23 декабря 1951 г. в Чувашии был арестован и приговорен к 25 годам лагерей иеромонах Гурий (Павлов). По его делу было арестовано более 10 человек.³⁵⁰

Объявлен был в розыск и известный катакомбный священник иером. Александр (Турунтаевских). Постоянно скрываясь от облав и преследования, он сымитировал гибель. Оставил на берегу реки одежду и документы с запиской: «Надоело жить при советской власти!»... Найдя его вещи и записку, все решили, что он утопился. Батюшка же переплыл реку и скрылся, скитаясь по разным городам и весям. В Омске он сменил фамилию на «Орлов» и под новым именем тайно проживал и служил в Сибири.³⁵¹ Это один из немногих случаев, когда катакомбникам удавалось перехитрить советские репрессивные органы и скрыться.

В течение 1951–1952 гг. облавы на последователей ИПЦ продолжались по всей стране. Так, в ноябре 1951 г. милицией с вертолетов был обнаружен в горах Тянь-Шаня (Киргизская ССР) катакомбный монастырь ИПЦ, возглавляемый схиепископом Петром (Ладыгиным). На монашествовавших были

организованы облавы в горах, и большинство из них получили длительные тюремные сроки. В том же 1951 г. вместе с другими членами общины ИПЦ был арестован и осуждён на 25 лет ИТЛ тайно рукоположенный схиепископом Петром иеромонах Тимофей (Несговоров).³⁵² 19 декабря 1952 г. в пос. Клинцы Брянской области был выслежен и арестован один из последних остававшихся на свободе катакомбных архиереев – епископ Сергей (Кудрявцев). 13 апреля 1953 г. он был приговорен к 25 годам ИТЛ с конфискацией имущества, отбывал срок в Дубравлаге, где и погиб 16 апреля 1955 г.³⁵³

Это только несколько примеров репрессий против ИПЦ в начале 1950-х годов.

Весной-летом 1951 г. в Рязанской области Совет по делам РПЦ провел специальную проверку. В его итоговой докладной записке отмечалось, что количество выявленных тайных молитвенных домов сократилось по сравнению с 1949 г. в два с половиной раза.³⁵⁴ Отмечалось в начале 1950-х гг. сокращение наполовину численности последователей ИПЦ в Тамбовской и других областях Центрального Черноземья.³⁵⁵

И все же, несмотря на активные репрессивные меры советских органов, полностью искоренить ИПЦ так и не удалось. Так, например, как сообщает М. Шкаровский, в начале 1953 г. Совет по делам РПЦ, отмечая активизацию деятельности истинно-православных христиан в ряде районов страны, писал: «Тихоновцы – противники Советской власти, они не идут в колхозы, противятся всем новшествам, уклоняются от проведения выборов в Советы, уклоняются от переписи населения, учетов и др.».³⁵⁶ А в мартовской докладной записке Н. С. Хрущеву от заведующего отделом пропаганды и агитации и отделом науки и культуры ЦК КПСС подчеркивалось существование «большого количества бродячих (незарегистрированных) попов, сотни которых были выявлены в 1953 году».³⁵⁷

С целью недопущения усиления влияния ИПЦ, многим ее последователям уже в лагерях дополнительно продлевали сроки наказания. Катакомбные священники пожизненно пребывали в заключении: заканчивался один срок, им тут же давали новый, пока многие из них там и умирали. Так, известному катакомбному исповеднику отцу Михаилу Рождественскому, осужденному еще в 1943 г. на 10 лет лагерей, в

1953 г., по истечении срока наказания в Воркутинском лагере, продлили его еще на 10 лет.³⁵⁸ Подобных примеров было очень много.

По поводу этих трагических событий неизвестный каткомбный епископ А. в конце 1940-х – начале 1950-х гг. писал в письме к Ф. М.:

«Шумит, бряцая оружием гражданских властей, и самохвальная своими «успехами» Московская патриархия. В то же время оставшиеся верными Христу и Церкви Его священнослужители скитаются и укрываются по местам непроходимым, будучи жестоко преследуемы «оком» служителей Московской патриархии. Не давших обязательство истинных пастырей разыскивают, ловят и предают на мучения.

Где есть тому возможность, в потаенных местах, гонимые пастыри Христовы приносят Господу Жертву Безкровную. Увы! В этих благоговейных богослужениях все «не по-старому», т. е. там почти нет прихожан и никакого прежнего благолепия и торжественности. Там служат еле слышным голосом, и за службой присутствуют только два-три человека. Жаждающих там молиться много, но нельзя навлекать подозрений у многочисленных соглядатаев.

Часто, очень часто священники, оставшиеся верными Христу и Его Церкви, невероятно жестоко преследуемые, не имеют места, где было бы возможно им преклонить свои головы. Сурова жизнь сих добрых пастырей! Они в постоянных тревогах и жутких опасностях...

Таких пастырей осталось, может быть, немного. Много денег ассигновано для поимки их. Много “работников” трудятся над этим делом. Уже не один, не два православных пастыря захвачены в плен и посланы на медленное или немедленное уничтожение. Уже для истинных православных христиан настали времена таких расправ, перед которыми бледнеют страницы истории христианства первых веков. Еще печальнее будет картина положения Православной Церкви на Руси, если к ней добавить многие факты иудинной работы служителей Московской патриархии. Эти служители, движимые сатанинским духом, в гонениях на православных часто бывают усерднее, чем сами враги православия...

Здесь я говорил о преследованиях, которые претерпевают священнослужители Христовой Церкви, находящиеся на

*«свободе». Громадное же большинство православных архипастырей и пастырей пребывает в тюрьмах, из которых нет им исхода до смерти. Велик сонм этих воистину не земных, а небесных граждан! Славны по всей земле Русской их подвиги исповедничества и мучений, принятых за Церковь».*³⁵⁹

Катакомбники многократно свидетельствовали, что в гонениях против них активно участвовали представители Московской патриархии. Эти факты подтверждают архивные документы. Так, в секретной докладной записке, направленной председателем Совета по делам РПЦ генералом Г. Карповым в Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б), по поводу «массовых молений по тайной (не стоящей на регистрации) церкви, и о лицах, занимающихся тайной церковной деятельностью» сообщалось:

«Уполномоченные Совета... не могли полностью выявлять подобные факты (“тайной церковной деятельности” - прим. авт.) и пользовались в данном случае лишь отрывочными сведениями, получаемыми ими от духовенства и верующих, с которыми им приходится сталкиваться в процессе своей работы.

Патриарх и епископат в своих письмах в Совет многократно просили о принятии административных мер к таким, как они называют, “самочинным службам” и по отношению духовенства, совершающего “требы” без регистрации. Синод в 1949 г. даже дважды принимал решения по этому вопросу...

*По мнению Совета, организация борьбы с подобного рода предрассудками должна идти путем усиления политико-просветительской работы на местах и конкретно в каждом отдельном случае, а административные меры надо принимать органам милиции и прокуратуры».*³⁶⁰

Этот документ наглядно демонстрирует, кто на самом деле стоял за повальными облавами НКВД-МГБ и арестами последователей ИПЦ в 1940-е – 1950-е гг.

И все же, несмотря на жесточайшие гонения, отсутствие вследствие этого централизованного церковного управления и административного единства ИПЦ [V], она оставалась единственным в СССР духовным организмом, не ставшим на служение богоборческому режиму. Ее духовенство и верующие, уйдя в подполье, сорвали планы НКВД-МГБ и

КПСС по полному подчинению себе Церкви и постепенному ее уничтожению. Даже советский патриарх Алексий (Симанский) в частных беседах негласно признавал за Катакомбной Церковью правоту. Как свидетельствует патриархийный историк Д. Поспеловский, довольно враждебно относящийся к ИПЦ, в беседе с митрополитом Иоанном (Соколовым) Киевским, пожаловавшимся на активизацию истинно-православных христиан в регионе, патр. Алексий доверительно ответил: «Вы должны не жаловаться, а благодарить Бога, что в вашей епархии так много мужественных христиан, не подклонивших выю атеизму, как это сделали мы. Их молитвы однажды спасут нашу Церковь».³⁶¹ Трудно не согласиться с такой оценкой. Как констатирует тот же Д. Поспеловский: «Духовная жизнь в катакомбной, неофициальной Церкви была более интенсивной, чем в открытой, более контролируемой властью. Так, например, она продолжала заниматься религиозным воспитанием и образованием детей, что в условиях официальной церкви было невозможно».³⁶²

7. Катакомбная Церковь в годы «хрущевской оттепели» и «брежневского застоя»

После смерти в 1953 г. Сталина в стране постепенно стали прекращаться массовые репрессии, начался процесс десталинизации. В 1955–1956 гг. были амнистированы многие священнослужители, монашествующие и миряне ИПЦ. Как отмечает М. Шкаровский, «новая активизация деятельности Катакомбной Церкви началась с середины 1950-х гг. Из лагерей оказались выпущены сотни, возможно, тысячи ее священнослужителей и проповедников-мирян, составлявшие значительную часть “узников за веру”». ³⁶³ В связи с этим, по словам ученого, «примерно с 1957 г. доклады КГБ, партийных и государственных органов вновь запестрели сведениями о тайной деятельности Истинно-Православных. В ноябре все ЦК компартий республик СССР прислали заведующему сектором агитации К. У. Черненко отчеты о состоянии религиозной жизни в их регионах». ³⁶⁴ В отчетах, в частности, сообщались и факты активизации подпольных общин ИПЦ. 25 ноября 1957 г. справку об активизации в стране религиозных объединений и групп на имя К. Черненко прислал и председатель Совета по делам религиозных культов А. Пузин. По словам М. Шкаровского, он подчеркивал, что «отколовшиеся от Русской Православной Церкви, не признавшие советскую власть группы Истинно-православных христиан имеются в Черниговской, Харьковской, Тамбовской и других областях». ³⁶⁵

О серьезной обеспокоенности советской власти в Украине деятельностью подпольных общин ИПЦ-ИПХ в этот период может свидетельствовать заявление Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете министров УССР на совещании в Москве в ноябре 1959 г. По его словам, «среди незарегистрированных групп верующих необходимо обратить главное внимание» на деятельность «истинно-православных христиан» и других групп, поскольку «эти секты не признают советское законодательство». ³⁶⁶ В качестве главного аргумента прозвучало то, что «эти секты пребывают в

орбите работы вражеской контрразведки (американской и западногерманской); судебные процессы, которые состоялись на Украине над руководителями этих сект, обнаружили связь их с зарубежьем, в частности, с Америкой, Западной Германией, Канадой и другими».³⁶⁷

Стоит обратить внимание, что подобные обвинения в адрес ИПЦ-ИПХ звучали не в период апогея сталинских репрессий, а во времена т.н. «хрущевской оттепели». Из этого видно, что отношение советского режима к ИПЦ-ИПХ, несмотря на осуждение сталинских репрессий и частичную реабилитацию их жертв при Хрущеве, осталось неизменно враждебным.

Репрессии против последователей ИПЦ производились по указке из Москвы. Чиновники на местах долгое время не знали, как поступать с ними в связи с «новым курсом» КПСС. Так в Татарской АССР 19 декабря 1957 г. по доносу соседей во время тайного богослужения нагрянули работники милиции. Они проверили у всех документы и переписали молящихся, потом задержали приезжих, допросили и затем предложили им немедленно покинуть город.³⁶⁸ Казалось, беда миновала. Однако местные работники милиции отправили отчет вышестоящему начальству, и по его распоряжению уже в начале марта 1958 г. в домах более чем 15 истинно-православных христиан были произведены обыски и изъятие писем, фотографий, религиозной литературы, а 28 марта в с. Ямаши были арестованы катакомбный священник Филарет (Русаков) и ряд активистов ИПХ. В том же году они были приговорены к срокам – от 10 до 25 лет. Дела верующих общины, дополнительно арестованных осенью, были выделены в особое производство, большинство из них получили сроки – от 5 до 10 лет лагерей.³⁶⁹ В ноябре 1958 – мае 1960 гг. в Татарской АССР продолжились аресты последователей общин ИПЦ, многие из которых получили сроки от 5 до 25 лет лагерей.³⁷⁰ Аналогично в феврале 1959 г. прошли аресты последователей ИПЦ в Липецкой области.³⁷¹

Проф. А. Н. Колодный на основе архивных данных сообщает, что в 1958 г. советскими спецорганами в Украине была раскрыта нелегальная группа ИПЦ в Харьковской области во главе с Безхутрым, Семененком и Чичкалем. По словам исследователя, «это целая подпольная группа с подземной церк-

вью, монастырем».³⁷² Эти данные дополняет проф. Л. М. Шугаева, которая уточняет, что эта группа «проводила работу по восстановлению подполья ИПЦ в Харьковской области. В ряде райнов община имела явочные квартиры, была создана катакомбная церковь, проводились молебны, хранилась литература религиозного содержания».³⁷³

Многие общины ИПЦ в Харьковской области возглавлял иеромонах Серафим (Шевцов), скончавшийся в 1955 г. Его последователи вспоминали, что уже в хрущевские времена, «когда собираться для молитвы в частных домах стало крайне опасно из-за преследований властей, батюшка решил выкопать пещерку. Недалеко от Харькова находится село Тишки. В этом селе вдоль высокого холма проходит улица. Во дворе дома, где временно жил отец Серафим, почти до середины холма росли густые кустарники. И вот в этом незаметном месте решили рыть лаз в подземелье. Рыли осторожно, долго, под руководством батюшки. Когда вырыли, то получился большой погреб, размером в просторную комнату. Воздух в катакомбу подавался искусственно, наподобие самовара, «сапожком». Нормальной вентиляции сделать не представлялось возможным. Но иконы в подземелье стояли, лампады и свечи горели, литургия совершалась. Так продолжалось определённое время. И вот однажды с группой христиан пришла новенькая. Когда батюшка её увидел, то сказал своим чадам: «Кого вы привели? Быстро собирайтесь, уходим с этого места». Рано утром, ещё до рассвета, все верующие, которые там были, с иконами в руках, во главе с отцом Серафимом, тихо вышли из пещеры и через огороды (в то время цвёл подсолнух и кукуруза была в рост человека), через лесок ускользнули от органов КГБ, которые к этому времени окружили дом, но, к счастью, не заметили уходящих. Та женщина, которую привели к батюшке, была жена священника, который служил сергианам. Она с ним поделилась информацией, а он сообщил в органы».³⁷⁴

На иером. Серафима (Шевцова) очень долго охотились сотрудники КГБ, но найти так и не смогли. Вышли на след лишь через год, после того, как он умер в 1955 г. Как вспоминают очевидцы, «не зная, что он умер, “органы внутренних дел” искали его. Когда наконец могила о. Серафима была обнаружена, было вызвано армейское подразделение для под-

нятия гроба. Когда докопались до гроба, угол его был уже истлевшим, и через отверстие распространялся аромат... Когда открыли гроб, то тело лежало в таком состоянии, как будто вчера похоронено. Когда начальнику сказали, что тело лежало в могиле полтора года, он возмутился и сказал: «Этого не может быть». Но когда он в конце концов убедился в правоте сказанного, то был в сильном недоумении. Вскоре гроб с телом был увезен с этого места. За происходившим наблюдало большое количество жителей города Чугуева, что в 45-ти км от Харькова. Где находится могила о. Серафима сегодня – никто не знает. Начальник только одно сказал: «Мы сделаем так, чтобы не ходили толпами на его могилу»». ³⁷⁵

В 1958 г. был вновь арестован скрывавшийся в Молдавии катакомбный священник о. Никита (Лехан). ³⁷⁶ В том же 1958 году была раскрыта группа ИПЦ в Луганской области во главе с Сорокиным, Белых и Цимбалом. ³⁷⁷ По словам А. Н. Колодного, эта группа «имела свою типографию и издавала антисоветскую литературу, обращения к мировой общественности». ³⁷⁸ Привлеченный к ответственности Г. Цимбал был автором «Манифеста православных христиан», в котором изложена краткая история ИПЦ и основы ее вероучения. ³⁷⁹ В Сумской области в ходе оперативной разработки «Фарисеи» УНКГБ по Сумской области были арестованы и обвинены в шпионаже и антисоветской деятельности активисты подпольной общины ИПЦ «стефановцев» (последователи о. Стефана Подгорного). ³⁸⁰

В феврале 1961 г. (т.е. на пике «хрущевской оттепели») в докладной записке УКГБ по Карагандинской области в ЦК КПСС обращалось внимание на активизацию ИПЦ в регионе. Работники КГБ отчитывались в ЦК КПСС о том, что в августе-сентябре 1956 г. в Темиртау и трех районах Караганды были проведены общественные суды над активистами ИПЦ (41 человек). Как сообщает М. В. Шкаровский, больше половины из них были приговорены к выселению из области на 5 лет. Некоторые члены общин были лишены родительских прав. Алма-Атинская киностудия сняла даже специальный агитационный фильм «Душа из мрака». Однако и в начале 1960-х гг. деятельность нелегальных групп ИПЦ (численностью более 250 человек) продолжалась в пяти рабочих поселках Темиртау. Возглавлял их отбывший срок заключения

известный «буевец» архимандрит Александр (Филлипенко). По словам М. В. Шкарковского, несмотря на репрессии, у этих групп существовали тайные женские монашеские общины, молитвенные дома и довольно крупный подпольный монастырь на ст. Металлургической. Представители общин ИПЦ уклонялись от переписи населения 1959 г., отказывались от получения советских документов, службы в армии, участия в общественной жизни. Имели связи с подпольем ИПЦ в Тамбовской, Харьковской и Горьковской областях. В сентябре-ноябре 1960 г. все руководители карагандинских общин ИПЦ были арестованы.³⁸¹

Как сообщает проф. Д. В. Веденеев, по состоянию на конец 1950-х гг. в СССР, согласно отчетам КГБ, было выявлено «до 300 локальных групп ИПЦ с более 6000 участников, которые стояли на позициях крайней враждебности к канонической Церкви».³⁸²

Советские исследователи А. И. Демьянов и Н. Ф. Зыбковец сообщали, что в Сибири существовали десятки подпольных монастырей и общин ИПЦ, при которых имелись даже пастырские курсы.³⁸³ Крупный очаг ИПЦ действовал в Воронежской, Тамбовской, Курской, Липецкой, Рязанской областях, на Урале и Зауралье, Кубани и Северном Кавказе, а также в Белоруссии и Украине.

Так, в 1959 г. в Украине были выявлены: 14 общин ИПЦ (более 200 человек) в Черниговской области, 13 общин – в Полтавской, 3 общины – в Кировоградской, 1 община – в Черкасской.³⁸⁴ По состоянию на 1 января 1962 г. в отчетах украинских республиканских советских органов сообщается о раскрытии деятельности подпольных общин ИПЦ в Украине: Киевской – 1, Кировоградской – 2, Крымской – 2, Одесской – 4.³⁸⁵ Кроме того, по состоянию на 1 января 1965 г. сообщается о выявлении 19 общин ИПЦ (около 272 человек) в Винницкой области, 3-х общин ИПЦ – в Одесской, 3-х общин – в Черкасской и т.д.³⁸⁶ В 1973 г. сообщается о деятельности 5 общин ИПЦ в Черниговской области, 2-х общин – в Хмельницкой, в 1977 г. – 3-х общин в Овручском районе Житомирской области.³⁸⁷

По мнению Л. М. Шугаевой, все эти данные условны и не отражают реального положения в общинах ИПЦ-ИПХ.³⁸⁸ По ее словам, «действовали общины истинно-православных

христиан в условиях абсолютного запрета, поэтому дать точную географию распространения и количественный состав последователей в Украине практически невозможно».³⁸⁹

С целью выявления и изучения деятельности подпольных общин ИПЦ-ИПХ в конце 1950-х – начале 1960-х гг. с одобрения ЦК КПСС в ряде областей страны (Тамбовской, Воронежской, Липецкой и Рязанской) были организованы специальные религиоведческо-социологические экспедиции Института истории Академии наук СССР. Одновременно в этих и других регионах в эти годы прошли массовые аресты участников «антисоветского подполья церковников, сторонников так называемой Истинно-Православной Церкви тихоновской ориентации».³⁹⁰

20 августа 1961 г. КГБ направил в ЦК КПСС докладную записку об «изуверской деятельности церковников», в которой отмечалась активизация подпольной деятельности групп ИПЦ-ИПХ во многих регионах страны, в связи с чем предлагалось активизировать борьбу с ними.³⁹¹

10 ноября 1963 г. председатель КГБ В. Семичастный направил в ЦК КПСС еще одну подробную докладную записку с информацией об активизации ИПХ в Ивановской, Кемеровской, Пермской, Новосибирской, Челябинской областях и в Казахстане. Глава КГБ сообщал о фактах распространения последователями ИПХ антисоветских листов, саботаже выборов в Советские органы власти и даже о повреждении ими в 1961 г. трех памятников Ленину.³⁹² В еще одной справке КГБ «о враждебных проявлениях сект» в Центральной Азии от 29 января 1964 г. сообщалось, что в Киргизии этой «враждебной работой» активно занималась тайная группа Истинно-православных христиан, имевшая специальные схроны и тайники. Арестом руководителей и специальными профилактическими мерами ее деятельность удалось прекратить».³⁹³

Как отмечает М. Шкаровский, «на оживление деятельности Истинно-православных христиан власти отреагировали новым, третьим по счету в послевоенные годы «походом» на Катакомбную Церковь. Он продолжался с 1958 по 1964 год. Расстрелы уже не применялись, и самые суровые меры наказания «ограничивались» почти пожизненными сроками заключения в концлагерях, психиатрических больницах и

ссылками. Тогда же, помимо 25-летних приговоров, начали широко применяться и небольшие сроки лишения свободы, которые бесконечно продлевались, и таким образом люди попадали «за решетку» на десятилетия». ³⁹⁴

В 1950–1960 гг. в специальный женский лагерь строгого режима в Мордовии было отправлено около 300 мирянок и монахинь, в основном катакомбниц. К середине 1960-х гг. в Мордовии специальную зону для верующих ликвидировали, а «узников за веру» перевели в зону политзаключенных на ст. Потьма. В 1968 г. значительную часть из полутора тысяч узников 11-го лагерного отделения составляли священнослужители различных конфессий, в том числе катакомбники с 25-летними сроками заключения. ³⁹⁵

В 1961 г. преследования подпольных христиан были в очередной раз узаконены в СССР на официальном уровне. В «Инструкции по применению законодательства о культах», утвержденной постановлением Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов от 16 марта 1961 г., ИПЦ, ИПХ и другие классифицировались как «секты, вероучение и характер деятельности которых носит антигосударственный и изуверский характер». ³⁹⁶ Этим документом запрещалась легализация указанных религиозных групп, тогда как по закону о культах незарегистрированная (нелегальная) деятельность религиозных организаций категорически запрещалась, а нарушившие эти нормы закона подлежали уголовному наказанию. Таким образом, на последователей ИПЦ-ИПХ с 1961 г. по всей стране начались массовые преследования по обвинению в нарушении законодательства о культах и нерегистрации общин. Непосредственным образом коснулась последователей ИПЦ-ИПХ, отказывавшихся от советских паспортов, и очередная паспортизация населения. За отказ от регистрации и получения паспортов многие из них были подвергнуты новым арестам и тюремному заключению. Но более всего последователей ИПЦ-ИПХ коснулся закон от 4 мая 1961 г. о «тунеядстве», под который попадали как тайные священники и монахи, так и все ИПХ, отказывавшиеся работать на советских предприятиях и в колхозах.

В апреле 1964 г. вдобавок было принято еще и постановление, позволявшее на законодательном уровне лишать родителей прав на ребенка, если он воспитывался в вере

и посещал богослужения. При этом дети последователей ИПЦ-ИПХ принудительно, через «народные суды», помещались в детдома.³⁹⁷ А самих родителей нередко помещали в психиатрические больницы.

Как отмечает И. Осипова, «к середине 1964 г. антирелигиозная истерия захлестнула страну. Однако осенью 1964 г., после снятия Хрущева, напряженность вокруг религиозной проблемы была смягчена рядом мер... С этого времени власти перешли к более умеренной тактике постепенного вытеснения религиозных организаций из общественной жизни страны. В 1965 г. были освобождены из лагерей и ссылок многие священники официальной Церкви, но это не коснулось тайных иереев и мирян ИПЦ. На них гонения продолжались».³⁹⁸

В относительно более спокойные времена брежневского «застоя» последователей ИПЦ по-прежнему подвергали всевозможным притеснениям и дискриминации. Катакомбный архиепископ Лазарь (Журбенко) вспоминает, как во время тайного богослужения в одну из городских квартир в Украине неожиданно нагрянула милиция. Служил там бывший насельник Киево-Печерской лавры, катакомбный схииеромонах Феодосий (иером. Агапит (Жиденко)). «Дворники, которые знают своих жильцов, донесли, что в одну квартиру приходят много людей. Стук, милиция, у всех проверили документы...» И хотя тогда никого не посадили, но проблемы были у всех. С работы были уволены все – врачи, инженеры, учителя, а схииеромонаха Феодосия «закрыли в стардом без права посещения, чтобы ограничить к нему доступ. Но верующие выкрали его, он скончался в Ирпене близ Киева».³⁹⁹

Возможно, это один из немногих случаев, когда последователей ИПЦ в СССР подвергли более-менее «гуманному» наказанию, да и то лишь потому, что местная милиция не разобралась, что это ИПЦ, а не МП. Поступи тогда донос дворника не в опорный пункт местного отдела милиции, а в управление КГБ, большинству из присутствовавших на богослужении грозило бы более строгое наказание, вплоть до тюрьмы.

Встречались, правда, изредка и другие случаи. Так, прихожане катакомбного священника о. Никиты Лехана с Харьковщины вспоминали:

«Жил батюшка скрытно, стараясь днём не выходить на улицу. Но потом верующие всё равно узнали, что у нас живёт священник, и стали приходить молиться. Вскоре соседи и вся улица узнала, что мы молимся; пошёл разговор, и первыми гонителями стали «наши»: две невестки братьев, убитых на войне. Они подали на нас пять заявлений, в которых писали, что у нас тайно живёт священник, что мы ночью молимся, что мы не голосуем, не вешаем флаги на советские праздники. Были и другие заявления от соседней. Но эти заявления попали к нашему участковому милиционеру, который тайно был верующий. Он пришёл к нам и рассказал, предупредив, чтобы мы были осторожны и перевели священника в другое место. Мы так и сделали. Это было настоящее чудо Божие, которое спасло тогда о. Никиту от ареста. Потом начали искать себе новый дом, чтобы уйти от невесток, иначе бы они не успокаивались и писали дальше. Господь нам помог, нашёлся для нас недорогой домик, и с помощью добрых людей мы его купили. Так и стал батюшка жить на новом месте, служить Литургию, окормлять свою всё возрастающую паству. Но иногда из-за преследований уже и на новом месте ему всё же приходилось скрываться на чердаке или вообще уезжать из города на несколько месяцев... Это было в начале 70-х».⁴⁰⁰

К началу 1970-х гг. преследования последователей ИПЦ-ИПХ вновь ужесточаются.

Так, уже 16 июля 1969 г. в докладе председателя Совета по делам религий В. А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета отмечалось: «Имеются факты, говорящие об оживлении деятельности секты Истинно-православных христиан, которые в ряде случаев ведут себя открыто и нагло».⁴⁰¹

Жесткое отношение к ИПЦ во времена «хрущевской оттепели» и «брежневского застоя» было связано, среди прочего, с начавшейся еще при Хрущеве кампанией массового закрытия в стране действующих храмов МП и лишением легальных общин регистрации. Из 14 477 патриархийных храмов, действовавших в 1949 г., к 1966 г. осталось открытыми 7 523.⁴⁰² Соответственно, к 1966 г. были лишены приходов и регистрации более 7000 священнослужителей МП. Закрытие храмов осуществлялось при внешнем согласии ру-

ководства Московской патриархии, что вызывало оппозиционные настроения среди рядового духовенства, наиболее пострадавшего от массового закрытия храмов. Священники, лишившиеся возможности легально служить в храмах, епархиальными архиереями массово увольнялись за штат.⁴⁰³ Многие из них вынуждены были уходить на светскую службу, устраиваться на работу в советских предприятиях и учреждениях. Многие публично слагали сан и отрекались от веры. Но иные (в основном из сельского духовенства) продолжали окормлять свою паству вне храмов. В стране образовался значительный процент «незарегистрированных общин», которые стали выпадать из-под контроля как властей, так и епархиальных архиереев МП. Согласно советской статистике, на 1 июня 1962 г. по автономным республикам РСФСР было выявлено 199 таких неофициальных приходов – на 170 официальных (зарегистрированных). На остальной части РСФСР наибольшее количество незарегистрированных приходов приходилось на Горьковскую область – 136 и 50 официальных; на Ульяновскую – 64 и 16, Пензенскую – 52 и 29. В целом по РСФСР было выявлено более 670 незарегистрированных общин, в Украине – 89, в Казахстане – 17.⁴⁰⁴

Нередко духовенство, возмущенное поведением правящих архиереев, не только начинало на дому совершать несанкционированные богослужения, но и прекращало поминать бывших правящих епископов, предавших своих клириков. Так в Чернигове в 1960-е гг. перешли на нелегальное положение и прекратили поминать правящего епископа МП иеромонах Тихон и протоиерей Александр Маков. Многие такие священники присоединялись к ИПЦ. Так на Кировоградщине в ИПЦ перешли лишившиеся регистрации протоиерей Александр Надемский и иерей Митрофан Коваль. Вместе с такими священниками в ИПЦ переходила и наиболее преданная паства. Нередко также «незарегистрированные» общины, не найдя поддержки со стороны патриархального духовенства и иерархии, обращались за окормлением к катакомбным истинно-православным пастырям, присоединяясь таким образом к ИПЦ. Кроме того, некоторые лишившиеся регистрации и храмов священники МП пытались создавать собственные самостоятельные группы. Так иеромонахи Геннадий (Секач) и Феодосий (Гуменников), служив-

шие до закрытия храма на приходе МП в с. Вербовка Черниговской области, создали собственное течение, известное под названием «секачевцы».⁴⁰⁵ Близкими к «секачевцам» были околопатриархийные нелегальные группы «алфеевцев» (от иером. Алфея Барнаульского), «херувимовцев» (от иерод. Херувима Дегтяря), «леонтьевцев» (от Леонтия Грицана) и другие.

Усиление, в результате массового закрытия храмов, нелегальной и не контролируемой властями церковной жизни, уход многих из них в подполье и даже присоединение к ИПЦ спровоцировали серьезную обеспокоенность советских органов. Ведь неконтролируемая, нелегальная церковная деятельность представляла намного большую опасность для тоталитарного режима, чем деятельность легальная и контролируемая.⁴⁰⁶ Наличие же в стране организованных подпольных структур ИПЦ, имеющих богатый опыт нелегальной деятельности, в такой ситуации было крайне опасным: если бы «незарегистрированные» общины на почве недовольства и оппозиционных настроений по всей стране начали массово присоединяться к ИПЦ, это могло вылиться в не менее массовое движение, чем «непоминающие» в 1930-е гг. И для его подавления и уничтожения понадобилась бы новая кампания массового террора и репрессий по всей стране, как это было при Сталине. Этого органы советской госбезопасности допустить не могли. Поэтому с самого начала при Хрущеве были предприняты жесткие попытки окончательно ликвидировать ИПЦ.*

Все это было одной из причин того, что верующие ИПЦ-ИПХ в СССР, несмотря на начавшуюся «хрущевскую оттепель», по-прежнему не только были лишены каких-либо прав на свободу совести, но и подвергались постоянным преследованиям со стороны КГБ и МВД. Единственное от-

* Помимо попыток ликвидировать ИПЦ, органами госбезопасности предпринимались операции по расколу ИПЦ. С этой целью в ИПЦ под видом «катакомбных епископов» засылались завербованные агенты (как правило, бывшие священники МП), которые вносили смуты и расколы в катакомбные общины ИПЦ. К таковым многие последователи ИПЦ относили Серафима Поздеева, Геннадия Секача, Херувима Дегтяря, Антона Чернова, Викентия Чекалина и других.

личие заключалось в том, что если при Сталине одна лишь формулировка «принадлежность к ИПЦ» обеспечивала подзреваемому расстрел или срок от 5 до 25 лет концлагерей по статье 58-10 Уголовного кодекса (участие в антисоветской организации и антисоветская деятельность), то при Хрущеве чаще всего к монашествующим и верующим ИПЦ-ИПХ применяли обвинение в нарушении законодательства о культах или трудового законодательства – «тунеядство» (отказ работать на советских предприятиях и в колхозах) в те годы являлось уголовно наказуемым. Кроме того, молодежь ИПЦ нередко привлекали к ответственности за уклонение от службы в советской армии и принятия присяги. Так, в селе Брылевка Кличевского района Могилевской области в начале 1960-х гг. милицией был застрелен при попытке к бегству прихожанин ИПЦ, отказывавшийся по убеждениям идти в советскую армию.⁴⁰⁷

Кроме того, последователей ИПЦ-ИПХ нередко преследовали за отказ от принятия паспортов и прописки, «бродяжничество» и т.п. Очередная паспортная реформа в 1974–1976 гг. обязывала пройти перерегистрацию и получение паспортов даже жителей сельской местности. Как отмечалось в отзыве отдела административных органов ЦК КПСС, курировавшего КГБ, МВД, прокуратуру и судебные органы, «паспортизация сельских жителей улучшит организацию учета населения и будет способствовать более успешному выявлению антиобщественных элементов».⁴⁰⁸

В этот период в СССР все меньше встречаются обвинения в принадлежности к «антисоветскому подполью», как и обвинения в «антисоветской деятельности и агитации». Официально в большинстве отчетов сообщалось, что с антисоветским подпольем в СССР было покончено, поэтому всех инакомыслящих и неблагонадежных старались привлекать к уголовной ответственности по иным статьям. Нарушение законодательства о культах и трудового законодательства, получение «нетрудовых доходов», уклонение от уплаты налогов, отказ от учебы в советской школе или службы в советской армии, уклонение от регистрации и получения советских паспортов, саботирование правительственных мероприятий и даже отказ от участия в выборах или коммунистических демонстрациях – все это могло стать

причиной уголовного или административного наказания верующих. Но очень часто последователей ИПЦ-ИПХ и вовсе не привлекали к уголовной или административной ответственности; на основании сфабрикованного заключения медицинской комиссии верующих объявляли сумасшедшими и насильно помещали в психиатрические больницы, где их годами держали в заключении вместе с психически больными людьми, насильно вводили сильные дозы психотропных препаратов и т.п. Такие пытки мало кому удавалось выдержать. Люди либо лишались рассудка, либо постепенно умирали. Психиатрические больницы действовали во всех областях СССР, и в каждой из них побывали последователи ИПЦ-ИПХ. Однако в архивах, к сожалению, данные об этих страдальцах и их численности выявить ныне практически невозможно, поскольку на многих из них не заводились ни уголовные дела, ни тем более не выдвигались обвинения.

Сохранились воспоминания одного из диссидентов о пребывании «узников за веру» в советских психиатрических больницах. Так, согласно воспоминаниям, находившийся более 12 лет в Сычевской спецпсихбольнице МВД священник Владимир Соловьев подвергался постоянным издевательствам. Несмотря на это, он неустанно и горячо молился круглые сутки, выстаивая часами на коленях, не обращая внимания ни на насмешки, ни на удары санитаров или больных. Он подвергался постоянным избиениям как со стороны надзирателей, так и лично главврача майора Лямца. «Освободили его через 12 лет пребывания в Сычевском аду и еще продержали больше года в Гедеоновской областной психлечебнице. Там была большая скупченность больных, и у многих не было даже своей койки. Главврач сразу сказал Соловьеву: «Ты же святой, можешь и без постели». И так пролежал о. Владимир на полу, даже без матраца, более года. Отправили его после выписки не в родную деревню возле Гжатска, а в сибирскую психколонию для стариков, где и суждено ему умереть».⁴⁰⁹

Это лишь один из примеров, как в годы «хрущевской оттепели» и «брежневского застоя» коммунистический режим уничтожал православие в СССР.

Как следствие, массовыми репрессиями против священников и активных прихожан Катакомбной Церкви совет-

ской власти удалось добиться существенного сокращения численности «обезглавленных подпольных групп».⁴¹⁰

В этот период, дабы не допустить окончательного разгрома ИПЦ, уцелевшие на свободе катакомбные истинно-православные пастыри и верующие вынуждены были уходить в еще более глубокое подполье, усилив конспирацию и затаившись до лучших времен, самоизолируясь от внешнего мира.

Как писал в 1961 г. советский исследователь Л. П. Митрохин, «особый характер деятельности обуславливали специфические черты организации ИПЦ. Она существовала в виде небольших групп, тяготеющих к домашним монастырским, во главе которых стояли обычно монашеники. Прием в группу и допущение к собранию проводился в строгом индивидуальном порядке и лишь по рекомендации своего человека. Обычно практиковалась клятва перед крестом, в которой вступающий давал обещание не разглашать тайн своей группы... В своей деятельности ИПЦ придерживалась строго конспиративных методов работы. Ее члены назначали тайные собрания, вели переписку друг с другом при помощи шифров и через подставных лиц (связных – прим. авт.). Деятельность руководителей ИПЦ держалась в глубокой тайне даже от рядовых членов».⁴¹¹

Показательным примером может служить конспирация катакомбного священника иером. Тихона (Зорина), тайно скрывавшегося в Ленинграде и вынужденного даже переодеваться в «бабское тряпье». Об этом сохранились воспоминания духовного сына о. Тихона А. П. Соловьева:

«Я встретился с отцом Тихоном только в 1964 году, когда он освободился уже после второго ареста... Он все еще скитался по домам и квартирам верующих людей. Это было ему уже очень тяжело и опасно, ведь последний раз его за это и судили. Да и потом у него не было разрешения жить в Питере... Я стал ходить к нему, когда он тайно появился в Петрограде в доме на Екатерининском канале (тогда – канал Грибоедова). Представьте себе длинный коридор, множество дверей, это означает и множество самых разных людей. Там и была одна небольшая двадцатиметровая комната, в которой жила Ксения Петровна (кажется, ее фамилия Савельева). Она и приняла отца Тихона после ссылки. Но это была

*жизнь, как на бочке с порохом: в центре города, на глазах у безбожных людей... Выходить из квартиры было просто небезопасно, поэтому батюшку одевали в женское платье и покрывали платком, если ему нужно было пройти в туалет. Другие жильцы так и считали, что у Ксении Петровны временно проживает ее старенькая и хромая родственница. Там, в доме на канале Грибоедова, я впервые исповедывался у отца Тихона...».*⁴¹²

Из-за опасений внезапных обысков и арестов, богослужения в ИПЦ, как и в 1930-е гг., совершались по ночам, полумраком, при выключенном электрическом свете и нескольких зажженных свечах. При этом тайные священники ИПЦ использовали самодельные переносные (раскладные) престолы, вместо иконостаса – ширму (а чаще и вовсе без перегородок), церковная утварь делалась в уменьшенном и упрощенном виде, дабы легко было быстро сложить и спрятать от посторонних лиц.

Методы конспирации предпринимались очень разные. Так, в с. Чечевичи Могилевской области на окраине села, возле леса, у крестьянина Николая Козеко в 1960-е гг. скрывался «безпаспортный» катакомбный игумен Антоний. Домовой храм был оборудован в летней кухне, из которой можно было очень легко перебраться в лес. Здесь же жил и о. Антоний. Под печью был оборудован небольшой тайник, и в нем о. Антоний прятался, если приходил кто чужой. От калитки во двор к дому хозяина и в летнюю кухню был проведен звонок. Поэтому, если приходили чужие и звонили не по условленному звонку, о. Антоний сразу же уходил под печь или в лес. Такие меры конспирации несколько раз спасали его от милиции. Об этом в начале 1990-х гг. о. Антоний рассказывал автору этих строк. Тогда же автору довелось видеть упомянутый тайник под печью.

Сохранились также описания катакомбного храма иеромонаха Гурия (Павлова) в Чувашии. По словам Л. Сикорской, тайная церковь была оборудована в небольшом сарае: «Эта церковка была совсем крошечной, всего несколько квадратных метров... Сарайчик, в котором она располагалась, находился в глубине двора. Маленькие оконца выходили во двор, но через них трудно было что-либо разглядеть внутри. В сарайчике была сделана потайная дверка. Когда начи-

налась служба, то основную дверь в сарайчик закрывали на висячий замок снаружи, а в церковку проходили через эту потайную дверку рядом, которая была неприметной, как часть стенки сарайчика. Поэтому посторонний, проникший во двор, увидев замок на двери, думал, что сарайчик закрыт».⁴¹³

Ценные свидетельства сохранились и о тайном служении катакомбного иеромонаха Филарета (Метан, †1976), проживавшего после войны в пос. Добрянка Черниговской области, а позже в г. Ахтырка Сумской области. Автору этих строк довелось близко знать последнюю монахиню Дивеевского монастыря, катакомбную исповедницу м. Серафиму (Куркайку, †1996), которая долгое время была связной между о. Филаретом и катакомбными общинами ИПЦ. В 1927 г., после закрытия обители, м. Серафима по благословению оптинского старца Нектария (Тихонова) не приняла сергианство и всю последующую жизнь принадлежала к катакомбной Истинно-Православной Церкви. В 1950-е – 1970-е гг. она была тесно связана с о. Филаретом (Метан). Поскольку священник пребывал под постоянным наблюдением, он практически не выходил из своего дома. Богослужения тайно совершал в своей небольшой комнате. А связь с паствой держал через матушку Серафиму. В условленные дни она тайно, по ночам, проникала в сад к о. Филарету, где в дупле дерева оставляла письма с исповедями, а через некоторое время таким же образом забирала Святые Дары и записки с пастырскими наставлениями, оставленные о. Филаретом. Затем она развозила Дары и записки верующим.

Оставаясь в условиях гонений нередко без пастырского окормления, многие общины запасались на многие годы вперед Святыми Дарами и Миром, самостоятельно, без священников, совершали «мирским чином» богослужения и даже таинства крещения, исповеди и причастия. Такие действия были вынужденной мерой, и обусловлены они были обстановкой гонений и подполья. Сохранилось письмо одного из лидеров ИПЦ того периода иеромонаха Илариона (Андриевского, †1961) из Воронежа, в котором он подробно разъясняет монахиням, как необходимо вести руководство общиной в отсутствие священника и как принимать причастие заранее заготовленных Даров.⁴¹⁴ Такие «акефальные»

общины при первой же возможности пытались восстановить общение с катакомбными священниками из других регионов, хотя бывали и случаи, когда, не доверяя незнакомым пастырям (из-за участвовавших случаев подсылки КГБ или МП провокаторов или самозванцев), некоторые из них так и оставались на «беспоповском» положении. Правда, такие случаи не были массовыми.

Нередко истинно-православные отказывались не только принимать советское гражданство и паспорта (их называли «беспаспортниками»), вступать в колхозы, работать на советских предприятиях, но даже пользоваться советскими деньгами. Как правило, такие консервативно настроенные верующие обосновывались в сельской местности, особенно в Сибири и на Северном Кавказе, а также в других регионах СССР. Особенно много катакомбных монахов скрывалось в горах Кавказа, они там насчитывались сотнями, так что милиция на вертолетах устраивала облавы на катакомбников и насильно вывозила их с гор. Многие ИПХ, подобно древним старообрядцам, укрывались в непроходимых чащах Сибирской тайги, где действовали монашеские скиты и катакомбные храмы. Их тоже отлавливали на вертолетах.

Чтобы прокормить себя и семьи, истинно-православные христиане (т.н. «крестьяне-единоличники») держали собственные приусадебные хозяйства, обрабатывали огороды, а также работали по найму «чернорабочими» – каменщиками, штукатурами, печниками, дровосеками, плотниками, столярами и т.д. «Члены ИПЦ призывали верующих к отказу от каких-либо форм сотрудничества с советской властью, от участия в выборах в государственные структуры, в работе советских предприятий и учреждений, байкотировали колхозное строительство».⁴¹⁵

Согласно воспоминаниям катакомбного архиепископа Лазаря (Журбенко), «партийных наши священники не принимали – пока из партии не выйдешь, не расквесишься, к Чаше не подходи, и комсомольцам тоже говорили: выйди сначала...».⁴¹⁶ В ИПЦ считалось грехом членство в компартии, комсомоле или пионерии, участие в советских выборах и даже первомайских и октябрьских демонстрациях. За участие во всем этом необходимо было каяться на исповеди у священника, а то и нести епитимию.

Вопрос этот для ИПЦ был крайне принципиален. В то время, как в РПЦ МП часто встречались случаи членства в компартии сергианского епископата и духовенства, сотрудничества с коммунистической властью и ее репрессивными органами, получения от коммунистов медалей и орденов, в ИПЦ условием принадлежности к Церкви выдвигалось требование об отречении от соучастия и сопричастности с «богоборческим коммунизмом» в любых его проявлениях.

Естественно, что подобные настроения последователей ИПЦ-ИПХ вызывали крайнюю обеспокоенность со стороны тоталитарного режима.

Как уже отмечалось, для более успешного обеспечения выявления нелегальных общин Катакомбной Церкви привлекалась даже МП, завербованные представители которой при содействии МГБ-КГБ и СД РПЦ вели т.н. «борьбу с сектантством».

8. Катакомбная Церковь в период «безъепископства». Зарождение самосвятских течений и борьба с ними в ИПЦ

С изменением в конце 1940-х – начале 1950-х гг. религиозной политики, советский режим с еще большей силой обрушился на «инакомыслящую» Катакомбную Церковь, т. к. очередная кампания по закрытию храмов МП толкала религиозную жизнь страны уходить в подполье. Как отмечает патриархийный историк Д. Пospelовский: «Советское правительствo, очевидно, боялось, чтобы вся Церковь не ушла в подполье, так как официальная и строго контролируемая церковь представляла меньшую опасность, чем подпольная».⁴¹⁷

Другой историк, М. Шкаровский, отмечает: *«Значительно сократившись численно в первое послевоенное десятилетие, это (катакомбное – прим.) движение вновь начинает расти с середины 1950-х гг. Из лагерей были выпущены сотни его участников, и доклады КГБ, партийных и государственных органов вновь запестрели сведениями о нелегальной деятельности истинно-православных... В начале 1960-х гг. катакомбное движение получило новый импульс для развития. Когда в результате гонений и закрытия массы храмов, тысячи священников остались без мест и регистрации, большинство их не отказалось от сана, а продолжало обслуживать духовные нужды верующих тайно от гражданских властей... На оживление деятельности истинно-православных власти отреагировали новым походом на них... Но катакомбное движение не было разгромлено».*⁴¹⁸

К концу 1950-х гг., в результате планомерной политики советского режима, канонический епископат ИПЦ был практически полностью уничтожен в лагерях и тюрьмах. Последним безупречным каноническим архиереем и фактически Первоиерархом ИПЦ был схиепископ Петр (Ладыгин, †1957), после смерти которого в Катакомбной Церкви фактически пресеклась каноническая иерархия дореволюционной преемственности.

Этот факт органам советской госбезопасности, а следом за ними Московской патриархии и советским религиоведам давал повод утверждать, что с конца 1950-х гг. ИПЦ в СССР перестала существовать. Однако такой материалистический подход не отвечал реальному положению дел.

Атеистическое сознание не позволяло понять универсальный принцип кафоличности и единства Церкви, который заключается в том, что если одна из поместных Церквей в результате гонений утратит собственную иерархию, то это еще не означает, что она автоматически прекращает свое существование. Через духовное единство с другими православными Церквями (в данном случае с РПЦЗ) она продолжает сохраняться даже в случае временного отсутствия собственной иерархии. Единственной причиной полного исчезновения какой-то отдельной поместной Церкви может быть ее отпадение от православия и исчезновение православной паствы. Если же сохраняются православная паства и священство, то в их лице сохраняется и Церковь.

Согласно православному святоотеческому учению, «телом Церкви» является «народ Божий». Как отмечается по этому поводу в Окружном Послании Восточных Патриархов за 1848 г.: *«Хранитель веры у нас – самое тело Церкви, то есть самый народ Божий»*.

В лице этого «народа Божия», в лице истинно-православных пастырей, монашествующих и мирян, этого «малого остатка» верных исповедников и мучеников, ИПЦ продолжала свое «катакомбное» существование все годы богоборческих гонений. В ИПЦ не прерывалась литургическая жизнь, составляющая центральную часть мистического бытия Православной Церкви как «Тела Христова». *«Церковь творит Евхаристию, а Евхаристия творит Церковь»*, – учит православное богословие. Это святоотеческое пояснение очень точно характеризует положение Катакомбной Церкви, которая, как и в первые века христианства, представляла собой катакомбные общины верных, разбросанные по огромной территории СССР, объединенные не административно, не институционально, а вероисповедно, духовно, евхаристически, почему она и обрела столь ответственное имя – Истинно-Православная Церковь.⁴¹⁹

Рассматривая период конца 1950-х – начала 1960-х гг., не-

обходимо отметить, что в это время в СССР еще оставалось в живых большое количество (более 100) канонических катакомбных священников старого «тихоновско-иосифлянско-го» поставления. В лице этих многочисленных катакомбных пастырей-исповедников, поддерживавших между собою тайное общение, сохранялась подлинная потаенная Истинно-Православная Церковь. Все они не только пребывали в молитвенном общении друг с другом, но и состояли в молитвенном общении с РПЦЗ, поминали на богослужениях ее первоиерархов и епископов. Тким образом канонически компенсировалось временное отсутствие в ИПЦ собственного епископата.

Одним из негласных духовных лидеров «тихоновской» Катакомбной Церкви в те годы был старец о. Иларион (прот. Иоанн Андриевский, †1961) из Воронежа.⁴²⁰ Как отмечает Л. Е. Сикорская, «в условиях нарастающих гонений приходилось порой передавать церковное управление даже иереям, конечно, “без сугубо архиерейских полномочий”».⁴²¹

Если до II Мировой войны центром ИПЦ являлся Петроград, то после войны он утратил таковое значение.⁴²² После жесточайших репрессий и чисток в Петрограде не осталось ни одного катакомбного священника. Нелегальный центр ИПЦ переместился в Центральное Черноземье, в Воронеж⁴²³, где в 1930-е гг. правящим архиереем был епископ Алексей (Буй), назначенный на Архиерейском Совещании ИПЦ в Петрограде в 1928 г. управляющим всеми иосифлянскими приходами на юге России и исполняющим обязанности Экзарха Украины.

В этом регионе после войны позиции ИПЦ были самыми сильными, в связи с чем после разгрома центров ИПЦ в Петрограде, Москве и других городах, особое внимание органами НКВД-МГБ было уделено Центрально-Черноземному району России. М. В. Шкаровский сообщает, что «в 1944 г. большая часть истинно-православных на неоккупированной Европейской части СССР была депортирована или заключена в лагеря. В последующие два года происходило жестокое преследование истинно-православных на бывших оккупированных территориях. В «особой папке» Сталина, хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации, содержится документ о де-

портации ИПХ в 1944 г. /.../ 15 июля 1944 г. одновременно из 87 населённых пунктов 1673 человека были вывезены на восток».⁴²⁴

Несмотря на повальные аресты и депортацию ИПХ во второй половине 1940-х гг., подавить ИПЦ в этом регионе так и не удалось. Как отмечает тот же Шкаровский: «Центральное Черноземье России (второй по значению регион деятельности иосифлян) стало основной «базой» Катакомбной Церкви. Это признавали и советские исследователи. В 1967 г. А. И. Клибанов писал, что «здесь находился наиболее значительный и активный очаг этих течений [ИПЦ и ИПХ], распространявшихся далеко за пределы Чернозёмного Центра».⁴²⁵

С 1935 г. воронежских катакомбников возглавлял иеромонах Иларион (прот. Иоанн Андреевский), назначенный еще в 1925 г. духовником кающихся клириков-обновленцев с правом их присоединения к Церкви. В 1928 г. он был одним из инициаторов присоединения духовенства Воронежской епархии к митрополиту Иосифу Петроградскому. Поддерживал тесные отношения с архиеп. Димитрием (Любимовым), архиеп. Прокопием (Титовым), еп. Алексием (Бум), еп. Дамаскином (Цедриком) и еп. Иоасафом (Поповым). Как писал в 1958 г. в одном из своих писем о. Иларион: *«На меня возложено архиерейское уполномочение – оберегать и хранить Св. Православие в родной епархии в сентябре 1935 г. Вл. Иоасафом. Не имея тогда определенного пристанища (после ссылки – прим. авт.), я отказывался по многим причинам. Но мне твердо было сказано: “Делайте что только будет возможно”. Помню, писал я в 1938 г. Вл. Парфению и просил его снять с меня это уполномочение. Но он ответил, что не может, а кто возложил, тот и снимет. Но Вл. Иоасаф, слышно потом было, умер в тюрьме. Так это бремя лежит на мне и доселе»*.⁴²⁶

В периоды арестов иеромонаха Илариона его заменял в Воронеже архимандрит Никандр (Стуров, †1955), которого в 1929 г. архиепископ Димитрий (Любимов) выдвигал кандидатом в тайные епископы ИПЦ, но хиротония так и не состоялась.⁴²⁷ Как вспоминала воронежская катакомбная схигумения Макария (Чеботарева), «Архимандрит Никандр имел от Патриарха Тихона врученные ключи правления

Православной Церковью в Воронеже – право принимать и присоединять к Православию от всех расколов».⁴²⁸

Выйдя из заключения в середине 1950-х гг., о. Иларион вновь возглавил общины в Воронежской области. К тому времени в стране уже не сохранилось полноценных епархиальных центров ИПЦ. Облеченный епископским благословением новомучеников и исповедников российских, он в послевоенные годы восстановил Воронежский Центр Управления ИПЦ, ставший общепризнанным во всей Истинно-Православной Церкви. В общении с ним пребывали катакомбные исповедники протоиерей Михаил Рождественский из Петрограда, иеромонах Тихон (Зорин) из Новгородской области, архимандрит Александр (Филиппенко) из Караганды, иеромонах Тимофей (Несговоров) из Уфы, иеромонах Виссарион (Марков, в схиме Серафим) из Тамбова, иеромонах Филарет (Метан) из Сумской области, иеромонах Феодор (Рафанович) из Гомельской области, иерей Владимир Веселовский из Киева, иерей Никита Лехан из Харькова, иерей Андрей Хрисанов из Чувашии и многие другие. Отец Иларион еще с 1930-х гг. был наделен от иосифлянских епископов обязанностями «уполномоченного» и имел благословение принимать из любого раскола, присоединять через покаяние к Истинно-Православной Церкви священников. По этой причине к нему, как к «уполномоченному», стекались за благословением катакомбные исповедники со всего СССР; многих он присоединил к ИПЦ из расколов, в т.ч. и из МП. Он был полномочен решать, принимать в общение священников или нет. Так он принял в общение о. Анувия (Капинуса), о. Иоанна Склярова, о. Иоанна из Тулы, о. Иоанна из Касторной, о. Феодора Гончарова из Гомеля и других.⁴²⁹ Иные обращались к нему за постригом: о. Иларион постриг в схиму о. Анувия (Капинуса) с именем Амвросий, о. Иоанна из Тулы с именем Иларион, о. Иоанна Склярова с именем Игнатий и многих других.⁴³⁰

После освобождения в 1956 г. отец Иларион неустанно пытался установить связи с истинно-православными епископами, но после смерти в 1957 г. схиепископа Петра (Ладыгина) таковых разыскать не удалось. Пытался он вступить в общение с архиепископом Антонием (Голынским-Михайловским), однако среди катакомбников ходили противо-

речивые слухи о нем. В частности, не было достоверно известно о законности его епископской хиротонии (по одной из версий, рукоположен он был в григорианском расколе), а кроме того, вызывали подозрение его связи с МП, где, как оказалось, он числился на покое.

Отец Иларион вступил в переписку с архиепископом Антонием еще во время пребывания того в ссылке.⁴³¹ По возвращении в 1956 г. из заключения он в Мичуринске вступил с ним в общение. Архиепископ Антоний наградил о. Илариона митрой и палицей и назначил своим «заместителем».⁴³² К нему, как к «уполномоченному» принимать в ИПЦ клириков, архиепископ Антоний начал посылать на стажировку и испытательный срок новорукоположенных им катакомбных священников о. Прокопия, о. Серафима, посылал на исповедь запрещенного в священнослужении о. Косьму, обсуждал вопрос принятия в общение о. Феодора Гончарова из Гомельской области и т.п.⁴³³ Однако путаница и неясность с биографией архиепископа Антония вынудили о. Илариона в 1958 г. обратиться к нему с письмом, в котором он от имени других катакомбных священников просил владыку ответить на ряд вопросов и развеять их недоумения и подозрения, если таковые ложны. В частности, он просил дать более точные сведения о том, кто, где и когда его рукоположил во епископа, а также предоставить более подробную биографию.⁴³⁴ Но ответа так и не последовало. 22 июля 1960 г. он снова обращается к архиепископу Антонию с недоумением, что за два года от него так и не последовало ответа на поставленные вопросы. Подробнейшее письмо было составлено на 37 страницах.⁴³⁵ После того как и на это письмо не последовало ответа, отец Иларион прервал общение с архиепископом Антонием (Гольнским-Михайловским) и запретил катакомбному духовенству иметь с ним общение.

За неделю до своей кончины старец Иларион призвал к себе схииеромонаха Амвросия (Капинуса) – бывшего полковника Белой армии, тайно рукоположенного в 1929 г. в Петрограде одним из лидеров ИПЦ архиепископом Дмитрием (Любимовым). Он вручил ему «Церковные ключи управления» (а именно он был их хранителем) со словами: «Со дня раскола Церкви каноническое Православие не было прервано, эта золотая ниточка жива, все церковные

дела передаю Вам до появления православного епископа. А искать такого надо!» – и надел на отца Амвросия свой крест.⁴³⁶ Таким образом, духовное окормление ИПЦ с 1961 г. перешло к схииеромонаху Амвросию (†1966). Под его руководством в Воронеже несколько раз проходили тайные совещания катакомбного духовенства ИПЦ, на которых обсуждались насущные вопросы церковной жизни, в частности, и по установлению общения с РПЦЗ.⁴³⁷

После кончины в 1966 г. схииеромонаха Амвросия духовное управление общинами ИПЦ перешло к катакомбному старцу иеромонаху Игнатию (Склярову, †1972) из пос. Углянец Воронежской обл., а после его кончины – к катакомбному старцу схииеромонаху Серафиму (иером. Виссариону Маркову, †1979) из Тамбова. Именно последний в середине 1970-х гг. через исповедь принял обратно в общение с ИПЦ иеромонаха Лазаря (Журбенко), принявшего по благословению архиепископа Леонтия Чилийского (РПЦЗ) сан от опального епископа Вениамина (Новицкого). Старец Серафим отбыл около 30 лет в советских лагерях и тюрьмах. Окормлял многочисленные общины Катакомбной Церкви в Москве, Караганде, Вятке, Тамбове, Мордовии, Вологодской, Воронежской, Нижегородской, Владимирской и других областях. Подал прошение архиепископу Леонтию Чилийскому о принятии под его омофор. В середине 1970-х гг. пострижен в схиму с именем Серафим иеромонахом Лазарем (Журбенко), коему передал и завещал окормление своей катакомбной паствы. Умер в 1979 г. в день Пасхи сразу после заутрени. Ему тогда было 85 лет. До 2011 г. тамбовскую паству схииеромонаха Серафима (Маркова) окормлял катакомбный игумен Нестор (Ложкин, в схиме Феодосий, †2011), тайно рукоположенный в священный сан катакомбным епископом Лазарем (Журбенко, †2005) еще в начале 1980-х гг.⁴³⁸

В Украине в 1970-е гг. негласный духовный центр ИПЦ располагался в Харьковской области, где нелегально действовал авторитетный катакомбный священник иерей Никита Лехан (†1985). Под его окормление к этому времени переходят многочисленные овдовевшие катакомбные общины от Украины до Чувашии. Как вспоминали последователи о. Никиты, у него «окормлялись истинно-православные христиане из Сибири, Средней Азии, Чувашии, Централь-

ной России и других мест... Везде его ждали верующие для крещения, венчания, отпевания. Когда батюшка приезжал в отдаленные общины, то он литургию не служил, но причащал верующих запасными Дарами. Много раз приходилось прятаться, когда соседи или милиция прерывали тайное богослужение». ⁴³⁹

На Харьковщине к о. Никите совершались целые паломничества из разных концов СССР. Согласно воспоминаниям:

«На Пасху в то село (Лизогубовка – прим. авт.), где служил батюшка, собиралось из разных мест до 100 человек, но это была лишь часть его паствы. В том селе храма не было, и вот, когда духовные чада батюшки приезжали и стояли все вместе на автобусной остановке, то люди удивлялись, видя множество женщин, одетых в платочки и длинные платья. Из-за этого ту автобусную остановку прозвали: “Остановка святых”. Поступали, конечно, и доносы в районный центр. По этим доносам из центра делались запросы местной власти, но, опять же, по промыслу Божию, местный начальник был верующий и порядочный человек, и он отвечал в центр (с риском для себя и своей семьи – прим.), что никаких “религиозных сборищ” он в указанном селе не видел. Даже жена этого начальника, когда проходила мимо домика о. Никиты, крестилась. Так что там народ был хороший, всё село было верующее. Многие чада о. Никиты специально в этом селе покупали хаты, переезжали сюда жить, деревня практически полностью принадлежала к Катакомбной Церкви. Батюшка был известен катакомбным христианам на территории всей страны благодаря своей миссионерской деятельности, т.к. он составил множество книжечек и листков, которые пользовались большой любовью верующих, истосковавшихся по правдивому слову». ⁴⁴⁰

Следует отметить, что Харьковщина являлась духовным центром ИПЦ в Украине и в 1930-е гг. Здесь нелегально действовал епископ Павел (Кратиров, †1937) и многие авторитетные ссыльные священники ИПЦ. После войны в Харькове нелегально действовали схииеромандрит Антоний (Жеретиенко, †1950), архимандрит Тихон (Баляев, †1953), иерей Павел (Володин, †1954), иеромонах Серафим (Шевцов, †1955), иеромонах Амфилохий (Фурс, †1969), иеромонах Па-

хомий (Петин, †1985) и другие. В Белоруссии центр ИПЦ, как и в 1930-е гг., сохранялся в Гомельской области. Здесь в 1970-е – 1980-е гг. нелегально служили иеромонах Феодор (Рафанович, †1975), иеромонах Филарет (Метан, †1975), иерей Феодор Гончаров (†1972), иерей Александр Сухотский (†1990), игумен Антоний, иеромонах Вениамин (Русаленко) и другие. Одно время в Гомельской области скрывался известный петроградский катакомбный исповедник иерей Михаил Рождественский (†1988). Большинство духовенства в Харьковской и Гомельской областях по мере возможности поддерживали отношения между собою, а также с духовенством ИПЦ в Воронежской и других областях.

Кроме перечисленных священников Воронежской, Харьковской и Гомельской областей, известно, что в рассматриваемый период подпольно действовали следующие авторитетные катакомбные пастыри ИПЦ: архимандрит Александр (Филиппенко, †1960-е), схииеромонах Феодосий (Жиденко, †кон.1960-х), иеромонах Феодосий (Белов, †1960-е), иеромонах Митрофан (Дусь, †1960-е), иеромонах Илия (Кузнецов, †1960-е), отец Анатолий «Гремячевский» (†1960-е), иерей Никита «Тамбовский» (†1960-е), протоиерей Александр Надемский (†1960-е), протоиерей Гавриил «Полтавский» (†1960-е), иеромонах Пимен (Завада, †1962), иерей Митрофан Коваль (†1964), иеромонах Сим «Тогутинский» (†1965), иеромонах Сергей (Гумилевский, †1965), иерей Петр Винокуров (†1960-е), иеромонах Питирим «Глинский» (†1968), иерей Алексей Козяев (†1968), иеромонах Симеон «Абхазский» (†1970-е), иеромонах Пимен (Вахрушев, †1971), иерей Владимир Веселовский (†1974), иерей Филипп Аникин (†1974), протоиерей Никита Игнатъев (†1974), иеромонах Тимофей (Несговоров, †1975), схииеромонах Никодим (Конюхов, †1975), иеромонах Тихон (Зорин, †1976), иеромонах Александр (Орлов, †1977), отец Михаил «Уфимский» (†1970-е), иерей Филипп Сычев (†1978), иерей Андрей Хрисанов (†1978), иеромонах Герасим (Замесин, †кон.1970-х), иеромонах Антоний «Причелесский» (†сер.1970-х), иеромонах Феоктист (Привалов, †1978), иерей Александр Бакалинский (†1984), иеромонах Пахомий (Петин, †1985), иерей Григорий Сокрута (†1993), иеромонах Гурий (Павлов, †1995), иером. Гавриил (Зинченко, †2009) и многие другие. По словам архи-

епископа Лазаря (Журбенко), в 1960-е – 1970-е гг. в СССР нелегально служило более 40 катакомбных священников ИПЦ старой, «тихоновской» преемственности.⁴⁴¹ К сожалению, как видно по датам смерти, большинство из них к середине – концу 1970-х гг. скончались, так что уже к началу 1980-х гг. в живых оставалось не более десятка катакомбных пастырей старой «тихоновско-иосифлянкой» преемственности.

Эти пастыри «тихоновской» Катакомбной Церкви, оставшиеся после кончины схиепископа Петра (Ладыгина, †1957) без канонического епископского окормления, помимо установления поминовения Первоиерархов РПЦЗ, постоянно предпринимали попытки разыскать подлинного православного архиерея в СССР. Однако вместо таковых постоянно сталкивались либо с канонически сомнительными иерархами, либо с откровенными авантюристами, самозванцами или провокаторами. По всей видимости, после схиепископа Петра из действующих канонических епископов ИПЦ к тому времени уже никого не осталось в живых, иначе такового обязательно бы нашелся. Были, правда, как стало сейчас известно, старые епископы: Варнава (Беляев, †1963), Димитрий (Локотко, †нач.1970-х) и Николай (Муравьев-Уральский, †1961), но все они после ссылки самоустраились от какой-либо церковной деятельности, так что об их существовании в других общинах ИПЦ тогда практически никто не знал. Так, например, епископ Николай (Муравьев-Уральский) и вовсе числился на покое в МП. Выйдя на свободу в 1956 г., он больше не служил, устроившись на работу по своей светской специальности врачом-отоларингологом в больницу Углича. В этом городе он и скончался 30 марта 1961 г. Те же из епископов, что объявлялись в 1950–1960 гг. в «катакомбах», очень быстро были изобличены в авантюризме и самозванстве. Так катакомбное «тихоновское» духовенство старого поставления не признало канонически сомнительного архиепископа Феодосия (Бахметьева, †1985), ведшего свою преемственность не то от автокефалистов, не то от обновленцев. Не признало оно в большинстве своем и самозванного архиепископа Серафима (Поздеева, †1972), а также рукоположенных им епископов Алфея Барнаульского (†1985) и Геннадия (Секача, †1987)⁴⁴², создавших в 1970-е гг. собственные неканонические течения «патриархийных ка-

такомб» (более подробно см. в дополнительных пояснениях в конце работы). [VI]

Вот как описывает этот период на основе воспоминаний катакомбников Л. Е. Сикорская:

*«В 1970-е гг. в катакомбах появился целый ряд новых епископов, возглавляемых митрополитом Геннадием (Секачем), бывшим клириком Московской патриархии. Однако их хиротонии, как и получение хиротонии самим Геннадием от некоего Серафима (Поздеева), вызывали немало сомнений у всех катакомбников. Личная встреча отца Гурия (Павлова) с Геннадием (Секачем) не только не рассеяла эти сомнения, но, напротив, убедила отца Гурия в полной несостоятельности «архиерейства» Геннадия, и в дальнейшем отец Гурий о нем серьезно не отзывался».*⁴⁴³

Подозрения катакомбников относительно самозванчества Серафима Поздеева и происходящих от него ветвей «алфеевцев» и «секачевцев» подтвердились уже в наше время, когда открылся доступ ко многим архивам. В 2000 г. Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН были обнародованы архивные материалы из следственного дела Поздеева, где он сам признавался в самозванчестве и мошенничестве.⁴⁴⁴

Сложнее дело обстояло с появившимся в катакомбной среде в 1950-е гг. архиепископом Антонием (Гольнским-Михайловским, †1976), преемственность которого у многих катакомбников тоже вызывала сомнение. Биография этого иерарха и по сей день полна «белыми пятнами». [VII]

По одной из версий, архиеп. Антоний был «григорианско-го» поставления. Однако на суде в 1951 г. он отрицал наличие у него рукоположения, заявив, что самозванно выступал в качестве епископа под чужими именем и документами. В феврале 1950 г. за участие в «антисоветской церковной организации «ИПЦ»» он был арестован УМГБ в Саратовской области.⁴⁴⁵ По этому делу в регионе тогда было арестовано 120 человек. Многие катакомбники, арестованные по делу архиепископа Антония и оказавшиеся свидетелями его признания в самозванстве, были глубоко разочарованы и перестали доверять ему. Поэтому, когда архиепископ Антоний в 1956 г. вышел из заключения, в большинстве катакомбных общин ИПЦ его отказались признавать как законного архи-

ерея. Одним из первых, как уже отмечалось, с ним прервал общение лидер катакомбников Воронежчины иеромонах Иларион (Андреевский). Его примеру последовали иерей Михаил Рождественский, иерей Никита Лехан, схииеромонах Никодим (Конюхов), иеромонах Феодор (Рафанович) и многие другие. Отдельно державшийся иеромонах Гурий (Павлов) из Чувашии тоже отказался признавать Антония: «После выхода из лагеря отец Гурий узнал о некоем катакомбном епископе Антонии (Гольнском)... Отец Гурий специально поехал к нему на встречу в Киев. Однако после долгой беседы он понял, что не может признать его каноническим епископом».⁴⁴⁶

К сожалению, вопрос о преемственности архиепископа Антония (Гольнского-Михайловского) на сегодняшний день так и не выяснен. Не исключено, что на суде он пытался скрыть свой сан и запутать следствие, потому и оговорил себя. Хотя доказать это из-за отсутствия более достоверных документов крайне сложно. Поэтому невозможно однозначно отрицать и то, что он действительно мог быть самозванцем, каковым оказался, например, завербованный НКВД лжеархиепископ Серафим Поздеев.⁴⁴⁷ Еще большую путаницу в это дело внесли изданные в последнее время в Московской патриархии воспоминания келейницы архиепископа Антония – игуменьи Антонии (Сухих), у которой он жил на квартире в пос. Буча под Киевом последние 15 лет его жизни и которая сопровождала его во всех поездках. Она утверждала, что архиепископ Антоний на самом деле принадлежал к МП и числился там на покое, а катакомбников окормлял, «чтобы они совсем не отпали от Церкви, наставлял их, чтобы шли в храмы».⁴⁴⁸

Об этом же свидетельствует и другая послушница архиепископа Антония – монахиня Серафима (Зражевская). Обе они живы и по сей день, а игуменья Антония ныне является настоятельницей патриархийного женского монастыря. Известны имена и других особо приближенных к архиепископу Антонию лиц, которые не только подтверждают подобные свидетельства, но и сами примкнули к МП, где и по сей день служат: протоиерей Иоанн Чиженок, игумен Михаил (Лаптеев), иеромонах Сергей (Акинтипов) и другие.⁴⁴⁹

5 сентября 2009 г., в день 120-летия со дня рождения архиепископа Антония, в актовом зале Киево-Печерской лавры по благословию предстоятеля УПЦ (МП) митрополита Владимира (Сабодана) была проведена богословская конференция, посвященная памяти архиеп. Антония (Голынского-Михайловского). В ней приняли участие епископы и священники УПЦ (МП), а по окончании конференции ее участники на лаврском автобусе поехали в Лесную Бучу под Киевом, где на местном кладбище похоронен архиепископ Антоний. Здесь епископ Иллариий Макаровский, председатель Синодального отдела УПЦ (МП) в сослужении духовенства отслужил панихиду по нем.⁴⁵⁰ По результатам конференции, под редакцией профессора Киевской духовной академии архим. Нестора (Соменок) и по благословию предстоятеля УПЦ (МП) митрополита Владимира (Сабодана), был издан сборник об архиепископе Антонии, в котором, в частности, отмечается:

*«20 июня 1956 г. архиепископ Антоний был освобожден из заключения по амнистии, его по состоянию здоровья активировала Высшая медицинская особая комиссия. Служить в храмах по болезни владыка Антоний не мог, здоровье у него было неважное. Относительно сведений о прохождении службы и прочего он писал непосредственно в Московскую Патриархию, а позже ездил в Москву лично. Патриарха Алексия, с которым он был знаком в молодости, в Москве не оказалось, он был в Одессе, на даче. Владыку принимал Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич, †1961). Вернувшись, Патриарх сожалел, что не встретился с владыкой Антонием, послал ему богослужебные книги и благословил, по его просьбе, служить в домашних условиях».*⁴⁵¹

Насколько достоверны вышеприведенные свидетельства, судить сложно, поскольку авторы сборника не ссылаются ни на один архивный документ. Не исключено, что авторы несколько преувеличивают, пытаясь преподнести архиепископа Антония как своего рода «единоверческого» архиерея РПЦ МП, будто бы по благословию патриарха Алексия внедрившегося в катакомбные общины ИПЦ, дабы таким образом воссоединить их с Московской патриархией. Как обстояло дело в действительности, еще предстоит выяснить в архивах КГБ и Московской патриархии. Однако многие

рукоположенные архиепископом Антонием катакомбные священники (а таковых было около 25) категорически отрицают его принадлежность к МП и опровергают подобную информацию. Более того, именно рукоположенные архиепископом Антонием 14 священников в 1977 г., после его смерти, следуя примеру других катакомбных священников «тихоновско-иосифлянкой» преемственности, нелегально передали в Архиерейский Синод РПЦЗ прошение о принятии их в молитвенное общение с РПЦЗ⁴⁵² [подробнее см. далее]. Если бы архиепископ Антоний действительно принадлежал к МП, то вряд ли бы он тайно рукополагал в священники столько сторонников ИПЦ, да и сами эти священники после его смерти перешли бы в МП, а не просились под омофор РПЦЗ.

Не исключено, что сразу по возвращении из заключения архиепископ Антоний действительно пытался соединиться с МП, однако позже вновь примкнул к ИПЦ и стал рукополагать для овдовевших катакомбных общин священников. На такую версию наталкивают свидетельства одного из ставленников Голынского – игумена Антония из Белоруссии, который автору этих строк в 1993 г. рассказывал, что в 60-е годы архиепископ Антоний на своих тайных богослужениях поминал какого-то владыку Иоанна, а с середины 1960-х гг. – первоиерарха РПЦЗ митрополита Филарета (Вознесенского, †1985). Поскольку архиепископ Антоний жил в пос. Буча под Киевом, а киевским митрополитом МП до 1964 г. был Иоанн (Соколов), то можно предположить, что упомянутый игуменом Антонием «владыка Иоанн» мог быть киевским митрополитом МП. И лишь после его удаления с киевской кафедры он окончательно порвал с МП и стал поминать первоиерарха РПЦЗ митрополита Филарета. Правда, и здесь не все так однозначно, поскольку с 1966 г. киевским митрополитом МП тоже был Филарет, только не Вознесенский, а Денисенко. Поэтому какого из Филаретов поминал Антоний (Голынский-Михайловский), понять трудно. Во всяком случае, игумена Антония и других катакомбных клириков он заверял, что поминает первоиерарха РПЦЗ.

Как бы там ни было, однако с именем архиепископа Антония (Голынского-Михайловского) были связаны серьезные разногласия в Катакомбной Церкви, происшедшие в 1950–

1970 гг. из-за противоречивости сведений о его биографии и хиротонии. Как уже отмечалось, хоть архиепископ Антоний и окормлял многих катакомбных истинно-православных христиан, большинство катакомбного духовенства старого поставления его не признавало. Многие катакомбные клирики отошли от архиепископа Антония в 1960-е гг., а некоторые из рукоположенных им даже прекратили служение. Одним из первых от архиепископа Антония отошел авторитетный на Донбассе катакомбный исповедник о. Михаил (Нечитайленко), у которого долгое время тот жил и служил на дому. Архиепископ Антоний не только рукоположил его в священный сан, но и выдвигал кандидатом во епископы ИПЦ, намереваясь единолично совершить его тайную хиротонию. Однако отец Михаил (Нечитайленко), усомнившись в каноничности архиепископа Антония, прервал с ним общение и даже сложил с себя сан (умер рядовым прихожанином Русской Истинно-Православной Церкви (РИПЦ)). Следом за о. Михаилом прекратили служение и сняли с себя сан другие авторитетные катакомбные исповедники о. Димитрий и о. Серафим, рукоположенные архиепископом Антонием. Среди прочих отошел от него после освобождения из концлагеря во второй половине 1950-х гг. и инок Феодосий (Журбенко).

Примечательно, что в пос. Ирпень под Киевом, где пятнадцать лет прожил архиеп. Антоний, в этот же период жили и тайно служили два авторитетных катакомбных священника – иеросхимонах Феодосий (Жиденко) и иерей Александр Бакалинский, которые также не признавали Антония (Голынского-Михайловского) и отказывались вступать с ним в общение.

Таким образом, архиепископ Антоний, видимо, искренне пытавшийся помогать овдовевшим катакомбным общинам, по причине неясности его биографии и епископской преемственности так и не был признан большинством катакомбного духовенства старого «тихоновско-иосифлянского» поставления. Фактически Антонием была создана отдельная ветвь (известная под названием «голынды»), которая после его кончины в 1976 г. постепенно распалась. Некоторые из клириков ушли в МП, а большая часть, следуя примеру других катакомбников, не признававших архиепископа Ан-

тония, обратилась под омофор РПЦЗ. Прощение в Синод РПЦЗ подписали 14 рукоположенных архиепископом Антонием священников: иеромонах Михаил, иеромонах Нафанаил, иеромонах Рафаил, иеромонах Николай, иеромонах Сергей, иеромонах Николай, игумен Николай, иеромонах Епифаний, иеромонах Варсонофий, иеромонах Михаил, иеромонах Василий, иеромонах Прохор, иерей Алексей, игумен Антоний. В ответной резолюции Архиерейского Синода РПЦЗ от 7 декабря 1977 года указывалось:

*«Доверяя свидетельству четырнадцати священников о том, что покойный их возглавитель Антоний (Галынский) был правильно рукоположенным Епископом, тайно от гражданских властей проходящим свое служение, – принять их в молитвенное общение, уведомив их, что они могут совершать все священнодействия, какие по Церковным правилам могут совершать иереи, а также предоставляя монашествующим клирикам право совершать пострижения в монашество. О чем уведомить их в том же порядке, в каком были получены их обращения».*⁴⁵³

Таким образом «голынцы» попытались урегулировать свое каноническое положение и восстановить общение с катакомбными священниками старой преемственности, которые еще с 1960-х гг. вступили в общение с РПЦЗ. Правда, не все пребывавшие до этого в общении с РПЦЗ катакомбники признали такое решение зарубежного Синода. Поэтому уже 18 мая 1990 г. Архиерейский Синод РПЦЗ вынужден был отменить это определение, постановив:

*«В настоящее время, при наличии новых данных, Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей не может вполне признавать Антония (Голынского-Михайловского) канонично поставленным Епископом... В связи с вновь открывшимися обстоятельствами, епископская хиротония Антония (Голынского-Михайловского) является весьма сомнительной, тем более, что никаких письменных данных, подтверждающих каноничность рукоположения, нет».*⁴⁵⁴

В соответствии с определением Синода РПЦЗ, уже в 90-е годы над некоторыми катакомбными священниками «голынского поставления» были совершены дополнительные хиротессии с целью исправления ранее совершенных хиротоний. Некоторые из них и по сей день служат под омофором РИПЦ.

Кроме того, иеромонахи Епифаний (Каминский) и Варсонофий (Яковлев, †1995) в конце 1970-х гг. перешли к «секачевцам», где стали архиереями, а иерей Валентин Аристов в начале 1990-х гг. перешел в РПАЦ (с 1999 г. епископ Антоний, †2009).

Отсутствие канонического епископа осознавалось большинством последователей ИПЦ как серьезнейшая угроза для Церкви. В этой ситуации некоторые катакомбники соглашались примкнуть даже к сомнительным епископам, лишь бы пребывать под архиерейским омофором. Однако большинство катакомбников продолжали искать канонических епископов, так и не признав появившихся в тот период самозванных «архиереев» Серафима Поздеева, Геннадия Секача, Феодосия Гуменникова, Алфея Барнаульского и других. Как вспоминала воронежская катакомбная схиигуменья Макария (Чеботарева, +2004), представители от катакомбных общин ИПЦ после смерти иеромонаха Иллариона (Андриевского), выполняя его предсмертное завещание, настойчиво пытались разыскать уцелевшего канонического истинно-православного епископа, однако вместо такового «попадали на неканонических, сомнительных и самозванцев...».⁴⁵⁵

По словам схиигуменьи Макарии, ездили они и к епископу Феодосию (Бахметьеву, †1985), когда тот работал сторожем в г. Красноярске, но в итоге не признали его. Епископская преемственность его так и не была подтверждена, а сам он в разное время и разным лицам преподносил разные версии своей хиротонии. Судя по всему, свою преемственность он вел не то от автокефалистов, не то от обновленцев, в связи с чем в ИПЦ его не признали. Вот как об этом вспоминала схиигуменья Макария: *«Помня благословение о. Иллариона, стали искать православного епископа. Прослышали про такого Феодосия, живущего в Красноярске, работающего сторожем. Добрались до него, расспросили, выдал себя за Киево-Печерского Феодосия. Навели справки, оказался он ложным. И связь с ним была прекращена...»*.⁴⁵⁶ [VIII]

Сегодня тем, кто не принадлежал к Катакомбной Церкви в годы советских репрессий, не жил тайной церковной жизнью, сложно понять причины очень строгого отношения подлинных катакомбных истинно-православных христиан к вопросу апостольской преемственности и непризнания

появившихся в 1970-е гг. новоявленных псевдокатакомбных иерархий и групп, таких как «секачевцы», «алфеевцы» и другие. В начале XXI в., когда о коммунистических репрессиях новое поколение уже судит лишь по учебникам и воспоминаниям, этот вопрос может показаться и вовсе «малозначимым», в связи с чем многие с легкостью осуждают тех катакомбных пастырей и верующих, кто не шел на сближение с «секачевцами» и другими самозванцами, не без содействия спецслужб приобретшими к концу 1970-х – началу 1980-х гг. даже внешнее подобие «организованной» структуры Катакомбной Церкви в СССР.⁴⁵⁷

Чтобы лучше понять атмосферу, царившую в те годы, приведем характерный пример из жизни одного из катакомбных подвижников – иосифлянина о. Тихона (Зорина, †1975) из Новгородской области, описанный его духовным сыном А. П. Соловьевым (1910–1998):

«Батюшку Тихона посадили в камеру-одиночку. Вскоре будто еще арестованного вводят. Тот представляется епископом Феодосием, конечно, за иосифлянина себя выдает. И добавляет: меня дня через два-три отпустят, так что и кому передать. И отец Тихон, не чувствуя никакого подвоха, дает ему все адреса, посылает к самым верным людям, пишет записку, чтоб ни в чем не отказывали, а доверялись бы как ему, о. Тихону... Конечно, это была катастрофа. Иуду-то скоро распознали, но урон был большой.

Отец Тихон, как освободился, свою ошибку очень тяжело переживал. Ездил на юг к иосифлянскому епископу Петру на покаяние...».⁴⁵⁸

В 1960-е – 1970-е гг. факты появления в среде Катакомбной Церкви самозванных «епископов» приобретали частый характер. По всей видимости, это была спланированная кампания советских репрессивных спецслужб, пытавшихся при помощи подосланных самозванцев-провокаторов окончательно уничтожить и разложить изнутри подпольную ИПЦ. По этой причине, как уже отмечалось, уцелевшие ее нелегальные общины и духовенство «тихоновско-иосифлянской» преемственности более чем настороженно относились к «епископам», не имевшим преемственности от старых канонических архиереев или документов, подтверждающих их поставление (33 Апостольское Правило).

Дабы не допустить вырождения ИПЦ в самосвятство, катакомбным духовенством предпринимались попытки убедить перейти в ИПЦ опальных епископов из официальной церкви, сочувствовавших катакомбникам. Однако они не увенчались успехом.

Так в середине 1960-х гг. к опальному архиепископу МП Гермогену (Голубеву), сосланному по указке московского патриарха «на покой» в Жировицкий монастырь в Белоруссии, по рекомендации архиепископа Леонтия (Филлиповича) Чилийского ездил на переговоры от катакомбного духовенства инок Феодосий (Журбенко). На это его благословил о. Михаил Рождественский, сказав: «Поезжай, а может, он и перейдет к нам». Доброжелательно приняв делегата от катакомбников, архиепископ Гермоген так охарактеризовал положение «официальной церкви»: «Нас загнали в болото, окружили колючей проволокой, и теперь из болота пьют гнилую воду...» Когда инок Феодосий предложил ему вновь возвратиться в Катакомбную Церковь и возглавить ее, он ответил, что находится под строгим надзором КГБ: «Я не иглока, меня найдут, и вас всех найдут...». ⁴⁵⁹

Поскольку канонических епископов «тихоновско-иосифлянской» преемственности разыскать так и не удалось, а в самой Катакомбной Церкви к середине 1960-х гг. число старого духовенства стало заметно сокращаться (старые батюшки умирали, а новых ставить было некому), потаенные общины ИПЦ во многих регионах страны оказывались вообще без пастырского окормления, на положении т.н. «акефалии». Истинно-православные христиане (ИПХ) во многих местах умирали без исповеди и причастия, похороны совершались без священнического отпевания, дети оставались некрещеными (миряне сами троекратно погружали, но без миропомазания). Не зная, где после смерти настоятеля искать катакомбных пастырей, миряне вынуждены были вычитывать церковные чинопоследования «мирским чином». Как вспоминала воронежская катакомбная схиигуменья Макария (Чеботарева): «Было время, когда не было на воле ни одного священника, так что по несколько лет и совсем не причащались, молились сами по уголкам». ⁴⁶⁰

Советские исследователи, опираясь на результаты религиозно-социологических экспедиций Института ис-

тории АН СССР, отмечали резкое сокращение численности последователей ИПЦ в этот период. Так, А. И. Клибанов утверждал, что в 1950-е гг. только в Центрально-Черноземном районе России, по приблизительным подсчетам, насчитывалось более 3 тысяч последователей ИПЦ, а саму ИПЦ называет «третьей крупнейшей религией в регионе». ⁴⁶¹ При этом он отмечал, что «молодежь составляла весьма деятельную организаторскую и проповедническую силу истинно-православных христиан в Тамбовской, Липецкой, Рязанской и Воронежской областях». ⁴⁶² Но уже к концу 1960-х – началу 1970-х гг. численность последователей ИПЦ в регионе, отмечает все тот же Клибанов, значительно сократилась и составляла уже около 1,5 тысяч. ⁴⁶³ Конечно, таким данным советских исследователей безоговорочно доверять нельзя. Однако в общих чертах тенденция отражена верно. Действительно, в 1970-е гг. численность последователей ИПЦ резко сократилась. Это видно на одном только примере Воронежа. Катакомбная игуменья РИПЦ Миропия (Нужная) – келейница воронежской старицы схиигумении Макарии (Чеботаревой) подтверждает, что «когда был о. Иларион (Андриевский, †1961) – у нас было несколько тысяч прихожан...». ⁴⁶⁴

Другой советский исследователь А. И. Демьянов, сам происходивший из семьи катакомбных истинно-православных христиан, но потом отпавший от веры, сообщает, что если с конца 1940-х до начала 1960-х гг. от 40 % до 60 % в ИПЦ составляли люди до 30 лет, принимавшие наиболее активное участие в жизни Церкви, то к началу 1970-х гг. сохранившиеся нелегальные общины на 70 % состояли из пожилых людей свыше 50 лет. ⁴⁶⁵ Аналогичные данные, только на примере Черниговщины, в 1978 г. приводит С. Мащенко. По его словам, «произошло резкое количественное сокращение истинно-православных христиан. На Черниговщине их теперь в четыре раза меньше. Во-вторых, исчезли религиозные общины. Отдельные верующие молятся дома... Резко изменился состав верующих ИПХ. Если в 1954 г. среди них было 29 % лиц в возрасте от 16 до 30 лет, то теперь людей до 30 лет меньше 1 %. Таким образом, произошло резкое падение воспроизводства идеологии истинно-православных в молодом поколении». ⁴⁶⁶

Такой резкий контраст между 1950-ми и 1970-ми гг., сокращение численности верных ИПЦ-ИПХ были обусловле-

ны в первую очередь усилением гонений и жесточайшими репрессиями против них. Кроме того, вынужденный уход в подполье, усиление конспирации и самоизоляция уже сами по себе ограничивали возможность притока новых сил и в частности молодежи. Не меньшее значение имели «обезглавливание» катакомбных общин в результате репрессий, уход из жизни старого поколения «тихоновского» духовенства и отсутствие его воспреемников. В таких условиях общины фактически были обречены на сокращение численности, замкнутость и ограничение до числа лишь наиболее активных и преданных старых прихожан.⁴⁶⁷

Среди негативных последствий такого положения также стоит отметить, что в этой ситуации многие верующие, не доверяя «чужим» священникам или не зная об их тайном местопребывании, вынуждены были замыкаться на жизни своих немногочисленных уцелевших групп и переходить на «акефальное» (беспоповское) положение, совершая богослужения «мирским чином». При долгом (десятилетиями) отсутствии связей с другими катакомбными общинами и священниками в некоторых из таких общин (как правило состоящих из малограмотных крестьян) могли возникнуть собственные поверия и предания эсхатологическо-апокалиптического характера, вылившиеся в полную самоизоляцию и отказ от сближения с другими катакомбными общинами, отказ от священства и таинств. Однако подобные случаи, хоть и имели место (особенно в сельской местности), все же не носили системного характера. В большинстве случаев катакомбные общины ИПЦ при первой же возможности восстанавливали общение с такими же катакомбными общинами и их священниками.

В качестве примера приведем воспоминания одной из подвижниц ИПЦ, воронежской катакомбной схиигумении Макарии (Чеботаревой, †2004). Рассказывая, как руководимые ею катакомбные общины вынуждены были долгое время скрываться, оставляя без священников, она вспоминала: «Все эти лютые годы мы жили в постоянном страхе, за нами всеми строго следили, и если появится какой православный священник, мы его оберегали, ходили на молитву и по церковным делам только ночью, носили исповеди и причащались святых Тайн. Их по благословению священ-

ника сами монахини передавали верующим. А было время, когда не было на воле ни одного священника, так что по нескольку лет и совсем не причащались, молились сами по уголкам». ⁴⁶⁸

О том периоде и длительном пребывании без священнического окормления сохранились также воспоминания каткомбного архиепископа Лазаря (Журбенко).

«Жизнь каткомбников, – вспоминал архиепископ Лазарь, – была очень тяжелая, и самое трудное – отсутствие Причастия. Я, конечно, приобщался у своих священников – когда через 3 года, когда раз в год, когда чаще. Не принимать Христа – очень мучительно – делаешься как бы сам не свой... Помню, я уже священником стал и один раз, когда был в каткомбах, целый год Божественную литургию не служил. Возможности отслужить обедню не было, отъехать никуда тоже нельзя было. Так я так метался, что чуть с ума не сошел. А когда отслужил, прямо как гора с меня свалилась.

А ведь у нас люди не причащались и по 20, и по 30, и по 40 лет, и все по одной причине: не было наших священников. Были такие места, например, город Николаев на Украине: одного батюшку арестовали, другой умер, так они и остались. Конечно, искали священника, ведь не беспоповцы, священство не отвергали. Подумать только, такую чистоту блюли, это просто исповедники, мученики. Часы вычитывали, утреню, вечерню, обедницу правили, но без исповеди, без Святой Чаши. Каялись, конечно, молились, плакали – и все, к сергианцам не шли. Говорили: «Я что у милиционера, что у красного попа буду исповедоваться...»

...Мы по всей стране знали, где какая община есть, и где в данный момент можно найти нашего священника тоже примерно знали. Напишем свои исповеди, запечатаем в один конверт, и эта монахиня везет через всю страну к батюшке. Священник назначает день, когда все, кто писал исповеди, должны стоять на коленях, читать правило. Священник каждый из привезенных листочков прочитывал дома, в назначенный час читал общую исповедь и давал всем разрешительную молитву. А мы в разных городах в этот момент на коленях стояли и просили Господа о прощении своих грехов. А затем причащались запасными Дарами. Клали святыню на

*Евангелие, открытое на словах Спасителя: Примите, ядите; сие есть Тело Мое (Ин. 26, 26). Брала бумажку чистенькую, выкладывали на нее Дары, но не руками, а лжицей или просто аккуратненько высыпали, и каждый, кто готовился и постился, подходил и брал Святую Снедь устами, как в древнехристианские времена. Пустынножители в Египте тоже так причащались. Нельзя было священнику приехать и приобщить, а все равно Православие блюли».*⁴⁶⁹

Из этих воспоминаний видно, что «беспоповское» положение большинства ИПХ было вынужденное, обусловленное гонениями и трудностями катакомбного существования. Конечно, при поверхностном понимании сути этого явления, у следователей НКВД-КГБ, а также у работников отделов по делам религий складывалось впечатление, что ИПХ выродились в «беспоповские» и не взаимосвязанные между собой «секты». Но именно такое ошибочное впечатление, умышленно производимое на работников спецслужб, устраивало ИПХ. Внешнее отсутствие связей между катакомбными общинами не позволяло КГБ инкриминировать обвинения в создании «организованных антисоветских подпольных организаций», а значит – давало шанс избежать тюремного заключения. Поэтому катакомбники очень часто на допросах сами рисовали такую картину, дабы ввести в заблуждение следователя и тем самым не выдать катакомбных священников и другие катакомбные общины. Это же ошибочное впечатление позже, под воздействием указанных стереотипов, перекочевало и в советскую атеистически-религиоведческую литературу, а позже и в работы современных исследователей, не знакомых с реальной жизнью и бытом Катакомбной Церкви в СССР.

Поэтому приходится признать ошибочными и недостоверными утверждения ряда исследователей, что ИПЦ после 1950-х гг. окончательно «прекратила свое существование», а оставшиеся катакомбные общины выродились в «сектантство», представляя собой «деградированные церковные практики», «одичание» и «мутацию церковной жизни», а их «эсхатологическое сознание, переходя в крайности, неизбежно приобретало маргинальные формы».⁴⁷⁰

Подобные утверждения по отношению ко всем общинам ИПЦ не только не соответствуют действительности, но и

антинаучны, являются скорее наследованием советских политико-идеогических ярлыков и клише.

Возвращаясь к положению ИПЦ в 1950-е – 1970-е гг., следует отметить, что немалое влияние на имевшее место сокращение ее численности, помимо постоянных репрессий, имела и атеистическая «обработка» (вплоть до коллективно-го высмеивания, презрения, запугивания и даже избиения) детей верующих в школах и институтах, в пионерских и комсомольских ячейках и т.п. В результате такой целенаправленной работы молодежь нередко поддавалась школьному атеистическому перевоспитанию, начинала стыдиться веры своих родителей и даже отпадала от Церкви.⁴⁷¹ Эта проблема была характерна как для официальной Церкви, так и для каткомбной. Как отмечал по этому поводу в 1978 г. С. Мащенко, «важную роль в отрыве от религии детей ИПХ сыграли учительские коллективы школ, которые под руководством партийных организаций вели и продолжают вести постоянную работу с верующими... Благодаря кропотливой, постоянной атеистической работе абсолютное большинство советских людей порвали с религией».⁴⁷²

Сохранились воспоминания, как сельская молодежь, после комсомольских собраний в школе или клубе, коллективно ходила по домам верующих ИПХ и устраивала погромы – били камнями стекла в окнах, врываются в жилища, срывали со стен иконы, выбрасывали имущество, обкапывали входы во двор и т.п.⁴⁷³

Такой массовый психологический и физический террор нередко способствовал тому, что многие дети истинно-православных христиан отпадали от веры и даже отрекались от своих родителей. Так семья (жена и дочь) катакомбного священника о. Никиты Лехана, после его ареста, из страха перед репрессиями отрекалась от него, отказавшись с ним общаться даже после освобождения. Как вспоминали его прихожане:

«После заключения о. Никита приехал в село Овсюки, где начинал свой священнический путь. Когда он приехал к себе домой, оказалось, что жена его вскоре после его ареста вышла замуж за другого, дом отдали под школу, и таким образом батюшка остался без семьи и крова. Была у батюшки и дочь Галина. Она училась в Днепропетровске в институте. Поехал он к ней в надежде, что хотя бы дочь порадует отца.

А дочь сказала: «Пусть это свидание будет последним. Мне стыдно перед учителями и студентами, что у меня отец священник... Да ещё в таком обшарпанном виде...» Рухнула последняя надежда – дочь отказалась от отца! Что делать? Куда идти?... Он долго скитался, как странник, пока наконец не попал в Харьков... Батюшка всё же за свою дочь переживал. Один раз он, стараясь обратить её к вере, написал целую апологетическую тетрадь для неё. Он писал о том, что многие знаменитые люди в истории человечества верили в Бога, и приводил различные примеры. Александра Петровна Ш. (ныне – катакомбная монахиня Елисея – прим. авт.) отвезла эту тетрадь дочери о. Никиты, но та, когда прочитала, то очень рассердилась и сказала, что если бы отец был тут, то мать опять бы его посадила в тюрьму». ⁴⁷⁴ Позже, чтобы повидать свою родную дочь, о. Никите приходилось приезжать тайком в город и издалека, из-за угла дома смотреть на нее... Видеться с ним она отказывалась.

Подобные случаи в годы «господствующего атеизма» и гонений на веру были довольно распространенными. Это сильно сказывалось на численности последователей ИПЦ-ИПХ, особенно среди молодежи.

Кроме того, сказывалось также влияние брежневской политики, направленной на фактическое разорение села, в результате чего сельская молодежь массово пыталась избавиться от колхозного рабства и переезжала в города. Это также влияло на уменьшение паствы ИПЦ, основная часть которой в послевоенный период сохранялась именно в сельской местности.

В этой связи советские статистические данные о сокращении в рассматриваемый период численности последователей ИПЦ-ИПХ в общих чертах соответствуют реальному положению дел. В то же время ошибочным было бы целиком доверять им. Все эти публикации грешили приувеличениями и приукрашиваниями, поскольку писались с одной лишь целью – отчитаться перед партийным начальством о «выполненных планах пятилетки», получить очередные награды, премии и продвижение по карьерной лестнице.

В то же время даже в таких отчетах прослеживается условность и небезоговорочность достигнутых коммуни-

стическим режимом «побед». Так, все тот же С. Мащенко в 1978 г. констатировал:

*«Ослабление религиозной веры у значительной части истинно-православных христиан, изменения в их психологии и деятельности огромны. Однако это совсем не означает, что среди них нет уже фанатиков, которые проповедуют эсхатологические взгляды, людей с довольно глубокими мистическими настроениями и суеверием... Не следует забывать, что последователи этого вероучения еще остались, что отдельные фанатики не хотят мириться с социалистической действительностью... Усиление индивидуальной работы с такими верующими – важная задача пропагандистов атеизма. Но ее не следует сводить лишь к беседам с верующими. Важно прежде всего привлекать их к общественно-полезному труду (не в тюремно-исправительных ли колониях? – прим. авт.), постоянно повышать их политический, общеобразовательный и культурный уровень. Лекторы, агитаторы должны при этом опираться на активную помощь партийной, комсомольской, профсоюзной организаций, всей общественности».*⁴⁷⁵

Подобные публичные призывы со страниц советской прессы свидетельствуют не только о том, что по состоянию на 1978 г. советской власти не удалось окончательно ликвидировать подпольные общины ИПЦ-ИПХ, но они отображают также наличие серьезной обеспокоенности со стороны представителей режима продолжением деятельности Катакомбной Церкви в СССР. Иначе бы они не решились на весь мир писать об этом. И следует признать, что их обеспокоенность не была безосновательной. Последователи ИПЦ-ИПХ, несмотря на массовый ее разгром советскими органами госбезопасности, не только не собирались прекращать свою деятельность, но и активно предпринимали меры как по восстановлению подпольной церковной организации, так и установлению связей с антисоветски настроенной церковной эмиграцией за рубежом.

9. Тайная связь между Катакомбной Церковью и РПЦЗ

Говоря о существовавших тайных связях между ИПЦ в СССР и Русской Зарубежной Церковью, проф. И. М. Андреев (Андриевский) в 1969 году писал: *«Тайная, Катакомбная Церковь признаёт Русскую Зарубежную Церковь своей родной сестрой и благословляет всем русским православным церковным людям за рубежом входить в лоно только этой Церкви... Вся Катакомбная Церковь и большинство православных русских людей, ходящих (страха ради иудейска или по недостаточной канонической сознательности) в советские церкви, поминают в своих молитвах митрополита Анастасия, считая его Первоиерархом всей Русской Православной Церкви»*.⁴⁷⁶

В ситуации, когда в результате репрессий Катакомбная Церковь в СССР осталась без единого епископа, уцелевшее катакомбное духовенство ИПЦ стало пытаться наладить связи с РПЦЗ, стараясь таким образом выйти из возникшего канонического кризиса. При этом стоит обратить внимание, что катакомбное духовенство ИПЦ, исповедуя себя истинной Русской Церковью, искало братского общения не просто с какой угодно иной поместной Церковью, а именно с РПЦЗ, осознавая с ней свое духовное и идейное единство. По этой причине катакомбные исповедники в советское время не обращались за рукоположениями даже к греческим или румынским старостильникам, хотя с последними, как с представителями соцлагеря, было намного легче и безопаснее наладить отношения, чем с русской «белогвардейской» эмиграцией за «железным занавесом». Как писал по этому поводу русский эмигрантский писатель Н. Л. Казанцев, *«Ни один из Новомучеников и Исповедников Российских никогда не становился под чужой омофор в Греции, Иерусалиме, Болгарии или Румынии. Все они оставались в Русской Катакомбной Церкви и самоотверженно несли "подвиг русскости" (по выражению архимандрита Константина Зайцева). Они и не помышляли о разрыве с мистическим телом Русской Церкви и присоединении к чужой Поместной Церкви. Именно по этой причине Русская Катакомбная Церковь всегда осозна-*

*вала свое духовное единство с Русской Зарубежной Церковью, поминая её Первоиерархов».*⁴⁷⁷

О деятельности РПЦЗ, ее Синода и иерархов, об их позиции и солидарности с гонимой Катакомбной Церковью в СССР катакомбные истинно-православные пастыри и верующие знали благодаря радиотрансляции «западных волн». На русскоязычных программах радио «Голос Америки», «ВВС», «Радио Свобода», «Свободная Европа», «Радио Канады» и т.п. священнослужители и прихожане РПЦЗ вели специальные репортажи о жизни Русской Зарубежной Церкви, о гонениях на веру в СССР, транслировались богослужения и проповеди. Несмотря на попытки КГБ глушить «мутные волны», верующие придумывали способы, как их обойти. Каждую ночь они через радиотранзисторы на коротких волнах пытались ловить «свободные голоса». В те годы это был единственный глоток свободы и источник правдивой информации в СССР. Как вспоминает А. Белгородская: «В самых глухих поселениях некоторые катакомбники, зачастую не имея и света, имели транзисторные радиоприемники. Промышленных помех не было и, несмотря на мощные глушительные станции, которые заглушали передачи Запада на русском языке, удавалось все же услышать и о. Виктора Потапова, и другие религиозные передачи... Из них-то и узнавали о деятельности Синода и Первоиерарха (РПЦЗ), сначала те, кто слушали, а потом, через них, и все катакомбные христиане со своими батюшками».⁴⁷⁸

Однако такая связь с РПЦЗ была односторонней. Поэтому со времени «хрущевской оттепели» катакомбники неоднократно предпринимали попытки наладить прямые контакты с РПЦЗ. Удалось это в 1962 г., когда посредством зашифрованной переписки катакомбниками было установлено общение с архиепископом РПЦЗ Леонтием (Филлиповичем, †1971) Чилийским, через которого в дальнейшем и осуществлялось духовное руководство и общение ИПЦ с Русской Зарубежной Церковью.⁴⁷⁹ Архиепископ Леонтий был духовным сыном катакомбного схиархиепископа Антония (кн. Абашидзе, †1942), в 1930-е гг. катакомбно служил в Житомире, а в годы войны эмигрировал за границу и примкнул к РПЦЗ, поэтому нужды Катакомбной Церкви он хорошо знал и понимал.

Установил и долгое время осуществлял такую связь с архиепископом Леонтием в начале 1960-х гг. духовный сын и постриженник катакомбного старца схииеромонаха Феодосия (Кашина, †1948) Кавказского – катакомбный исповедник инок Феодосий Журбенко (будущий катакомбный архиепископ Лазарь, Председатель Синода РИПЦ), прошедший пять лет в сталинских концлагерях «за принадлежность к ИПЦ». ⁴⁸⁰

Связь с архиепископом Леонтием Чилийским инок Феодосий поддерживал через афонского архимандрита Евгения (Жукова, †1972), служившего до революции священником в станице Кавказской. Его сподвижником был тогда будущий духовный отец Ф. Журбенко – старец-схииеромонах Феодосий (Кашин), проживавший неподалеку, в Темных Буках. Он часто приезжал к о. Евгению, и они служили вместе, общались Христовых Таин. В 1930 г. о. Евгений примкнул к «иосифлянам» и был назначен благочинным ИПЦ на Кубани. В 1933 г. он был арестован, однако как гражданин Греции в 1936 г. был депортирован в Грецию. ⁴⁸¹

Как свидетельствовал архиепископ Лазарь (Ф. Журбенко), в 1933 году архимандрита Евгения арестовали и осудили на 10 лет с отбыванием срока в Мариинских лагерях, где тот пробыл три года. В это время правительство Греции меняло греческих коммунистов на греческих граждан, арестованных в Советской России. Воспользовавшись своим греческим гражданством, о. Евгений подал ходатайство и был советскими властями передан греческой стороне в обмен на арестованных в Греции коммунистов, после чего вернулся на Афон. ⁴⁸²

В 1962 году архимандрит Евгений прислал письмо на адрес своей бывшей прихожанки в станицу Кавказскую на Кубани, где в это время общиной катакомбников руководил инок Феодосий (Журбенко). Так и завязалась между Ф. Журбенко и о. Евгением десятилетняя переписка. Именно афонский архимандрит Евгений (Жуков) выступил в роли посредника в общении между ИПЦ в СССР и Русской Зарубежной Церковью. ⁴⁸³

Как вспоминал архиепископ Лазарь: «У нас был шифр в письмах, мы не могли писать открыто. Батюшка или Владыка условно обозначались словами «бабушка», «тетя Нюра».

Обычно старухи помогали, к ним меньше цеплялись. Выберем какую-нибудь благочестивую старушку-монахиню из какой-нибудь общины... Напишем свои исповеди, запечатаем в один конверт, и эта монахиня везет его через всю страну», чтобы, не навлекая подозрения, отправить по почте из другого региона.⁴⁸⁴

Установив через архимандрита Евгения посредством зашифрованной переписки связь с архиепископом РПЦЗ Леонтием (Филлиповичем, †1971), инок Феодосий, по благословию катакомбных старцев, рискуя собственной жизнью, стал исполнять опасное по тем временам послушание связного. Письма, как уже отмечалось, писались и посылались от имени разных старушек и из разных городов, чтобы на почте ничего не заподозрили и не сдали в милицию или КГБ. Благодаря наладившейся тайной регулярной связи с Русской Зарубежной Церковью, большинство катакомбного духовенства тихоновско-иосифлянкой преемственности повсеместно и окончательно установили обязательное поминовение на богослужениях Первоиерархов РПЦЗ, считая, что таким образом сохраняют каноническое единство с полнотой Православия.

Как отмечает А. В. Псарев, после установления переписки архиепископ Леонтий принял деятельное участие в жизни духовенства и паствы Катакомбной Церкви.⁴⁸⁵ Не имея возможности сам приехать в СССР, он тайно принял под свой омофор многих катакомбных священников, оставшихся после смерти схиэпископа Петра (Ладыгина, †1957) без канонических архиереев. В овдовевшей Катакомбной Церкви на Родине истинно-православные духовенство и верующие стали считать архиепископа Леонтия Чилийского своим кир-иерархом.⁴⁸⁶

Таким образом в 1960-е гг., благодаря стараниям будущего катакомбного архиепископа Лазаря, между овдовевшей катакомбной ИПЦ в СССР и Русской Зарубежной Церковью было установлено тайное духовное общение, а в ИПЦ – поминовение Первоиерархов РПЦЗ. Будучи сам принят под омофор архиепископа Леонтия Чилийского, инок Феодосий (Журбенко) переслал ему также Прошения об урегулировании канонического положения и приеме под его святительский омофор о. Амвросия (Капинуса, в схиме Анувий)

и о. Игнатия (Склярова) из Воронежа, о. Михаила Рождественского из Петрограда, о. Никиты Лехана из Харькова, о. Александра (Орлова) из Сибири, о. Виссариона (Маркова, в схиме Серафим) из Тамбова, иером. Тимофея (Несговорова), иером. Герасима (Замесина) и многих других катакомбных священников.⁴⁸⁷

Благодаря письмам владыки Леонтия находящиеся за железным занавесом верные чада Катакомбной Церкви узнавали о положении дел в Русской Зарубежной Церкви, о событиях тех лет, происходивших в православном мире. Катакомбные священнослужители обращались к нему с письменными просьбами принять исповедь и заочно разрешить от грехов и другими просьбами, которые никто, кроме архиерея, не мог исполнить. Запрашивали также сведения о некоторых русских архиереях и рукоположенных ими в России священниках. Так, находясь в Чили, за тысячи километров, архиепископ Леонтий продолжал «катакомбно» служить на Родине.⁴⁸⁸

По сути, с этого момента в ИПЦ прекращается период «безъепископства», поскольку один из архиереев РПЦЗ тайно принял на себя духовное попечение общинами Катакомбной Церкви.

Стоит также добавить, что введение в катакомбных общинах ИПЦ в 1960-е гг. поминовения на богослужениях имени архиепископа Леонтия Чилийского, а также старейшего русского канонического архиерея, главы РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского, †1965 г.) — как Первоиерарха, содействовало укреплению единства между общинами Катакомбной Церкви, а также регулировало их каноническое положение, выводя из вынужденной церковно-канонической самоизоляции.

Примечательно, что через архиепископа Леонтия было установлено незримое духовное единство Истинно-Православной Церкви в СССР и со старостильной Истинно-Православной Церковью Греции (ИПЦ Греции), тайные хиротонии епископов которой в мае 1962 года он совершил по просьбе Собора духовенства, монашествующих и мирян Греческой Церкви. Подобно тому, как в СССР в ИПЦ в результате гонений не осталось ни единого канонического епископа, так и в Греции в старостильной Церкви была утрачена иерархи-

ческая преемственность, восстановлению которой способствовал архиепископ Леонтий.⁴⁸⁹ Свои действия в письме к иноку Феодосию (Журбенко) владыка Леонтий пояснял так: «На Афоне лютый волк Афиногор загоняет всех своими реформами в ад...».⁴⁹⁰

Архиепископ Леонтий намеревался тайно посетить и СССР для совершения рукоположений в Катакомбной Церкви. Но, в отличие от Греции, легально пересечь границу СССР тогда было невозможно. Не имея возможности приехать в СССР, он дал письменное благословение прибегнуть к такой вынужденной практике, как принятие священства от не запятнавших себя экуменизмом и сотрудничеством с коммунистическими властями иерархов МП.

Как уже отмечалось, архиепископ Леонтий направлял инока Феодосия (Журбенко) на переговоры со своим бывшим келейником, опальным архиепископом Гермогеном (Голубевым), почисленным в 1960-е гг. в МП «на покой» и сосланным в Жировицкий монастырь под «домашний арест». По согласованию с о. Михаилом Рождественским и другими катакомбными священниками, Ф. Журбенко передал ему предложение перейти в ИПЦ и возглавить ее. Однако владыка Гермоген, добродетельно приняв делегата от катакомбников, вынужден был отказаться, поскольку находился под постоянным надзором и не имел права покидать Жировицкий монастырь.⁴⁹¹

После этого архиепископ Леонтий Чилийский прислал Ф. Журбенко рекомендательное письмо к своему бывшему келейнику, пережившему двенадцатилетнее заключение в сталинских концлагерях на Колыме, опальному епископу Вениамину (Новицкому) Иркутскому. В годы немецкой оккупации вл. Леонтий был на послушании у еп. Вениамина, являвшегося заместителем Почаевской Лавры, а в 1941 г. из его рук принимал посвящение во епископа.⁴⁹² Секретарем еп. Вениамина в годы войны был известный деятель ИПЦ игумен Иоанн (Селецкий). Он и после войны, хоть и перешел на нелегальное положение, оставался духовником еп. Вениамина, который каждый год ездил к нему в Тернопольскую область, вплоть до самой кончины игумена в 1971 году.⁴⁹³

Архиепископ Леонтий благословил Ф. Журбенко принять священническое рукоположение у архиепископа Вениамина, о чем письменно и попросил последнего. Такое благослове-

ние архиерея РПЦЗ было вызвано тем, что в Русской Зарубежной Церкви до провозглашения анафемы на экуменизм в 1983 г. на Московскую патриархию официально смотрели как на «плененную часть Российской Церкви». Из этих соображений архиепископ Леонтий и благословил вынужденное принятие сана от архиерея, не запятнавшего себя сотрудничеством с безбожниками и отсидевшего за веру 12 лет в сталинских концлагерях. При этом он направил не к первому встречному архиерею, а к своему бывшему келейнику, который хиротонисал его в годы войны во епископа и в котором он был уверен и доверял ему.

Многолетний келейник и секретарь архиепископа Леонтия еще со времен II Мировой войны архимандрит РПЦЗ о. Вениамин (Вознюк) по этому поводу вспоминал: *«Владыка Леонтий направил Феодора Иосифовича (Журбенко – прим. авт.) к Епископу Вениамину, потому что из канонических архиереев никого не осталось. Владыка Вениамин вынужден был служить в МП, но совершенно был против ее вероотступничества»*.⁴⁹⁴

Так при деятельном участии архиепископа Леонтия в 1971 году, когда большинство старых священников ИПЦ уже умерло, а окормлять осиротевшую катакомбную паству стало некому, для Катакомбной Церкви был тайно рукоположен во священника будущий архиепископ Лазарь, ставший позже Председателем Архиерейского Синода Русской Истинно-Православной Церкви.⁴⁹⁵

Такой шаг, как уже отмечалось, был предпринят вынужденно. Большая часть старых катакомбных священников ушла из жизни в 1960-е гг. К концу 1970-х гг. ситуация становилась крайне опасной: на всю страну в живых оставалось около 10 священников, рукополагать молодых было некому и негде. Если присоединиться к другому катакомбному священнику не удавалось, а путь «беспоповства» не устраивал, приходилось искать другие пути восстановления полноценной литургической жизни. В такой канонически экстремальной обстановке и было принято решение принимать священство в МП, с тем, чтобы потом снова возвращаться в ИПЦ и окормлять ее осиротевшую паству.

Подобные случаи в истории Православной Церкви имели место неоднократно, как на Востоке (знаем даже некоторых

святых отцов, из-за отсутствия канонических епископов вынужденно принимавших священство от монофизитов и ариан), так и на Руси, в частности, в XVI в., когда в Украине вследствие унии не осталось ни единого православного епископа.

Такая практика имела место и в Катакомбной Церкви. Известно, что тот же архиепископ Антоний (Голынский-Михайловский), окормляя паству ИПЦ, продолжал поддерживать отношения с некоторыми архиереями МП, направляя к ним истинно-православных христиан за рекомендацией на поступление в семинарию и принятие сана в МП. В частности, доподлинно известен такой случай с Иваном Чиженком из г. Светлогорска Гомельской области, поступившим по благословию архиепископа Антония в Московскую духовную семинарию и принявшим там сан (после чего, правда, он отрекся от ИПЦ и поныне продолжает служить в МП).

О подобной практике в канонически сомнительных полукатакомбных группах т.н. «секачевцев» и «алфеевцев» и говорить не приходится, многие их «тайные епископы», даже после принятия «тайного архиерейского сана», по-прежнему продолжали служить в качестве рядовых приходских священников МП (Антоний Пилецкий, Херувим Дегтярь, Адриан Лапин, Евгений Жиганов и другие).⁴⁹⁶

В целом, к концу 1960-х – началу 1970-х гг., когда в ИПЦ старых канонических священников уже почти не оставалось в живых, случаи поступления истинно-православных христиан в духовные семинарии «официальной церкви» стали довольно распространенными. В этом отношении характерным представляется обнаруженный в архивах отчет уполномоченного по делам религий Волынской области А. Федулова, который составлял досье на одного учащегося Луцкой духовной семинарии: «Данилюк Василий Владимирович... Выходец из фанатично-религиозной семьи, принадлежащей к течению истинно-православной церкви. В 1960 г. поступил в семинарию. Проведенная с ним работа по отрыву от семинарии результата не дала...».⁴⁹⁷

Не имея никакой другой возможности получить духовное образование, обрести опыт пастырского служения без угрозы ареста, многие катакомбники вынуждены были тогда обращаться за помощью к порядочному духовенству и ие-

рархам «официальной церкви». Так известно, что митрополит Тетри-Цкаройский Зиновий (Мажуга, в схиме Серафим, †1985), постриженник Глинской пустыни, поддерживал тесные отношения с катакомбными истинно-православными христианами на Кавказе, иногда тайно постригая их в монашество или рукополагая в священнический сан.⁴⁹⁸

Старые катакомбные священники часто неодобрительно относились к вынужденным инициативам молодежи, но все же в отдельных случаях соглашались, хотя и принимали обратно через покаяние. Деваться было некуда. Паствы было много, а старого духовенства оставалось в живых уже не более десятка. Так что многие последователи иосифлянско-кирилловской традиции терпимо смотрели на вынужденные меры принятия сана в «официальной церкви» как на одну из попыток найти выход из сложившегося затруднительного канонического положения, постигшего в 1960–1970 гг. XX ст. фактически вдовствующую Катакомбную Церковь. Да и эклизиологические взгляды митрополита Кирилла Казанского по этому вопросу в то время среди катакомбников имели немалое распространение.⁴⁹⁹ Так, последний ставленник митрополита Иосифа (Петровых), авторитетный катакомбный духовник о. Михаил Рождественский, цитируя митр. Кирилла Казанского, говорил: «Кто в советскую церковь ходит по незнанию, тот, может быть, и получает благодать, а кто, зная, приобщается, то это в осуждение. Но не все погибнут там и не все спасутся здесь, на суде будут дела спрашивать и любовь».⁵⁰⁰

В те годы разделение Церкви еще не было столь явным. Многие старые священники «официальной церкви», принявшие рукоположение до разделения 1927 г., сочувственно относились к ИПЦ, признавая ее правоту, но из-за гонений не решались открыто присоединяться к ней. Многие из них были также гонимы за веру, а потому в ИПЦ их никогда не осуждали и относились с должным снисхождением и любовью. В период хрущевских гонений и массового закрытия легальных храмов некоторые такие пастыри, лишённые регистрации и почисленные «за штат», будучи несогласными с официальной политикой руководства МП, переходили на нелегальное положение, присоединяясь к ИПЦ. Вместе с такими священниками из МП уходила и наиболее предан-

ная им паства. Известны также случаи, когда т.н. «незарегистрированные» общины, не найдя поддержки со стороны патриархальной иерархии, обращались за окормлением к катакомбному духовенству. Случаи прилива в ИПЦ «новых сил» из «официальной церкви» рассматривались как вполне типичное для того времени явление.⁵⁰¹

Поэтому нет ничего удивительного в том, что после некоторых колебаний все же было решено прибегнуть к такой вынужденной практике, как принятие священства от не запятнавших себя сотрудничеством с КГБ иерархов РПЦ МП. На такое начинание, как уже отмечалось, было получено прямое письменное благословение от архиепископа Леонтия Чилийского, направившего за послушание Ф. Журбенко к своему бывшему келейнику, многолетнему узнику сталинских концлагерей, опальному епископу Вениамину (Новицкому). Последний, ознакомившись с письмом от архиепископа Леонтия, согласился помочь представителям ИПЦ, рукоположив в 1971 г. в диаконский и священнический сан Ф. И. Журбенко (в тайном иночестве Феодосий, в монашестве Лазарь).⁵⁰²

Понимая, что канонических катакомбных архиереев в СССР нет и в ближайшей перспективе взяться им было не откуда, некоторые катакомбники согласились с предложением архиепископом Леонтием вынужденной мерой восполнения священства.

В то же время не все катакомбные пастыри были согласны с такой вынужденной мерой, как принятие сана от архиереев МП, что вызвало определенную полемику. И все же, после некоторых дискуссий, иеромонах Лазарь (Журбенко) был принят через исповедь и в сущем сане в общение с катакомбным духовенством ИПЦ через иеромонаха Тимофея (Несговорова) и иеромонаха Виссариона (Маркова). Хотя, например, катакомбный иеромонах Гурий (Павлов) так и не признал полученное в МП священство. Будучи «безпаспортником» еще с 1940-х гг., о. Гурий держался несколько обособленно от многих катакомбных пастырей, не запрещавших принимать паспорта. Категорически отвергая благодатность таинств МП, он отказывался сослужить с катакомбным духовенством, когда-то принявшим сан в «официальной церкви». По этой причине позже, в 1990 г., он отказался призна-

вать и РПЦЗ, принимавшую священников МП в сущем сане, без перекрещивания и перерукоположения.⁵⁰³ Правда, подобные случаи не были массовыми. Большинство катакомбников при первой же возможности пытались объединиться с РПЦЗ.

Вернувшийся в ИПЦ иеромонах Лазарь к середине 1970-х годов основал ряд тайных катакомбных монастырей на Кубани. По просьбе известного катакомбного старца-исповедника о. Виссариона (Маркова, †1979) из Тамбова о. Лазарь постриг его в схиму с именем Серафим. Позже тот передал и завещал окормление своей катакомбной паствы о. Лазарю. Перед смертью завещал своей пастве окормляться у о. Лазаря ставленник схиэпископа Петра (Ладыгина) о. Тимофей (Несговоров, †1975) и другие. Таким образом к концу 1970-х гг. под окормление о. Лазаря перешли многочисленные овдовевшие катакомбные общины от Сибири и Казахстана до Кубани и Украины. Все они не признавали новоявленных лжекатакомбных самосвятских групп «поздеевцев», «секачевцев», «алфеевцев» и других и ориентировались на духовное единение с РПЦЗ.⁵⁰⁴

Следуя примеру этих исторических катакомбных общин ИПЦ, в конце 1970-х гг. поминование первоиерархов РПЦЗ было введено также в упомянутых выше полуподпольных течениях «секачевцев» и «алфеевцев».

Кроме того, как уже отмечалось, пытались в те годы установить общение с РПЦЗ и урегулировать таким образом свое каноническое положение катакомбные клирики, рукоположенные покойным архиепископом Антонием (Голыньским-Михайловским, †1976).⁵⁰⁵

Многолетний секретарь Синода РПЦЗ епископ Вашингтонский Григорий (граф Граббе, †1995) по поводу участвовавших обращений катакомбников к Синоду РПЦЗ вспоминал:

«С конца 70-х и начала 80-х годов появилась некоторая возможность связи между СССР и Западом. В таком порядке, в начале 80-х годов к Синоду обратилась группа в 14 священнослужителей Катакомбной Церкви, которые от имени о. Лазаря (Журбенко) сообщили Митрополиту Филарету, что их Епископ умер, а они не смогли нигде найти ему заместителя и поэтому просят принять их в свое ведение. Связь с ними велась через покойного Архиепископа Антония

Женевского и Западно-Европейского и одного из его клириков, часто бывавшего в СССР.

После суждения об этом на Архиерейском Соборе, было постановлено тайно постричь в монашество и хиротонисать во Епископы клирика Западно-Европейской епархии, у которого в СССР жила сестра, благодаря чему он мог легче получить визу для проезда туда. Этому, тайно рукоположенному Епископу было поручено Собором тайно же хиротонисать во Епископы о. Лазаря, для возглавления им катакомбных клириков и их общин... Теперь уже, никого не подвергая опасности, мы можем сказать, что священник Западно-Европейской епархии Владимир Прокофьев, ставший Епископом Варнавой, был тем, кто совершил хиротонию Епископа Лазаря».⁵⁰⁶

10. Архиерейский Собор РПЦЗ в 1981 году. и восстановление иерархии Катакомбной Церкви

Архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви, о котором упоминает секретарь Синода РПЦЗ епископ Григорий (граф Граббе) Вашингтонский, состоялся 10 октября 1981 года под председательством Первоиерарха РПЦЗ митрополита Филарета (Вознесенского, †1985). На этом историческом Соборе был совершен соборный акт прославления в лике святых всех Новомучеников и Исповедников Церкви Русской, от боготорческой советской власти в СССР пострадавших.

Другим важнейшим деянием этого Собора было исповедание полного духовного единства РПЦЗ с гонимой Истинно-Православной (катакомбной) Церковью на Родине.

В определении Архиерейского Собора РПЦЗ от 22 октября 1981 г. говорилось:

«О Катакомбной Церкви в России по докладу Архиепископа Антония Женевского принята следующая резолюция:

*Обсуждая положение Катакомбной Церкви в России, Архиерейский Собор призывает Божие благословение на тех катакомбных пастырей, которые продолжают свое служение в чрезвычайно трудных условиях, побуждаемые к тому своей верой и преданностью Св. Церкви и готовностью соблюдать веру даже до смерти. Господь да поможет им без впадения в компромиссы нести свой крест до конца. На них и на их труды Собор призывает Божие благословение».*⁵⁰⁷

В резолюции Собора от 27 октября 1981 г. говорилось также:

*«Мы призываем Божие благословение на тех, кто, не страшась преследований, устраняется от всякого компромисса с политикой безбожия, воплощенной в Московской патриархии, которую, равно как и все акты ее, мы признаем неканоническими и недействительными».*⁵⁰⁸

Поскольку речь шла о гонимых советским режимом катакомбных пастырях ИПЦ, то из соображений конспирации и безопасности их имена не назывались, а формулировки официальных постановлений звучали обобщенно.

Однако негласно, по постановлению Собора РПЦЗ в 1981 г., было решено оказать посильную братскую помощь гонимой Катакомбной Церкви в ее возрождении и восстановлении утраченного в годы гонений канонического епископата. С этой целью, по благословию святителя Филарета (Вознесенского), Архиерейским Собором РПЦЗ было решено тайно совершить для Катакомбной Церкви в СССР епископскую хиротонию катакомбного архимандрита Лазаря (Журбенко) «для возрождения и руководства Церкви в России» и таким образом восстановить каноническое церковное возглавление в ИПЦ.

Это был наиболее благоприятный момент за все годы существования советского режима. 1981–1982 гг. – последние годы правления и жизни Л. Брежнева, для которых было характерно начало агонии возглавляемого им коммунистического режима. В этот период открывается больше возможностей для посещения СССР зарубежными туристами, как и советскими – стран Запада. В ходе таких поездок зарубежные и советские туристы, помимо «дефицитных» товаров, очень часто старались нелегально привозить Библии и другую религиозную литературу, распространяя ее потом среди родственников и знакомых. Активные контакты с зарубежьем, в т.ч. и с представителями РПЦЗ, осуществлялись и через диссидентские правозащитные объединения, которые к этому времени распространились по всему СССР и с которыми нередко сотрудничали катакомбники. Наиболее тесные связи с диссидентскими кругами в СССР поддерживала Западно-Европейская епархия РПЦЗ, возглавляемая первым заместителем председателя Синода РПЦЗ, архиепископом Женевским и Западно-Европейским Антонием (Бартошевичем). Через них архиеп. Антоний нелегально переправлял в СССР издаваемую Зарубежной Церковью религиозную литературу, собирал сведения о репрессиях на религиозной почве, поддерживал связи с катакомбниками.

Эта миссия облегчалась тем, что сестра одного из клириков Западно-Европейской епархии, протоиерея Владимира Прокофьева, работала во французском посольстве в Москве. Благодаря этому прот. Владимир мог регулярно и беспрепятственно посещать СССР под видом туриста. Поэтому, после суждения на Архиерейском Соборе РПЦЗ, было

решено тайно постричь в монахи и тайно рукоположить во епископа о. Владимира (в тайном монастыре Варнава), с тем, чтобы он во время очередного визита в СССР также тайно совершил епископскую хиротонию катакомбного архимандрита Лазаря (Журбенко).⁵⁰⁹

Тайная миссия РПЦЗ по восстановлению канонической иерархии Катакомбной Церкви была успешно исполнена уже через полгода, 10 мая 1982 г., когда в Москве на квартире катакомбной монахини Феодоры была нелегально совершена хиротония о. Лазаря во епископа ИПЦ.⁵¹⁰

Дочь секретаря Синода РПЦЗ епископа Григория (Граббе) и его делопроизводитель А. Г. Шатилова о тайной хиротонии владыки Лазаря вспоминала: *«Рукоположение Лазаря шло через владыку Антония Женевского. Митрополит Филарет участвовал в этом до некоторой степени: мы получали в Синоде то, что вл. Антоний присылал... О хиротонии Лазаря знали митрополит Филарет, архиепископ Виталий, Антоний Женевский и я, потому что я печатала документы. Это было постановление Собора»*.⁵¹¹ Архиепископ Марк Берлинский также вспоминал о тех событиях, что таким образом РПЦЗ «старалась помочь Катакомбной Церкви, рукоположив для ее окормления епископа Лазаря (Журбенко)». ⁵¹² При этом речь шла о восстановлении иерархии именно ИПЦ, а не о создании в СССР параллельных структур РПЦЗ. Как отмечал тот же архиепископ Марк: «РПЦЗ не хотела создавать в пределах России параллельную иерархию». ⁵¹³

В Синодальной Грамоте РПЦЗ от 16 мая 1990 г. по поводу этого события сказано следующее: «Архимандритъ Лазарь (Журбенко) отъ Российской Православной Церкви яже въ Катакомбахъ избранъ и Священнымъ Архіерейскимъ Синодомъ Русской Православной Церкви Заграницей утверждень и определенъ быти епископомъ Богоспасаемаго града Тамбова по чиноположенію же Святыя Апостольскія Восточныя Церкви, содействующу всесовершающему и всесвятому Духу, въ лето от воплощенія Бога Слова 1982-е месяца апреля въ 27 день, во граде Москве, хиротонисанъ архіереями Русской Православной Церкви Заграницей по постановленію Архіерейскаго Собора 1981-го года. Хиротонія Преосвященнаго Лазаря состоялась при особыхъ обстоятельствахъ,

вызванных трудностями настоящего времени, поэтому хиротония была совершена тайно».⁵¹⁴

В другом Синодальном документе за № П/35/Р/ подтверждается: «Епископ Лазарь (Журбенко) рукоположен по постановлению Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей во ЕПИСКОПА для возрождения и руководства Церкви в России».⁵¹⁵

В пояснении Синодальной Канцелярии РПЦЗ от 14 августа 1990 г. по поводу тайной хиротонии вл. Лазаря также сказано, что она совершена «по указанию Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей», «чтобы церковная жизнь Катакомбной Церкви в России могла быть урегулирована».⁵¹⁶

Аналогично и в свидетельстве от 5 октября 1989 г., подписанном Первым Заместителем Первоиерарха РПЦЗ, говорится: «Преосвященный Епископ Лазарь канонически рукоположен Епископатом Русской Православной Церкви Заграницей с назначением обслуживать православных христиан Российских Церковных Катакомб».⁵¹⁷

Стоит отметить, что в 1982 году, вскоре после тайной хиротонии для Катакомбной Церкви епископа Лазаря, в Монреале (Канада) начал обильно мироточить новонаписанный образ Иверской иконы Божией Матери, всемирно прославившийся как «Монреальский». Ныне в РИПЦ в Одессе (Украина) хранится точная копия этой иконы, написанная ее хранителем Иосифом Муньосом и переданная в 1993 г. архиепископу Лазарю (Журбенко) в Украину, и которая тоже является чудотворной.⁵¹⁸

Помимо хиротонии самого епископа Лазаря, для полноценного восстановления иерархии и церковного управления ИПЦ, предполагалось тайно хиротонисать еще нескольких катакомбных архиереев. Епископом Лазарем тогда же были выдвинуты для хиротоний во епископов ИПЦ кандидатуры катакомбных священников о. Михаила Рождественского (1901–1988) из Петрограда и о. Никиты Лехан (1893–1985) из Харькова.⁵¹⁹ Однако окружение как о. Михаила, так и о. Никиты побоялось установить личные контакты с приехавшим из-за границы епископом Варнавой (Прокофьевым), опасаясь, что таким образом КГБ может выследить и раскрыть их тайные общины. Именно близкое окружение не допустило

встречи обоих батюшек с прибывшим из Франции епископом РПЦЗ. Об этом уже после падения СССР свидетельствовали сами их прихожане в Петрограде и Харькове.⁵²⁰ Поэтому пришлось ограничиться лишь одной хиротонией, так как виза на право пребывания в СССР была краткосрочной, а у епископа РПЦЗ не было возможности дожидаться, когда представится удачный случай и предложенные епископом Лазарем кандидаты все же согласятся. К тому же и о. Михаил, и о. Никита не были монашествующими, и, по свидетельству их духовных чад, не решались принять не только епископскую хиротонию, но и монашеский постриг. Да и по большой своей физической немощи уже, видимо, не могли бы понести этот тогда тяжелейший крест (обоим кандидатам было уже около 90 лет).⁵²¹ Таким образом, несмотря на попытки епископа Лазаря хиротонисать еще нескольких катакомбных епископов, единственным каноническим архиереем ИПЦ в СССР до 1990 г. оставался только он. Лишь в 1990 г. представилась следующая возможность, и Синод РПЦЗ для Катакомбной Церкви в ноябре того же года рукоположил еще одного катакомбного архиерея – духовного сына катакомбного старца о. Феодора (Рафановича) из Белоруссии – епископа Вениамина (Русаленко) Гомельского, викария епископа Лазаря (ныне архиепископ Черноморский и Кубанский, заместитель председателя Архиерейского Синода РИПЦ).

11. Катакомбная Церковь в 1980-х – начале 1990-х годов

Согласно святоотеческим толкованиям, «Церковь там, где епископ». Поэтому с момента хиротонии епископа Лазаря вокруг него как канонического катакомбного архиерея, стало объединяться каноническое ядро Катакомбной Церкви, пребывавшей в духовном единстве с РПЦЗ. За довольно короткий срок под его омофором сплотилось более 50 исторических катакомбных общин ИПЦ на Кубани, Северном Кавказе, в Украине, Центрально-Черноземной части России, Белоруссии, Сибири, Казахстане, Башкирии, Удмуртии, Чувашии и других регионах. Среди них были как общины «бுவцев», «иосифлян», «кирилловцев», так и «викториан», и «андреевцев».⁵²²

С момента тайной хиротонии в 1982 г. и до самого 1990 г. епископ Лазарь (Журбенко) Тамбовский и Моршанский как иерарх Катакомбной Церкви в СССР фактически не имел прямых сношений с Синодом РПЦЗ, не получал от него никаких указаний или помощи, осуществляя свое тайное, катакомбное служение на положении самоуправления, как и подобало ИПЦ на основании Указа патриарха Тихона № 362.

С восстановлением канонической иерархии Катакомбной Церкви начинается ее постепенное возрождение и созидание. Тайный епископ Лазарь с риском для жизни объезжает катакомбные общины ИПЦ, разбросанные по всей стране, тайно служит по ночам, проповедует, исповедует, причащает, рукополагает новых катакомбных священников. Только за период с 1982 по 1990 гг. епископ Лазарь тайно рукоположил для ИПЦ более 10 новых катакомбных клириков. Присоединились к нему через исправление хиротоний и многие катакомбные священники, ранее принявшие рукоположение от неканонических катакомбных иерархий «секачевцев», «алфеевцев» и других групп, возникших в результате уничтожения канонического епископата ИПЦ.⁵²³

Как уже отмечалось, вследствие более чем 20-летнего периода иерархического вдовства, в ИПЦ стало довольно распространенным явление самосвятства, грозившее вы-

рождением Церкви в сектантство. Прилагая усилия к преодолению этого опасного явления в ИПЦ, епископ Лазарь особое внимание уделял вопросу апостольской преемственности, каноничности рукоположений и исправления хиротоний тех катакомбных клириков, которые этого не имели. Таким образом, после тщательного изучения, оказалось невозможным признать законность иерархий, ведущих свою преемственность от Серафима Поздеева, Геннадия Секача и Алфея Барнаульского. Епископ Лазарь об этом прямо говорил, предлагая исправить их каноническое положение. Но вместо этого последователи названных псевдоиерархов возымели вражду против канонического катакомбного архиерея. Некоторые последователи архиепископа Антония (Голынского-Михайловского), рукоположенного предположительно в «григорианском расколе», также отказались принимать исправление своих хиротоний. А поскольку это было одним из главных условий при принятии в общение с РПЦЗ [см.: Справка Канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ № 4/77/133 от 2/15 августа 1990 г.], то многие из них так и не присоединились к епископу Лазарю. Некоторые лишь в середине 1990-х гг. через дополнительную хиротесию присоединились к Архиерейскому Совещению РИПЦ. Хотя были и такие, кто сразу же признал епископа Лазаря. Среди них, например, такие авторитетные священники «голынского поставления», как о. Михаил, о. Димитрий и о. Серафим, прекратившие служение и снявшие с себя сан из-за сомнений в каноничности своего рукоположения. Отца Михаила (Нечитайленко), как уже отмечалось, архиепископ Антоний планировал поставить своим преемником и единолично рукоположить в епископы, однако тот отказался.

После тайной епископской хиротонии епископ Лазарь по-прежнему постоянно скрывался от преследования советскими властями.

В этот период агонизирующий режим, хоть и с меньшей уже активностью и жестокостью, все же продолжал преследования катакомбных христиан. Как отмечает М. В. Шкаровский, «последние относительно массовые вспышки открытого неповиновения властям среди Истинно-православных христиан произошли в 1981 г. в связи с обменом паспортов... Отказ от получения паспортов в некоторых

районах приобрел такой размах, что местные средства массовой информации предупреждали об уголовном наказании «отказников» и лишении их пенсии».⁵²⁴

В соответствии с паспортной реформой 1974 г. все население СССР, достигшее 16-летнего возраста, обязано было иметь советские паспорта. Паспортизация должна была закончиться к середине 1980-х гг. Однако многие истинно-православные христиане, отвергая советский строй, старались как можно дольше не получать «красный паспорт» с пятиконечными звездами, считавшимися среди катакомбников «сатанинскими пентограммами». А те из катакомбников, кто уже получил паспорт, в середине 1980-х гг. нередко подавали заявления об отказе от советского гражданства. Характерный пример приводит А. Берман, сообщаящий, как в 1984 г. в районный паспортный стол г. Чебоксары поступило заявление следующего содержания:

*«В Ленинского района,
Начальнику паспортного стола г. Чебоксары,
от рабы Божией Кузнецовой Анастасии Семеновны*

Заявление:

Я раба Божия Кузнецова Анастасия Семеновна отрекаюсь от Советского гражданства и отрекаюсь от Советского паспорта, так как этот документ обозначает полное отречение от Бога, от Святого Крещения и от Царства Небесного, трижды отрекаюсь от него, так как я не гражданка СССР, а Православная христианка. Верую во Святую Нераздельную Троицу: Отца и Сына и Святого Духа, и хочу остаться с Богом.

*Аминь – Кузнецова».*⁵²⁵

Подобные заявления вызвали переполох среди местных чиновников. Отделом по делам религий было начато расследование. Как констатировал в своем отчете уполномоченный Громов: «в городе Чебоксары появились люди, которые, ссылаясь на свою принадлежность к истинному православному христианству, отрекаются от советского паспорта, сдают его как сатанинский документ в паспортный стол и одновременно письменно отрекаются от советского гражданства». С целью пресечения подобных инцидентов, уполномоченный

Громов предлагал: «с вышеназванными лицами срочно организовать как по месту их жительства, так и по месту работы индивидуальную работу... А организатора и руководителя наказать в административном, при необходимости и в уголовном порядке. Главное – за их деятельностью необходимо организовать строгий контроль».⁵²⁷

По словам М. В. Шкаровского, «на 1980–1984 гг. пришлась заключительная волна гонений на «катакомбны»... В 1980-е гг. катакомбники привлекались по нескольким статьям Уголовного кодекса, касающимся: несоблюдения законодательства о культах, антисоветской агитации и пропаганды, беспаспортности, отсутствия прописки, тунеядства, бродяжничества, отказа от службы в армии и т.д.».⁵²⁸

Преследования катакомбников, диссидентов и вообще «инакомыслящих» особенно усилилось в СССР с начала 1983 года, когда ЦК КПСС возглавил председатель КГБ Ю. Андропов. С его приходом к власти вновь обострились антирелигиозные гонения. Количество заключенных за проведение миссионерской и катехизаторской деятельности, издание и распространение религиозной литературы в этот период превышает 400 человек.⁵²⁹ Особенно подвергали преследованиям последователей незарегистрированных религиозных течений, таких, как истинно-православные, баптисты-«инициативники», греко-католики и другие. Они составляли основную массу узников за веру в те годы.⁵³⁰

Даже после 1985 г., когда генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым в СССР была объявлена т.н. «перестройка» и «свобода совести», давление на сторонников ИПЦ по-прежнему сохранялось. О том, как в этот период советские органы выслеживали катакомбного епископа Лазаря, пытаясь снова арестовать, преследуя его последователей, допытываясь о местах его сокрытия и тайного служения, мы можем иметь представление на основании свидетельств очевидцев.

Так, уже в 1987 г., на Воронежчине был арестован Георгий Степанович Чесноков. Когда ему было всего 14 лет, всю его семью за «принадлежность к ИПЦ» арестовали и сослали в Сибирь, где он и вырос. В его роду расстреляли 28 человек. Окормлялся он у катакомбного епископа Лазаря, который нередко у него на дому тайно служил. И вот однажды, через

полгода после пребывания у него епископа Лазаря, в 1987 г. Г. С. Чеснокова по чьему-то навету (возможно, соседи донесли) арестовали. Допытывались: «Где тот, что был у тебя полгода назад». В КГБ прознали, что у него побывал катакомбный архиерей, проводил тайное собрание, проповедовал, служил, а потом скрылся. Выследить его так и не смогли. Георгия Степановича около года держали в следственном изоляторе, пытались, издевались, перерезали вены, кровь спускали, все пытались добиться показаний о местопребывании катакомбного архиерея, его имени, фамилии, связях... Но Георгий Степанович так и не признался, не выдал. После очередных жестоких пыток и истязаний исповедник потерял сознание, думали, что присмерти. Когда санитары выносили из камеры, им сказали: «Заберите, сдох собака». Но Георгий Степанович выжил, здравствует и поныне, продолжая окормляться в РИПЦ. Он-то и поведал о вышесказанном. И его, испытавшего на собственном опыте страдания за горного истинно-православного архипастыря, уже никакие клеветы и поношения не смогли потом смутить, оттолкнуть от своего духовного отца.⁵³¹

А вот другой случай, происшедший в первой половине 1980-х гг. в пос. Углянец Воронежской области с катакомбным игуменом Нестором (Ложкиным, в схиме Феодосий). Во время тайного ночного богослужения, совершаемого на дому епископом Лазарем, по чьему-то навету неожиданно нагрянула милиция. Отец Нестор при входе во двор сумел на время отвлечь безбожников, благодаря чему еп. Лазарю удалось покинуть помещение через окно и скрыться огородами. Не найдя тайного архиерея, милиция арестовала о. Нестора. Забрав его в отделение, от него пытались добиться, кто у них архиерей и где он скрывается, однако он так и не признался. Не признался он и в том, что является тайным священником ИПЦ.⁵³²

Те, кому довелось в годы советских гонений разделить с катакомбным епископом Лазарем всю горечь преследований и тайного служения, не только со слов знают, как это было. Их воспоминания являются авторитетными свидетельствами тех событий.

Гонения и притеснения ИПЦ продолжались вплоть до самого крушения СССР. Всесторонне поддерживая МП и спо-

собствуя укреплению ее монополии в распадающейся стране, советский режим продолжал политику преследования катакомбных истинно-православных христиан, не давая им возможности выйти из подполья, зарегистрировать свои общины, получать пустующие православные храмы и заниматься возрождением Истинно-Православной Церкви.

Оставаясь на бесправном положении, в Катакомбной Церкви богослужения по-прежнему тайно совершались по ночам, под угрозой милицейских облав и притеснения. Так в начале 1990-х гг., т.е. еще до окончательного распада СССР в сентябре 1991 г., автору доводилось бывать на катакомбных богослужениях, совершаемых по всем правилам строгой конспирации. Тайные богослужения проводились в одном из отдаленных сел, куда не ходят даже автобусы. Верующие на автовокзале собирались небольшими группами по два-три человека, не подавая вида, что знают друг друга. Сидел на вокзале в сторонке, в деревенской одежонке и катакомбный батюшка. Его седые длинные волосы были спрятаны под деревенский картуз, а длинная борода завернута под ворот рубахи «в горошек», благодаря чему казалась короткой. Так что с виду он ничем не отличался от обычных деревенских стариков. На автобусе (который наполовину был заполнен верующими ИПХ) мы от областного центра ехали до конечной станции в деревне А. Здесь также группами разбрелись в разные стороны, где в условленных местах каждую группу дожидались проводники, которые вечером, в обход попутных сел, лесными тропинками проводили к нужному селу. Каждая из групп добиралась в разное время, дабы не создавать большого скопления людей. В том селе, на его окраине, в одной из сельских хат был домовый храм. Верующие к нему шли по-разному – кто через калитку, а кто и огородами, чтобы не привлекать внимания местных жителей. Дом располагался на отшибе, соседей рядом не было, поэтому к нему было удобно добираться из леса, оставаясь незамеченным. В самом селе к катакомбникам принадлежали многие семьи, что также облегчало дело. Когда к ночи все собрались, около полуночи началось тайное богослужение. Служил катакомбный батюшка о. Нестор (Ложкин, в схиме Феодосий). Богослужение совершалось вполголоса, при выключенном электрическом свете и нескольких зажженных

свечах. Ставни на окнах дома были наглухо заперты, так что если кто и подошел бы к двору, то ничего подозрительного не заметил. Внутреннее убранство храма было весьма простым: небольшой переносной престол, самодельная утварь уменьшенного размера, маленький самодельный антиминс, несколько свечей и иконы. Катакомбный храм был переполнен молящимися. Поскольку служба совершалась полупшепотом, то приходилось, затаив дыхание, вслушиваться в каждое слово молитвы. Особую остроту придавали тревога и опасение появления милиции и облавы. Помнится, как седовласый и добродушный батюшка, при всей его простоте и любвеобильности, со строгостью спрашивал на исповеди, состоял ли я в октябрятах, пионерах и комсомольцах? И хоть в комсомол я отказывался вступать по убеждениям, в «пионерии» и «октябрии» по малолетству был, за что о. Нестор наложил небольшую епитимию. Покаяние в грехах «советчины» было главным условием принадлежности к ИПЦ. Литургия закончилась лишь к рассвету. Затем была общая православная трапеза, во время которой старики делились с молодежью духовным опытом, рассказывали о страданиях и гонениях за веру от безбожных. Поутру все, опять разбившись на группы, снова стали потихоньку расходиться тем же маршрутом.

Так все годы безбожия эти старички и старушки хранили в «катакомбах» истинное православие.

Говоря о положении верующих в СССР в указанный период, стоит более подробно остановиться на тех процессах, которые начались в стране со второй половины 1980-х гг. и в конце концов привели к крушению тоталитарного советского режима.

Существенные перемены в СССР начались в результате случившейся в 1986 г. ядерной катастрофы на Чернобыльской АЭС им. Ленина. Мощный взрыв ядерного реактора, выброс в атмосферу больших доз радиации, заражение огромных территорий, повышенная заболеваемость и смертность людей, неадекватное поведение советского руководства оказались фатальными для агонизировавшего коммунистического режима.

Длительное время советские средства массовой информации замалчивали случившееся, что еще более обостряло

разочарование, недоверие и недовольство граждан. По всей стране люди вылавливали в радиоприемниках «западные волны», узнавая из них правду о трагедии. Впервые в СССР население повсеместно «питалось» не официальной советской пропагандой, а слухами и информацией западных радиостанций. На почве страха и безысходности, увеличения количества заболеваний и смертности среди населения стихийно стали возрастать религиозные настроения. Многие бросились креститься и крестить детей, заказывать панихиды и молебны о здравии... Очень быстро по стране стала известна и популярна цитата из Апокалипсиса: «И упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику... на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде – Полынь; и третья часть вод сделалась полынью; и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (Откр. 8, 10-11). Это апокалиптическое пророчество обрело особую актуальность, поскольку в переводе с украинского «чернобыль» означает одну из разновидностей травы полынь.

Первоначально коммунистическая номенклатура судорожно пыталась подавить возраставшую религиозность населения страны. В советской печати появилась целая серия статей о необходимости усиления борьбы с «религиозными предрассудками». В конце сентября 1986 г. второй секретарь ЦК КПСС Е. Лигачев подтвердил антирелигиозную направленность политики партии, подвергнув резкой критике творческую интеллигенцию за «заигрывания с боженькой», за выступления о необходимости возвращения к религиозной этике.⁵³³ Одновременно генеральный секретарь ЦК КПСС М. Горбачев в ноябре 1986 г. официально заявил о необходимости активизации идеологической борьбы против проявляющихся религиозных настроений части граждан и усиления атеистической пропаганды в духе марксистско-ленинской морали.⁵³⁴ На местах подобные установки руководства КПСС мгновенно были подхвачены как призыв к началу новых антирелигиозных кампаний...

Но волнения в обществе, вызванные Чернобыльской катастрофой, рост заболеваемости и смертности граждан заставили руководство партии пойти на попятный и начать поиск новых путей выхода из создавшегося кризиса.

Чернобыль нанес сокрушительный удар по господствовавшей политической системе, показавшей свою полную несостоятельность и недееспособность. Начался процесс постепенного раскрепощения советских граждан и формирования оппозиционных настроений по отношению к правящему режиму. Декларативно-показные горбачевские «плюрализм» и «гласность», направленные на «замыливание глаз» зарубежным правительствам, стали стихийно обретать реальные и неконтролируемые обороты в обществе.

В это время чрезмерно милитаризированная «плановая экономика» СССР переживала серьезный кризис, что угрожало банкротством страны. Крушение коммунистического режима становилось неизбежным. Пытаясь спасти положение, ЦК КПСС во главе с М. Горбачевым приняло решение о необходимости сокращения «гонки вооружений» и нормализации отношений с США.

Дабы президент США Рональд Рейган согласился на двухсторонние переговоры о сокращении «гонки вооружений», в ЦК и КГБ было предложено возвратиться к испытанной еще при Сталине в годы войны практике использования Церкви для создания «демократического» имиджа советского режима.⁵³⁵ Так в ЦК КПСС возникла идея о помпезном, на официальном уровне праздновании в Москве в 1988 г. 1000-летия Крещения Киевской Руси.

Особо торжественные приготовления к юбилею должны были пройти в зарубежных епархиях РПЦ МП, с привлечением глав и представителей зарубежных православных и инославных конфессий.⁵³⁶ Весь 1987 г. во внешней политике СССР прошел в режиме активной подготовки к церковным торжествам и, одновременно, переговорам с правительством США.

Этот антураж, повторимся, был необходим для изменения на Западе отношения к СССР как к «демократическому» и «правовому» государству. В декабре 1987 г. коммунистический лидер посетил США с официальным визитом. В числе сопровождавших генсека ЦК представителей КГБ и партийных работников была многочисленная делегация представителей главных конфессий СССР, где ведущую роль играла делегация РПЦ МП. Пока между Рейганом и Горбачевым шли переговоры, в национальном соборе Вашингтона (Епи-

скопальная церковь) происходило совместное экуменическое моление иерархов и духовенства СССР и США.⁵³⁷

На июнь 1988 г., когда в СССР должен был прибыть президент США, в Москве было намечено помпезное празднование 1000-летия Крещения Киевской Руси, с участием 211 делегаций из 89 стран мира, а также 446 иностранных журналистов.⁵³⁸ По словам советского религиоведа М. Бессонова, торжества носили характер «крупных церковно-политических акций».⁵³⁹

Несмотря на тщательные приготовления, визит Р. Рейгана в СССР несколько раз оказывался на грани срыва. За три недели до визита Рейган получил резолюцию Конгресса США, в которой советский режим осуждался за активное преследование инакомыслящих, в том числе на религиозной почве, а также содержался призыв к администрации США воздержаться от участия в официальных юбилейных торжествах в СССР.⁵⁴⁰ И только клятвенные заверения руководства Московской патриархии о полной «свободе совести и религиозных организаций» в СССР изменили позицию Рейгана, согласившегося прибыть в Москву и подписать двухстороннее соглашение.

Единственными, кто категорически отказался участвовать в показательных советских «церковно-политических акциях», были Константинопольский патриархат, Элладская Церковь и РПЦЗ.⁵⁴¹ Несмотря на официальные приглашения, Первоиерарх РПЦЗ митрополит Виталий (Устинов) и другие иерархи РПЦЗ не поехали в Москву. Одна из причин – продолжение гонений на веру в СССР и преследования Катакомбной Церкви, в отношении последователей которой по-прежнему продолжались репрессии и притеснения.

В отличие от «государственной» РПЦ МП, у Катакомбной Церкви не было возможности торжественно отметить 1000-летие Крещения Киевской Руси. И все же этот юбилей был отпразднован в «катакомбах»...

В официальном органе РПЦЗ «Православная Русь» за 1990 г. сохранились воспоминания о том, как в Катакомбной Церкви в 1988 г. отмечался этот юбилей. В связи с необычайным интересом и духовной важностью тех событий, процитируем эти свидетельства целиком:

«Свой тысячелетний юбилей наша гонимая Церковь Русская встретила в катакомбах. За все время гонений, при-

чем таких длительных и жестоких, каких еще не знала история Церкви, она обагрилась кровью Святых Новомучеников и Исповедников Российских, убелила ризы свои их святостью и верностью до конца Святому Православию.

Она выжила в этом огне испытаний и страданий, причем страданий не только физических, но и моральных – и сохраняется досель силою основавшего ее Своею Кровию Христа. Она спасается, и мы верим, спасет и Россию. Ибо сила Церкви не во внешнем ее служении и в покровительстве сильных мира сего, а в истинном исповедании Святой веры и в постоянном следовании за своим Главою – Христом.

/.../Охватывает неволью духовный трепет, когда впервыеходишь в катакомбный храм. Сейчас их не так много рассеяно на просторах многострадальной Руси, но они есть и в них тайно от внешних совершаются службы по монастырскому уставу, службы продолжительные, со страхом Божиим и благоговением... Идет всенощная. Ее совершает катакомбный епископ (вл. Лазарь – прим. авт). Поздний вечер. Электричества нет, горят только свечи. Пение и возгласы совершаются вполголоса, дабы не быть услышанными на улице. Маленькое помещение домового храма заполнено полностью молящимися, так что едва остается место, чтобы епископу и духовенству выйти на полиелей. В храме много тайных монахинь, этих безкорыстных русских жен-мироносиц, на рамена которых возложен великий жизненный крест – монашеский подвиг поста и молитвы, сопряженный с послушаниями, заботами и трудами по устройству жизни катакомб. У всех собравшихся радостное и торжественное настроение, ибо сегодня не просто воскресное всенощное бдение, которое приходится на Воздвижение Креста Господня, но сегодня также собрались молитвенно отметить 1000-летний юбилей нашей духовной матери – Церкви Русской.

Мы знаем, что весь 1988 год был юбилейным для всей христианской России. Но именно в этот день, день Воздвижения Креста Господня, состоялось крещение русского народа в Днепре, что как бы указывало на судьбу нашей Церкви в конце мира: распятие ея на Кресте, несение ею Креста в отступническом мире и победа ея Креста над диаволом... Вспоминаются слова апостола, которые как бы написаны в утешение нам: «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в от-

чаянных обстоятельствах, но не отчаеваемся, мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем» (2 Кор. 4, 8-9).

Несмотря на такие чрезвычайно тесные обстоятельства катакомб, здесь не чувствуется недостатка полноты церковной. Сама домовая церковь с небольшим алтарем и переносным иконостасом, со скромной церковной утварью, мерность и ревность, с какими совершается служба, сознание того, что эти теснота и внешняя скудость переносятся ради верности Церкви Христовой, создают впечатление, дают ощутить, что вы находитесь в римских катакомбах или с нашими подвижниками, которые, чтобы обрести безценное сокровище – благодать Христову – уходили от суеты житейской в дебри лесныя. Перед вами стоят современные последователи тех безчисленных исповедников новых, которые в наше время жесточайших гонений обходили села и города, поддерживая в народе огонь живой веры – Истинное Православие.

Мерное совершение службы, сам дух катакомбной церкви настраивает душу на молитву. Вы как бы забываете, что существует этот мятежный мир с его неразрешимыми проблемами, которых день ото дня в нем становится все больше и от которых он вот-вот взорвется. Как все просто разрешается: только приди ко Христу истинно, совлачившись гордого «я» – ветхаго человека – и нет никаких проблем, кроме одной, воистину насущной: как очистить запятнанная грехом наши души.

Диакон медленно читает ектению: «Миром Господу помолимся...» В этот момент хочется усиленно помолиться, ибо от лица собравшихся в катакомбном храме возглашаются стройные, духовно оформленные прошения. Прощения к Престолу Божию за весь мир, за всю Церковь Христову... «О православном епископстве гонимыя Церкви Российския...» «О Архиерейском Синоде Русския Православныя Зарубежныя Церкви...», – усердно продолжает диакон. Как утешительно и приятно слышать слова этого прошения, указывающие на молитвенное общение гонимой Катакомбной Церкви в России и Русской Зарубежной Церкви, твердо стоящей за соблюдение чистоты Православия. Этим общением в молитвах к Богу указывается и подчеркивается их духовное единство. Мы видим, что пред Господом предстоит единая наша ду-

ховная Мать – гонимая, страждущая от безбожников, но побеждающая диавола и все его козни в мире, Православная Церковь Русская, во отечестве и в рассеянии сущая. Это именно та наша Греко-Российская Церковь, которой заповедовал держаться великий угодник Божий преподобный Серафим Саровский.

Катакомбный епископ и все сослужащие выходят на полиелей. Поется величание, а вернее, несколько величаний. Прославляется св. Троица, как собравшая воедино Православную Русь, прославляется Матерь Божия, как Госпожа дома Своего – Святой Руси, прославляются все святые, в Земле Русской просиявшие, также Новомученики и Исповедники, как указавшие нам путь в Царствие Небесное.

«Величаем вас, святых Новомученицы и Исповедницы Российскойские, и чтем честная страдания ваша, яже за Христа претерпели есте». И вот главный момент всей службы. По великом славословии начинается воздвижение Креста – знамени Церкви. Владыка, весь убеленный сединами, на середине храма держит Крест, его под руки поддерживают иеромонах и священник. При стократном пении «Господи, помилуй» начинается медленное и торжественное опускание, а потом подъем Креста и осенение им народа. И так на все четыре стороны. Все молящиеся застыли в молитве и духовном трепете. Владыка тихо произносит: «Молитесь усерднее в сей момент». Забывается усталость от продолжительной службы, ведь время уже за полночь.

Такое тайное молитвенное собрание – богослужение, сопряженное с различными трудностями и волнениями быть замеченным или задержанным советскими безбожными органами, дает возможность ощутить рядом Христа, благословляющего Своих верных последователей. Появляется ревность, желание следовать за Господом и делать дело Божие, не смотря ни на какие трудности».⁵⁴²

Так «катакомбно», с «чистым сердцем, верою и трепетом, отложив страсти и все житейское попечение», встречали юбилей истинно-православные христиане в СССР...

В целом, празднование юбилея 1000-летия Крещения Киевской Руси, промыслительно, имело особое значение как в жизни населения страны, так и в истории Православия в СССР. В обществе началось постепенное, не контролируемое

«сверху» переосмысление многих ценностей, приведшее в результате к росту по стране протестных, антикоммунистических настроений, к массовым акциям гражданского неповиновения, стихийным митингам и демонстрациям, ослаблению преследований «инакомыслящих», а через три года и к окончательному крушению коммунистического режима и самого СССР. Эти перемены непосредственно коснулись и Катакомбной Церкви.

Как отмечает М. В. Шкаровский, «к моменту падения советской власти тайная Церковь не только не перестала существовать, но и находилась на подъеме».⁵⁴³

С ослаблением гонений в годы т.н. «перестройки», к началу 1990-х гг. на долю катакомбного епископа Лазаря выпала новая миссия – духовно возглавить не только Катакомбную Церковь, но и легальные общины православных верующих, распознавших пагубу сергианства и покинувших «Советскую церковь» (Московскую патриархию), а также новообразованные общины, состоящие из только что обратившихся к вере людей. Служение это выпало таким же непростым, как и служение в катакомбах, тем более, что теперь необходимо было сохранить и совместить оба способа служения Истинно-Православной Церкви: легально и нелегально.

К концу 1990 года количество прошений о принятии духовенства и приходов МП настолько возросло, что Архиерейский Синод РПЦЗ рекомендовал епископу Лазарю выйти из катакомб и приняться за формирование легальных епархиальных структур.⁵⁴⁴

Другим немаловажным историческим событием этого периода было то, что впервые за годы существования Катакомбной Церкви ее тайный иерарх епископ Лазарь Тамбовский и Моршанский в 1990 г. смог прибыть на Архиерейский Собор РПЦЗ в Нью-Йорке, где перед зарубежными архиереями выступил с докладом об Истинно-Православной Церкви на Родине и сослужил с ними. Поскольку тайная хиротония епископа Лазаря в 1982 г. была вынужденно совершена одним архиереем, то на Соборе РПЦЗ над ним была соборно совершена дополнительная хиротесия как восполнение хиротонии, совершенной одним епископом.⁵⁴⁵ Таким образом епископ Катакомбной Церкви был принят в состав Архиерей-

рейского Собора РПЦЗ как полноправный канонический архиерей, до окончательного полноценного восстановления иерархии и церковного управления ИПЦ на Родине.⁵⁴⁶

На этом же Соборе состоялось торжественное прославление во святых Собора Преподобных старцев Оптинских, в совершении которого принял участие и катакомбный епископ Лазарь.

Помимо епископа Лазаря (Журбенко), на Собор РПЦЗ из России прибыл некий Викентий (Чекалин), выдававший себя за катакомбного «епископа Тульского и Яснополянского» и пытавшийся под видом «архиерея ИПЦ» войти в состав РПЦЗ. Однако, благодаря участвовавшему в Соборе епископу Лазарю, самозванство В. Чекалина было раскрыто и, после того как в алтаре синодального собора в Нью-Йорке тот пытался украсть антиминс, архиерейскую панагию и дискос, был со скандалом изгнан. Правда, это не помешало В. Чекалину самозванно выдавать себя теперь и за «епископа РПЦЗ». Так, возвратившись в феврале 1990 г. в СССР, Чекалин, под видом «архиерея РПЦЗ», вместе с ушедшим на покой бывшим епископом Житомирским РПЦ МП Иоанном (Боднарчуком) совершает хиротонии двух первых епископов для новообразованной Украинской Автокефальной Православной Церкви (УАПЦ), положив начало ее иерархической преемственности.⁵⁴⁷ [IX]

Узнав, что В. Чекалин от имени РПЦЗ совершает «хиротонии», Архиерейский Синод РПЦЗ 7 сентября 1990 г. опубликовал заявление, в котором говорилось:

*«Архиерейский Синод РПЦЗ извещает клириков и мирян всех православных приходов, что Викентий Чекалин, выдающий себя за епископа Катакомбной Церкви, признанного Русской Зарубежной Церковью, в действительности таковым не является, и все таинства, им совершаемые не могут быть признанными благодатными... Архиерейский Синод РПЦЗ предостерегает от еще больших канонических ошибок ввиду того, что в совершении архиерейских хиротоний мог участвовать человек, не имеющий благодати апостольского преемства».*⁵⁴⁸

Поскольку вопрос законности апостольской преемственности имел первостепенное значение при принятии в общее представление тех или иных катакомбных течений, на

Соборе епископ Лазарь обратился к Синоду РПЦЗ с просьбой дать каноническое разъяснение, как ему принимать в общение обращающихся катакомбных клириков «голынско-го», «секачевского» и «алфеевского» поставлений.

Рассмотрев этот вопрос, Собор РПЦЗ постановлением от 15 мая 1990 г. (Протокол № 6) определил, что *«Собор не может признать каноничность рукоположений»* этих катакомбных групп. На основании этого соборного постановления Синод РПЦЗ в том же 1990 г. обратился к действовавшему в России катакомбным иерархам «секачевцев», «алфеевцев» и других с рекомендацией исправить свои хиротонии через канонического иерарха в СССР епископа Лазаря. В одном из документов РПЦЗ, в частности, говорилось: *«Архиерейский Синод, желая церковного единства паствы, несущей свой исповеднический крест в российских катакомбах, призывает всех катакомбных иерархов, ради блага Святой Церкви, документально засвидетельствовать достоверность своего апостольского преемства, предоставив убедительные доказательства своих рукоположений, или принять меры к исправлению своих хиротоний»*.⁵⁴⁹

Кроме того, Синод РПЦЗ в отношении иерархий «секачевцев», «алфеевцев» и происходящих от них групп определил, что *«не находит возможным, ввиду отсутствия (или непредоставления ими) должных доказательств, признать действительность апостольского преемства и каноничность рукоположений этих подпольных иерархий»*. В связи с этим *«Архиерейский Синод РПЦЗ определяет, что клирики (священники и диаконы) вышеуказанного посвящения, желающие войти в общение с Русской Православной Церковью Заграницей, должны урегулировать свой канонический статус посвящением (если у них нет канонических препятствий к этому) от рук архиерея, признанного Русской Православной Церковью Заграницей»*.⁵⁵⁰

В отношении клириков «голынского поставления», Синод РПЦЗ, выразив сомнения относительно законности преемственности архиепископа Антония (Голынско-Михайловского) (поскольку, как сказано в документе, *«никаких письменных данных, подтверждающих каноничность рукоположения, нет»*), своим определением от 18 мая 1990 года постановил: *«Архиерейский Синод обращается к священ-*

*нослужителям, именуемым “последователями Архиепископа Антония (Гольинского)”, урегулировать свое каноническое положение через обращение к Преосвященному Епископу Лазарю, Тамбовскому и Моршанскому».*⁵⁵¹

Помимо отношения к различным катакомбным группам в СССР, Синод РПЦЗ в 1990 г. осудил порожденную Сталиным в 1943 г. «Московскую патриархию», подчеркнув, что ее невозможно почитать «матерью-церковью».⁵⁵²

Кроме того, на Соборе РПЦЗ епископ Лазарь поднял вопрос о чиноприеме клириков МП, поскольку этот вопрос в СССР становился очень актуальным. До этого из МП в РПЦЗ клириков принимали без отдельного чиноприема и даже без покаяния. Поэтому, по предложению епископа Лазаря, для клириков, переходящих из МП, Зарубежным Синодом был утвержден Чин приема обновленцев, существовавший в Русской Церкви в 1920-е годы XX в.

В связи с участвовавшими обращениями клириков МП о переходе, на Соборе настояли, чтобы епископ Лазарь вышел из катакомб и занялся легальным церковным строительством на Родине.

Будучи поставлен перед альтернативой – остаться тайным катакомбным архиереем или открыться и возглавить церковное строительство на Родине, он вынужден был избрать второе, хотя и не сразу на это согласился. Прежде чем принять такое решение, он в том же 1990 г. провел Совецание катакомбного духовенства, на котором советовался с ним по этому вопросу. И так как почти все они выразили желание оставаться на катакомбном положении, то он поддержал их просьбу поставить для них катакомбного епископа. Кандидатом был соборно выдвинут катакомбный иеромонах Вениамин (Русаленко), происходивший из семьи потомственных катакомбников и являвшийся духовным сыном известного в Белоруссии катакомбного старца иеромонаха Феодора (Рафановича, †1975). Катакомбники пригласили на встречу официального представителя Синода РПЦЗ и через него ходатайствовали перед Синодом о рукоположении для ИПЦ еще одного катакомбного епископа. Просьба была удовлетворена, и 28 ноября 1990 г. для окормления катакомбников Синодом РПЦЗ был рукоположен епископ Вениамин (Русаленко), назначенный епископом Гомельским, викарием вл. Лазаря.⁵⁵³

Таким образом, к концу 1990 года в СССР действовало уже два канонических архиерея Истинно-Православной Церкви.

Несмотря на имевшие место в начале 1990-х гг. трудности и настроения, процесс возрождения Истинно-Православной Церкви в агонизировавшем СССР продолжался. Начинался новый этап ее бытия в условиях крушения некогда монолитного коммунистического режима, распада СССР на отдельные государства и установления относительной свободы совести и религиозных организаций. Перед Церковью возникали новые испытания и трудности, которые ей пришлось преодолевать на протяжении последующих лет.

Небывалые в истории человечества 70-летние гонения на веру и жесточайшие репрессии так и не сломили, так и не уничтожили Катакомбную Церковь в СССР. Подобно апокалиптической жене (Откр. 12, 6), она сокрылась в «пустыне», катакомбах, где неустанно продолжала хранить источники веры и духовной традиции. Существование Катакомбной Церкви – это один из немногих примеров так и не прекратившего свою деятельность, так и не уничтоженного (несмотря на все усилия советской репрессивной машины) антисоветского церковного подполья и оппозиции. Начиная с конца 1920-х гг., «тихоновская» ИПЦ оставалась чуть ли не единственным в СССР духовным организмом, не ставшим на служение богоборческому режиму. Этим на практике была доказана непреложность слов Христа: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18, 36). «Созжду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют Ее» (Мф. 28, 20).

Существование все эти годы в СССР Катакомбной Церкви было уникальнейшим явлением, не имеющим аналогов в мировой истории по масштабам перенесенных страданий и мучений, чем представляет огромный интерес для исторического, философского, богословского и культурологического осмысления и исследований. Как справедливо отмечает М. В. Шкаровский: «История Катакомбной Церкви остается самой загадочной и малоисследованной... Прошлое этой таинственной Церкви тесно связано с настоящим временем... Катакомбная Церковь, особенно в лице общин истинно-православных христиан, была самой полной, последовательной формой массового сопротивления

советской власти за все ее 70 с лишним лет... Мужество «катакомбников», твердость их веры несомненны, и наш долг – хранить память тех, чьи имена, наверное, узнаем только в вечности».⁵⁵⁴

Продолжая подвиг первых христианских мучеников, истинно-православные христиане в СССР пытались сохранить внутреннюю духовную свободу и независимость от «мира сего», противопоставив ему уход в «катакомбы». По сути, они возродили в Церкви раннехристианское наследие времен языческих гонений. Это был возврат к традициям первых веков христианства. Не случайно и само слово «катакомбы» было заимствовано из той эпохи. Изучение истории и наследия Катакомбной Церкви времен советских гонений дает возможность получить ответы и на актуальнейшие вопросы современного бытия Церкви.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

[I] Смысл таких притязаний митр. Сергия на церковную власть «любой ценой» остается неразгаданным. Ведь советские карательные органы, расправившись при его помощи с оппозицией «непоминающих», в конце 1930-х гг. обратили молох репрессивного аппарата и против работавших на ГПУ сергианских и обновленческих архиереев, так что к началу 1939 г. «Московская патриархия» митр. Сергия как централизованная структура практически перестала существовать. По всей стране действовало лишь около 100 сергианских храмов. Декларация, кроме самого митр. Сергия, никого не спасла, даже сергиан. Епархии последних как административные единицы практически прекратили свое существование. В стране оставалось лишь четыре сергианских правящих архиерея и ряд епископов, пребывавших на покое и служивших в роли рядовых настоятелей сергианских храмов. Несмотря на это, митр. Сергей по-прежнему демонстрировал свои амбиции «первоиерарха», проявляя крайнюю нетерпимость к любой форме оппозиции его притязаниям.

Если бы не II Мировая война, то к концу 1940-х гг. в СССР могло не остаться ни одного храма – ни обновленческого, ни сергианского. Такие планы ставились ВКП(б) перед очередной «безбожной пятилеткой». Однако война с нацистской Германией изменила эти планы коренным образом. В октябре 1941 г., в связи с наступлением немцев на Москву, из города в срочном порядке было эвакуировано в Ульяновск большинство советских правительственных учреждений и чиновников. Вместе с ними, по распоряжению Сталина, 13 октября 1941 г. в правительственном эшелоне (в одном вагоне!) были эвакуированы в Ульяновск митрополит Сергей (Страгородский) и глава обновленцев митрополит Александр Введенский. Здесь, сразу же по прибытии, в срочном порядке специально для митр. Сергия власти переоборудовали в православный храм бывший католический костел, а Александру Введенскому передали использовавшуюся под склад церковь Неопалимой Купины. В Ульяновске оба самозванных советских «первоиерарха» буквально соревновались друг с другом за покровительство со стороны НКВД, издавая патриотические послания к населению и собирая деньги в правительственный Фонд помощи Красной армии. Здесь же, в Ульяновске, 4 декабря 1941 г. А. Введенский с одобрения НКВД был возведен в звание «патриарха». Этот

поспешный акт вызвал негативную реакцию со стороны большинства обновленческих иерархов, более 20 лет выступавших против патриаршества. Поэтому уже в январе 1942 г. А. Введенский вынужден был отказаться от «патриаршества», оставив за собой титул «Святейшего и Блаженнейшего Первоиерарха Московского и всех Православных Церквей в СССР». С этого периода начинается постепенное охлаждение советского режима в отношении обновленчества. Ставку решено было сделать на группу митр. Сергия. В ночь с 4 на 5 сентября 1943 г. митр. Сергий (Страгородский), митр. Алексей (Симанский) и митр. Николай (Ярушевич) были вызваны на встречу со Сталиным, который предложил им избрать нового патриарха. Через три дня состоялся «архиерейский собор», на котором Сергий был провозглашен «патриархом». Участников собора в срочном порядке доставляли на правительственных самолетах. Шесть обновленческих архиереев были срочно перерукоположены перед самым собором и составили на нем необходимый кворум. После этого, в октябре 1943 г., по распоряжению НКВД начался массовый переход обновленческого духовенства на сторону «патриарха» Сергия. В Москве у обновленцев были отобраны все храмы, за исключением Пименовского. Вскоре все обновленческие епархии (в т.ч. Среднеазиатская – главная цитадель обновленчества) признали Сергия своим патриархом. Таким образом, в течение месяца обновленческие структуры прекратили свое существование. В МП перешли 25 обновленческих архиереев старого поставления, в том числе Виталий Введенский (он в сане архиепископа Тульского и Белевского возглавил миссионерский совет при патриаршем Синоде). Перешли также 13 обновленческих архиереев нового постановления, которых заново перерукоположили в МП. Один из сыновей «патриарха» А. Введенского – протодиакон Александр – впоследствии служил в Москве в клире Скорбященского храма МП. Таким образом обновленцы составили основу новообразованной («новообновленческой», как говорили в ИПЦ) структуры, перенявшей от обновленцев даже официальное название «Русская Православная Церковь» (при патриархе Тихоне официальным названием было «Православная Российская Церковь»). Такое название было предложено лично Сталиным при встрече с митр. Сергием 4-5 сентября 1943 г. Как писал по поводу этих событий в конце 1940-х – начале 1950-х гг. неизвестный катакомбный епископ А. в письме к Ф. М.: «В начале 1944 года паства митрополита Сергия освещилась обновленческими струями и пополнилась большим количеством обновленческих митрополитов, архиепископов и епископов... Могут ли такие люди быть членами собора Поместной Русской Церкви? Могут ли они избирать Патриарха – отца русского православного народа?»⁵⁵⁵

[Ш] Ошибочным необходимо признать мнение некоторых современных исследователей, что ИПЦ и «Катакомбная Церковь» – это две разные Церкви. Название «Катакомбная Церковь» было неофициальным, носило условный, иносказательный характер; под ним подразумевалась ИПЦ, вынужденная в результате тотальных репрессий перейти на подпольное («катакомбное») положение. Само название «ИПЦ» также является условным, объединяющим разные группы церковной оппозиции официальной Церкви Московской патриархии. Кроме того, ошибочными являются попытки некоторых исследователей представить Истинно-Православную Церковь (ИПЦ) и истинно-православных христиан (ИПХ) как совершенно разные течения. Термином «ИПХ», как правило, обозначались прихожане ИПЦ, точно так же как термином «православные христиане» обозначаются прихожане Православной Церкви в целом. Как неверно полагать, что «православные христиане» (ПХ) и «Православная Церковь» (ПЦ) – это два разных течения, точно также неверно считать ИПХ и ИПЦ различными течениями. Подобного мнения придерживался даже советский исследователь А. И. Демьянов, а также М. Бернштам, Д. Поспеловский и другие, считавшие, что ИПХ – это общины ИПЦ, оставшиеся без духовенства. Эта точка зрения наиболее справедлива. Безусловно, некоторые из таких общин, пребывая долгое время без пастырского окормления, могли разрывать общение с другими представителями ИПЦ, самоизолируясь и вырождаясь таким образом в сектанство. Под такими разрозненными течениями некоторые исследователи ошибочно подразумевают движение ИПХ в целом, полагая, что ИПХ как отдельное течение выделилось из ИПЦ в послевоенный период на почве ликвидации последней. Однако такой обобщенный и схематичный подход не отвечает реальному положению внутри катакомбных общин ИПЦ-ИПХ того периода. Как известно, вынужденно оказавшиеся в результате гонений без пастырского окормления (на положении «акефалии») общины ИПХ в основном восстанавливали полноценную литургическую жизнь после установления контактов с катакомбными священниками ИПЦ из других регионов. Лишь незначительная часть общин ИПХ сознательно отказывалась от священства и общения с другими катакомбными общинами ИПЦ. Поэтому необходимо признать правильным подход И. И. Осиповой, не делающей различия между понятиями ИПЦ и ИПХ и использующей их в качестве синонимов. Различие между понятиями ИПЦ и ИПХ было введено в советское время сотрудниками СД РПЦ и КГБ, а вслед за ними и некоторыми советскими религиоведами. При этом под ИПХ подразумевались общины, оставшиеся без пастырского окормления. Позже к ним стали относить любые оп-

позиционные группы верующих, не признававших РПЦ МП. При этом часто к ним по неведению относили даже откровенные сектантские течения, зародившиеся как после революции, так и в до-революционное время – паниашковцев, белорусцев, странников, пустынников и даже неохлыстовские общины [см.: Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителя. – М., 1913. – Ч. 2. – С. 1605; 1646; 1653; 1667-1674], исповедовавшие откровенно еретические хилиастическо-апокалиптические учения и таким образом не имевшие никакого отношения не только к ИПХ, но и к православию в целом. На самом деле представители этих сект не только не называют себя ИПХ, но часто даже не подозревают, что их классифицируют как ИПХ. Подобные недоразумения являются следствием «кабинетных выводов» и незнакомства большинства исследователей с реальной жизнью и бытом общин как ИПЦ-ИПХ, так и указанных сект. Наличие существенного отличия в обрядах и учении последних некоторым исследователям дало повод утверждать, что ИПХ не только ничего общего не имеют с ИПЦ, но и являются течениями псевдоправославного толка, а самих ИПХ классифицировать как секты. Такие подходы уведут от подлинного понимания положения внутри самих этих течений. По всей видимости, назрела необходимость вплотную подойти к изучению означенных сектантских течений, дав им иное, более правильное, соответствующее их сути наименование. Мы же их условно будем называть «околоправославными группами».

[III] Миф о «кочующих соборах», как и других «катакомбных соборах» («чирчикском», «никольском», «иркутском», «сибирском» и других) родился в 1995 г. из-под пера авантюриста и провокатора Алексея Смирнова (1966 г. р.), выдававшего себя за «немецкого графа фон Сиверса» и «монаха Данилова монастыря Амвросия». Примкнув в начале 1990-х гг. к РПЦЗ под видом «монаха Амвросия», он пытался внедриться в катакомбные общины архиепископа Лазаря (Журбенко, †2005) Тамбовского и Моршанского и епископа Гурия (Павлова, †1996) Казанского, однако везде был отвергнут. В поисках «епископства» Сиверс обращался к Антонию Чернову, «секачевскому» митрополиту Епифанию Каминскому и другим группам, но везде безуспешно. После этого 28-летний Смирнов-Сиверс прибегает к невиданному подлогу. Он объявляет, что на него вышел слепой и парализованный 97-летний «последний андреевский катакомбный епископ» (будто бы тайно рукоположенный архиепископом Андреем Ухтомским, †1937) – Амфилохий Шибанов. По словам Сиверса, этот парализованный старец в июне 1994 г. чудом добрался из Читинской области до Москвы, чтобы ему «передать преемственность».⁵⁵⁶

Так возник миф о «чудесном восстановлении андреевской иерархии» и «тайной хиротонии» Амвросия графа фон Сиверса во «епископа» Готского. После этого А. Смирнов-Сиверс объявил, что 30 июля того же года в Башкирии «епископ Амфилохий» скончался, и провозгласил себя «единственным законным иерархом ИПЦ» и «первоиерархом» андреевской «Катакомбной Церкви ИПХ». Для обоснования своей преемственности самозванец выдумал историю о т.н. «Архивах еп. Марка Новоселова», которых, кроме самого Сиверса, никто никогда не видел. Ссылаясь на эти виртуальные «архивы», Сиверс создал миф, будто бы в Катакомбной Церкви в годы жесточайших коммунистических репрессий существовало централизованное иерархическое управление и регулярно созывались соборы: т.н. «кочующий собор» 1928 г., «чирчикский собор» 1948 г., «никольский собор» 1961 г., «иркутский собор» 1963 г., «сибирский собор» 1971 г., «соборы» 1974, 1976 и 1981 гг. и т.п.⁵⁵⁷ Такая фальсификация Сиверсу была необходима для легитимизации своего самозванства.

Вымышленные Сиверсом мифы получили популярность через издаваемый им самиздатский журнал «Всероссийский Вестник ИПХ «Русское православие»» (после заявления лжеархиепископа А. Сиверса об отсутствии у него «апостольского преемства», 9 сентября 2003 г. «Вестник» прекратил свою официальную деятельность). Следует отметить, что до 1995 г. даже самые маститые катакомбники различных ветвей (в т.ч. и андреевцы), лично знавшие и митр. Иосифа (Петровых), и архиеп. Димитрия (Любимова), и архиеп. Андрея (Ухтомского), ничего и никогда не слышали ни о «кочующих соборах», ни о выдуманных Сиверсом «епископах андреевской преемственности» (последним реальным каноническим епископом «андреевской ветви» ИПЦ считается схиэпископ Петр (Ладыгин, †1957) Глазовский).

К сожалению, на провокацию Сиверса поддались некоторые историки, доверившиеся публикациям Сиверса и введшие их в научный обиход. Так, ссылки на Сиверса можно встретить в ранних работах таких уважаемых ученых, как М. Шкаровский, И. Осипова и другие. На сегодняшний день не вызывает сомнений факт подлога и фальсификации Сиверсом материалов по истории Катакомбной Церкви, цель которых, по всей видимости, – ее дискредитация.

В частности, Сиверсом от «лица ИПЦ» открыто пропагандируются идеи нацизма, оккультизма, расизма и насилия. Помимо этого, А. Сиверс провозгласил А. Гитлера «мессией» и «святым», а его «Майн кампф» – «равной Библии». Им в интернете были растиражированы кощунственные «иконы» Гитлера. Он также утверждает, что Третий Рейх практически целиком состоял из «катакомбных православных немцев».⁵⁵⁸

Подобные публикации способствовали тому, что ФСБ, МВД и другими правительственными органами РФ Истинно-Православная Церковь официально была внесена в «черный» список деструктивных тоталитарных сект. Так, Министерство образования России, ссылаясь на «аналитическую информацию правоохранительных органов Российской Федерации», письмом №549/28-16 от 12 июля 2000 г. ко всем органам управления образованием субъектов Российской Федерации внесло Истинно-Православную Церковь в число иностранных тоталитарных сект, таких, как «Свидетели Иеговы», «Аум Синрике», «Церковь Саентологии» и даже секты сатанистов. Отмечая, что перечисленные деструктивные секты «наращивают целенаправленное разлагающее воздействие на определенные группы российского общества, в первую очередь детей и молодежь», замминистра образования Е.Е. Чепурных предписывал эту информацию «довести до сведения руководителей и педагогических коллективов образовательных учреждений страны, разработать мероприятия, препятствующие проникновению нетрадиционных религиозных объединений в образовательные учреждения Российской Федерации».⁵⁵⁹

[IV] Гурий (в миру Семен Павлович Павлов), родился 15/28 апреля 1906 г. в с. Средне-Кибеч Цивильского уезда Казанской губернии. В 1916 году окончил церковно-приходскую школу в родном селе, затем два года учился в селе Яндиково Казанской губернии. В 1920 году ушел из дома, жил в Свято-Александровском монастыре. После его закрытия в 1923 г. был послушником в нескольких монастырях — в Казанской губернии (в Макарьевском и Раифском монастырях) и Уфимской губернии (в Одигитринском монастыре). Примерно в 1927 г. переехал в Уфу, где жил при Симеоновской церкви. В это время группа православных чувашей, не признававших юрисдикцию митрополита Сергия (Страгородского), обратилась к архиепископу Андрею (Ухтомскому) с просьбой рукоположить для нее священника. Сам архиепископ Андрей находился в ссылке, но по его благословению епископ Аввакум (Боровков) в октябре 1928 г. постриг послушника Семена Павлова в монашество с именем Гурий и рукоположил во иеродиакон. Через несколько дней другой соратник владыки Андрея, епископ Вениамин (Троицкий) рукоположил его во иеромонахи. После этого о. Гурий некоторое время служил в селе Шутнерово Казанской губернии. Летом 1929 г. был арестован, сбежал из-под ареста через перепиленную ночью решетку. Служил тайно. В 1931 г. дважды арестовывался. В 1932 г. вновь арестован, отправлен в чебоксарскую тюрьму, был приговорен к трем годам лишения свободы. Срок заключения отбывал в Свирьлаге, откуда сбежал и вернулся

в Чувашию. Создал несколько тайных подземных церквей, в которых периодически служил. Согласно воспоминаниям, «первая такая церковь была маленькой, на 5-10 человек, а последняя – уже на 50-60 человек. Она была выкопана в селе Хурламал под домом одного из христиан, который и помогал о. Гурию строить эту церковь. Выкопанную землю они по ночам вывозили за село и сбрасывали в канаву, закрывая сверху слоем чернозема. Церковь была глубиной 30-35 ступеней вниз. У нее были настоящие своды, то есть, она была как бы под куполом, благодаря хорошей крепкой глине. В церкви был алтарь. Много лет прослужил в этой церкви о. Гурий, но потом пришлось уйти, так как сын хозяев женился на ненадежной девушке, которой нельзя было доверять». После смерти Сергия (Страгородского) и избрания нового патриарха Алексия (Симанского) о. Гурий «поверил в возрождение Русской Церкви» и пытался в 1945 г. поступить в состав клира Горьковской епархии МП, а потом и Киево-Печерской лавры, однако получил отказ из-за отсутствия паспорта. В 1947 г. был вновь арестован, но на следующий день бежал из окна больницы, в которой содержался под стражей. Тайно служил в городе Цивильске. В 1948 г. снова арестован, полтора года содержался в чебоксарской тюрьме, в 1949 г. этапирован в лагерь. За отказ от работы в церковные праздники и воскресные дни постоянно заключался в карцер. В 1956 г. был амнистирован. После освобождения тайно служил в Поволжье, под видом плотника и печника окормлял катакомбные общины. С другими катакомбными группами ИПЦ общения не имел. С 1962 г. проживал на станции Тюрлема, где у него была тайная церковь. Поминал на богослужениях первоиерархов РПЦЗ. В 1990 г., получив советский паспорт, выехал в США и был возведен митрополитом Виталием (Устиновым) в сан архимандрита. Также был выдвинут кандидатом во епископа. Его кандидатуру поддержал епископ Лазарь (Журбенко). Однако между о. Гурием и архиереями РПЦЗ возникли разногласия по поводу непризнания им клириков, рукоположенных в МП. Отец Гурий выступал против принятия из МП клириков в сущем сане, как это практиковала РПЦЗ, настаивая на полном перерукоположении духовенства и перекрещивании мирян. В связи с этим он отказался, чтобы в его хиротонии принимали участие архиереи, принявшие когда-то священство в МП. Не найдя в этом вопросе понимание с Синодом, о. Гурий с группой последователей отошел от единства с РПЦЗ и стал пытаться получить хиротонию от греков-старостильников. Сначала он обратился в Синод ИПЦ Греции под председательством архиепископа Афинского и всея Эллады Хризостома (Киусиса). Однако «хризостомовский» Синод, не желая обострения конфликта с РПЦЗ, воздержался от хиротонии о. Гу-

рия. После этого он обратился к Бостонской группе, отделившейся в 1980-е гг. от РПЦЗ и перешедшей под омофор греко-старостильного архиепископа Авксентия (Пастраса). Здесь 28 июля 1991 г. в Воскресенском храме г. Вустер (США) греческие архиереи рукоположили 89-летнего о. Гурия во епископа Казанского. Позже вл. Гурий стал искать пути примирения с РПЦЗ, воздержавшись от создания собственного течения. За четыре года своего епископства он не совершил ни одного иерейского рукоположения. Скончался владыка Гурий 7 января 1996 г., похоронен в Чувашии.

[V] Изучая положение Катакомбной Церкви послевоенного периода, в последнее время приходится встречать современные публикации, где утверждается, что во второй половине 1940-х годов была предпринята попытка объединить оставшихся в живых катакомбных епископов, духовенство и общины в единую централизованную структуру. Более того, сообщается, что в ноябре 1948 г. в г. Чирчик Ташкентской области был проведен «тайный архиерейский собор», в котором, по утверждениям бывшего монаха А. Сиверса, приняло участие восемь катакомбных архиереев. Однако, как теперь достоверно известно, такие слухи – вымысел и фальсификация известного в церковной среде авантюриста и провокатора А. Смирнова-Сиверса, самозванно провозгласившего себя в 1995 г. немецким графом и «епископом Готским».⁵⁶⁰

В предыдущей главе уже отмечалось, что проведение в период апогея сталинских репрессий какого-либо собора или совещания, пусть даже тайного, чревато было новыми арестами и окончательным уничтожением Катакомбной Церкви. Поэтому в целях усиления мер предосторожности и конспирации такое мероприятие не только было невозможным, но и нецелесообразным. С другой стороны, в 1940-е – 1950-е гг. оставшиеся на свободе катакомбные епископы и священники ИПЦ в своей деятельности продолжали опираться на Указ покойного патриарха Тихона (Белавина), Синода и Высшего церковного совета за № 362 «О самоуправлении», придерживаясь таким образом (в связи с чрезвычайной ситуацией – гонениями) практики «временной децентрализации» церковной жизни, что уже само по себе исключало необходимость созыва как высших органов церковного управления – Соборов, так и самой централизации тайной церковной жизни. К тому же из-за повальных репрессий и послевоенной разрухи крайне осложнено было сообщение между тайными епископами, а тем более возможность их совместного собрания в одном месте.⁵⁶¹

[VI] Отдельно стоит упомянуть о том, как серьезные смута и урон были нанесены ИПЦ в начале 1970-х гг. проникновением в ее

среди патриархийного иеромонаха Геннадия (Секача, †1987), выдававшего себя за «тайного схимитрополита». По его утверждениям, за три дня до смерти его единолично рукоположил в епископы «архиепископ» Серафим (Поздеев, †12.04.1972), выдававший себя также за «великого князя Михаила Александровича Романова», родного брата Св. Царя Мученика Николая II.⁵⁶² На самом деле Поздеев был малограмотным крестьянином удмуртского происхождения. В его биографии очень много «белых пятен». По его утверждениям, епископство он будто бы получил от самого патриарха Тихона за несколько дней до его кончины в 1925 г. Однако ни ставленнических грамот, ни других доказательств тому предъявлено не было. Сам Серафим Поздеев по-разному трактовал версию своей хиротонии, в одних случаях указывая, что был поставлен на Смоленскую кафедру, в других – на Новосибирскую. При этом его имя не значилось ни в одном каталоге русских православных епископов. Поэтому ни схиепископ Петр (Ладыгин), ни катакомбные священники старого поставления его не признавали, считая самозванцем. Не признал его и архиепископ Антоний (Голынский-Михайловский), запретивший своим последователям иметь с ним что-либо общее. По свидетельствам очевидцев, на самом деле Серафим Поздеев числился заштатным клириком Чкаловской (Оренбургской) епархии МП в сане архимандрита, регулярно получая в епархии пенсию.

В качестве «доказательства» епископской хиротонии Поздеевым иногда предъявлялась фотография, где он стоит рядом с патриархом Тихоном. Однако на самом деле человек в патриарших облачениях совершенно не был похож на св. Тихона. Данный подлог был рассчитан на малограмотных катакомбных прихожан-крестьян, никогда не видевших портрета патриарха Тихона. К тому же сам Серафим Поздеев на этой фотографии не в архиерейском клобуке, а в иерейской камилавке. Поэтому даже если бы эта фотография и была подлинной, она еще не подтверждает наличия епископского сана у Серафима Поздеева. Среди многих катакомбников также бытовала версия, что настоящий архиепископ Серафим погиб в лагере, а выступавший под его документами был самозванцем, выдававшим себя не только за катакомбного епископа, но и за родного брата императора Николая II. Частично такие подозрения подтверждают и сами последователи Серафима Поздеева: «Мы догадывались, что отец Серафим был не тем монахом Михаилом Поздеевым, за которого себя выдавал».⁵⁶³

В наше время, с раскрытием многих архивов, подозрения катакомбников относительно самозванчества Поздеева подтвердились. В 2000 г. Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН были обнародованы архивные материалы из след-

ственного дела Поздеева, где он сам признавался в самозванстве и мошенничестве.⁵⁶⁴

Но, кроме сомнительности епископского преемства самого Серафима Поздеева, большое сомнение вызывает и версия иеромонаха Геннадия (Секача) о его рукоположении Серафимом. По утверждению очевидцев, никакой «хиротонии» на самом деле не было. Более того, не было даже литургии, на которой такую «хиротонию» могли бы совершить. Полупарализованный и полуслепой Серафим Поздеев после ужина лишь благословил Геннадия быть архиереем, положив на него руки, не более. Вот как об этом рассказывала очевидец той встречи – супруга прот. Александра Калужного Вера Шабельник-Калюжная: «Отец Геннадий от Поздеева владыки Серафима Смоленского хиротонию не получал, т. к. Владыко был уже в схиме Антония, литургию по старости и по болезни не совершал... Владыко лежал в постели тяжело больным с бриллиантовой панагией. Увидев о. Геннадия, он снял с себя панагию и одел на о. Геннадия, и сказал: “будешь епископ”, и тут же снял с него панагию и одел опять на себя. Никакой хиротонии во епископа о. Геннадия от владыки не было...».⁵⁶⁵ То же самое подтвердила и послушница Серафима Поздеева Людмила Саадаева.⁵⁶⁶

Провозгласив себя «катакомбным епископом», патриархийный иеромонах Геннадий (Секач) в начале 1970-х гг. стал объезжать катакомбные общины ИПЦ и вносить в них смуты и расколы. Войдя в общение с другим последователем Серафима Поздеева – Алфеем Барнаульским (также будто бы единолично рукоположенным Серафимом во епископа), они уже вдвоем рукоположили в епископы еще одного патриархийного иеромонаха Феодосия (Гуменникова), который ранее служил вместе с о. Г. Секачем на приходах МП в Гомельской и Черниговской областях. Позже Геннадий и Феодосий рукоположили в епископы своего келейника иеромонаха Григория, также вместе с ними служившего на приходах МП. В середине 1970-х гг. Геннадий Секач в Грузии был привлечен к уголовной ответственности, но вскоре досрочно освобожден. Выйдя из заключения, неожиданно для всех объявил, что в тюрьме на Пасху 1977 г. с разрешения тюремного начальства был возведен в «митрополиты» пребывавшими там в заключении грузинскими «катакомбными митрополитами» Малхазом и Меладисосом (как выяснилось, таковых митрополитов никогда не существовало). Геннадий Секач утверждал, что начальником тюрьмы на Пасху был отведен в специальную камеру, где находился тайный тюремный храм и где служил собор грузинских и русских катакомбных архиереев.⁵⁶⁷ По его словам, архиереи в полном епископском облачении во время совершения

пасхальной литургии возвели его в «митрополиты» и поручили ему управление ИПЦ.⁵⁶⁸ В подобные сказки не поверили не только старые катакомбные священники, но даже и те, кто доверился ему в начале 1970-х гг. Одним из первых с ним порвал Алфей Барнаульский (†1985), который единолично совершил хиротонии над несколькими патриархийными священниками и создал собственную ветвь, где «тайные епископы» продолжали свое легальное служение в МП в качестве рядовых клириков (Евгений Жиганов и др.).⁵⁶⁹

В свою очередь, Геннадий Секач вместе с Феодосием Гуменниковым создал собственную неканоническую ветвь, которую также стал именовать «ИПЦ». За довольно короткий срок он поставил более десятка «архиереев». Рукополагал всех желающих. С этой целью он ездил по монастырям МП, собирая под свое начало бродячих патриархийных иеромонахов и рукополагая их в «епископы». При этом новоявленные «тайные архиереи» продолжали официально служить рядовыми священниками в МП, тогда как на квартирах они служили как «архиереи» (иером. Антоний Пилецкий, иерод. Херувим Дегтярь, иером. Адриан Лапин и др.).⁵⁷⁰ Сам Геннадий Секач продолжал числиться заштатным клириком РПЦ МП, ежемесячно получая пенсию в патриархии.⁵⁷¹ Одного из своих сыновей он устроил священником в РПЦ МП. Образ жизни вел открытый, по улицам ходил в рясе.

Так к середине 1970-х гг. в РПЦ МП оформилось «внутрипатриархийное сектанство», которое многие ошибочно отождествляют с ИПЦ. К концу 1980-х – началу 1990-х гг. эти группы раскололись на многочисленные течения (исаакиевцы, епифановцы, феодосиевцы, васильевцы, херувимовцы и пр.). От «секачевской» ветви ведет свое начало и параклитическая секта Иоанна Береславского «Богородичный центр». Из ее среды также вышел самозванный «епископ Яснополянский» Викентий Чекалин, положивший в 1990 г. начало иерархической преемственности в УАПЦ и УПЦ-КП, от которых иерархически ведет свое происхождение ряд современных российских групп «альтернативного православия».⁵⁷² Некоторые из них именуют себя «ИПЦ», однако на самом деле ничего общего с исторической ИПЦ не имеют.

[VII] Как отмечается на сайте Православного Свято-Тихоновского государственного университета (ПСТГУ), «биографические данные об Антонии (Гольнском) достаточно смутны и противоречивы. Они известны в нескольких вариантах, соединить которые в одно сколько-нибудь соответствующее целое практически невозможно». Самым сложным является определить, кем же он был на самом деле. В одних своих биографичес-

ких данных Антоний указывал, что на самом деле он Михайловский Иван Ильич, родившийся в 1878 г. в Орловской губернии, в начале 1930-х гг. был арестован и приговорен к расстрелу, однако в тюрьме обменялся документами с Голынским Тихоном Ивановичем, расстрелянным вместо него, а сам он под именем Голынского был выпущен на свободу и с тех пор стал выступать под чужим именем. В других своих данных он указывал, что на самом деле являлся Голынским Т. И., родившимся в 1889 г. в Брянской губернии, но выступавшим под именем Михайловского И. И. Как отмечают в ПСТГУ, «по одной из версий, указанных в материалах дела: 24.10.1994 г. Черногорский ГО НКВД Хакасской АО на основании временного удостоверения, выданного Дядьковским РОМ НКВД Орловской обл., оформил Голынскому паспорт на имя Михайловского» (умершего в 1943 г. в Абакане). Кроме того, согласно показаниям Голынского-Михайловского, в мае 1917 г. он был избран заместителем председателя армейского революционного комитета и делегатом I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, в ноябре того же года был делегатом II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, на котором вошел в состав Президиума съезда, а также был избран членом Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов и объединенного ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Был лично знаком с В. Лениным. В январе 1918 года – делегат III Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, на котором повторно избран членом ВЦИК, а в апреле того же года по заданию Президиума ВЦИК выехал из Москвы в Смоленск с целью руководства подготовкой по внедрению в жизнь Декрета СНК о земельной реформе. Осенью того же года переехал в Брянск, где был назначен заведующим Вороновским волостным отделом народного образования, а в 1919 г. стал председателем Вороновской общины евангельских христиан-баптистов. По одним данным, после возвращения в православие он был 4 июля 1922 г. в Брянске рукоположен во священника епископом Амвросием (Смирновым), по другим данным – в сан священника он был рукоположен 30 января 1913 г. в Московском Богоявленском соборе митрополитом Владимиром (Богоявленским), а 12 июля 1922 г. в московском соборе св. Трифона по благословению патриарха Тихона рукоположен во епископа, викария Брянской епархии. По этим данным, хиротонию совершали митр. Арсений (Стадницкий), митр. Борис (Рукин?), архиеп. Амвросий (Смирнов) и архиеп. Серафим (Остроумов). В других данных он утверждал, что в 1922 г. в Москве он был рукоположен во священника патриархом Тихоном, а во епископа был тайно рукоположен во время пребывания в ссылке в 1937 г. в пос. Княж-Погост Вым-

ского р-на Коми АССР ссыльными архиереями митр. Анатолием (Грисюком), архиеп. Ювеналием (Машковским), архиеп. Вассианом (Пятницким) и еп. Агафангелом (Садовским). Кроме того, по его свидетельствам, митр. Анатолий (Грисюк), учитывая короткий срок наказания Голынского-Михайловского, поручил ему по освобождении возглавить общины ИПЦ и возвел его для этого в сан архиепископа. Однако здесь возникает очередная неувязка, поскольку митр. Анатолий (Грисюк) никогда не принадлежал к ИПЦ, был убежденным сергианином и членом «временного синода» митр. Сергия (Страгородского), более того, последним он был назначен на Одесскую кафедру вместо примкнувшего к ИПЦ архиеп. Прокопия (Титова) Одесского и Херсонского. Таким образом, митр. Анатолий (Грисюк) никак не мог назначить архиеп. Антония (Голынского-Михайловского) руководителем общин ИПЦ. Точно так же и архиеп. Вассиан (Пятницкий) был сторонником «григорианского раскола», а в 1927 г. примкнул к сергианскому синоду, а еп. Ювеналий (Машковский) принадлежал к обновленческому расколу и в 1935 г. тоже примкнул к сергианскому синоду. Никто из этих архиереев к ИПЦ не примыкал.

Выйдя из заключения 22.09.1942 г., Антоний оформил себе паспорт на имя умершего Михайловского И. И. и под его именем прописался в Черногорской ГО НКВД Хакасской АО. С этого времени он начинает ездить по общинам ИПЦ под именем «архиепископа Антония», приняв постепенно под свое окормление некоторые катакомбные общины в Краснодарском и Ставропольском краях, а также в Крыму и Саратовской обл. Кроме того, архиеп. Антоний принимает под свое окормление некоторые нелегальные общины из т.н. «григорианского раскола». 10 марта 1950 г. был арестован Балашовским РО МГБ, при этом, как свидетельствовали многие катакомбники, в тюрьме его «сломили» и заставили дать показания о других катакомбниках, в связи с чем на протяжении месяца было арестовано около 120 человек. На следствии заявил, что на самом деле не епископ и что самозванно выступал в качестве епископа под чужими именами и документами. Заключение отбывал в Дубравлаге в Мордовии (Особый лагерь МВД СССР близ ж/д станции Потьма). 2.06.1956 г. освобожден, проживал в Сочи, на Донбассе, а также в пос. Ирпень и пос. Буча под Киевом. После освобождения вновь пытался объединить под своим началом катакомбные общины ИПЦ, однако многие катакомбные священники, после его признаний в 1950 г., отказались его признавать, некоторые рукоположенные им священники сняли с себя сан. По свидетельствам ряда его последователей, после заключения он признал МП и числился там на по-

кое, однако продолжал нелегально окормлять признававшие его катакомбные общины ИПЦ, тайно рукоположив для них около 25 священников. Умер 31.03./13.04.1976 г., похоронен в пос. Лесная Буча под Киевом.⁵⁷³

[VIII] Феодосий (в миру Бахметьев Феодор Андреевич) родился в 1894 г. в Черниговской губ. (по другим данным – в 1902 г. в Киевской губ.). По его свидетельствам, был насельником Киево-Печерской Лавры, где пострижен в монашество с именем Феодосий и рукоположен во иеромонахи. Однако бывший насельник Киево-Печерской Лавры, катакомбный иеросхимонах Феодосий (Белов) не подтвердил этих сведений. Архиепископ Ермоген (Голубев) также свидетельствовал, что такого иеромонаха в Киево-Печерской Лавре не было. В 1920–1930 гг. подвергался арестам, отбывал срок наказания в Белбалтлаге. 1941 г. – настоятель Бельчанского м-ря. В годы войны стал выдавать себя за епископа, однако от кого получил хиротонию, не признавался. Ставленнических грамот не имел. По одной из версий, был рукоположен обновленцами, по другой – «автокефалистами» или «автономовцами». В 1946 г. был арестован, однако вскоре освобожден. В 1951 г. вновь арестован в Киеве, приговорен к 8 годам ИТЛ. 1958 г. – в ссылке в с. Макруши Казаченского р-на Красноярского края. С 1966 г. проживал в г. Березовский Свердловской области в семье Калюжных. Выдавал себя за катакомбного архиепископа, однако катакомбное духовенство «тихоновско-иосифлянкой» преемственности не признало его. 10 апреля 1986 г. скончался от побоев в пос. Тоншаево Горьковской (Нижегородской) области.

[IX] Викентий (Чекалин Виктор Владимирович) родился в 1952 г. В конце 1970-х закончил Тульский политехнический институт, где был заместителем секретаря комсомола. С 1981 г. работал кладовщиком, псаломщиком, а позже иподиаконом при кафедральном соборе РПЦ МП в г. Тула. Был женат. После развода в 1982 г. рукоположен в РПЦ МП «целибатом» в диаконы, а в 1983 г. переведен в Московский Даниловский монастырь, где нес послушание келаря.⁵⁷⁴ В монастыре В. Чекалин близко сошелся с иеромонахом Исаакием Анискиным (впоследствии основоположник течения «исаакиевцев»), который знакомит его с проживавшим в Москве «секачевским» епископом Владимиром (Абрамовым). По предложению еп. В. Абрамова Чекалин принимает монашеский постриг с именем Викентий и рукополагается во иеромонахи полуподпольного течения «секачевцев» (*по имени патриархийного иером. Геннадия (Секача), самозванно объявившего себя «катакомбным митрополитом»*), при этом официально

продолжая служить как целибатный диакон в РПЦ МП. Уже в мае 1984 г. В. Чекалин отчислен из монастыря. Как вспоминал об этом настоятель Данилова монастыря архиеп. Евлогий (Смирнов): «Видимо, он все-таки искал не монашества, а хорошей должности и возможности жить в монастыре на широкую ногу. Позже мне рассказывали, что диакон, вернувшись в Тулу, долгое время выдавал себя за «даниловца», преследуя личные цели. Священник, рекомендовавший его, впоследствии извинялся предо мной».⁵⁷⁵

В марте 1986 года Чекалин устроился работать учителем труда и математики в восьмилетнюю школу в селе Ягодное Калужской области. Однако здесь, по заявлению родителей школьников, в сентябре 1986 г. был арестован по обвинению в растлении несовершеннолетних. Полгода отсидел в Калужской тюрьме, из них 3 месяца в одиночке. В ходе следствия был подвержен психиатрической экспертизе, после чего 26 февраля 1987 г. по приговору Ульяновского народного суда Калужской области признан виновным и приговорен по ст. 120 УК РСФСР («развратные действия в отношении несовершеннолетних») к 3,5 годам принудительно-исправительных работ в Калужской области.⁵⁷⁶ Однако уже в декабре 1987 г. был досрочно освобожден и вернулся в Тулу. Выйдя на свободу, усыновил своего бывшего ученика. Для этого он женился на больной раком матери мальчика, которая вскоре после свадьбы умерла.⁵⁷⁷

15 мая 1988 г. В. Чекалин «за двоеженство» был лишен диаконского сана Московской патриархией. Самозванно провозгласив себя «епископом Тульским и Яснополянским», в декабре 1989 г. В. Чекалин едет в США, где пытается внедриться в РПЦЗ. Но в Синоде РПЦЗ, благодаря катакомбному епископу Лазарю (Журбенко) Тамбовскому, его авантюра и самозванство были раскрыты, и, после того как он в алтаре синодального собора в Нью-Йорке пытался украсть антиминс, архиерейскую панагию и дискос, был со скандалом изгнан.

Возвратившись в феврале 1990 г. в СССР, Чекалин, под видом «архиерея РПЦЗ», вместе с ушедшим на покой бывшим епископом Житомирским РПЦ МП Иоанном (Боднарчуком) совершает хиротонии двух первых епископов для новообразованной Украинской Автокефальной Православной Церкви (УАПЦ), положив начало ее иерархической преемственности. Вот как об этом свидетельствует один из основоположников УАПЦ прот. Владимир Ярема (впоследствии патриарх УАПЦ Димитрий, †2000), настоятель Петропавловской церкви г. Львова, в которой происходили эти хиротонии и участником которых он являлся:

«Теперь одного епископа (т.е. Иоанна Боднарчука – прим. авт.) было уже мало и пришлось думать об установлении иерархии для

других епархий. С помощью епископа Зарубежной Русской Церкви Викентия состоялись хиротонии епископов, теперь уже архиепископов, Василия (родного брата И. Боднарчука – прим. авт.) Тернопольского и Бучацкого и Андрея (Абрамчука – прим. авт.) Ивано-Франковского и Коломыйского. Вскоре уже своими архиереями были хиротонизованы Данило (Ковальчук – прим. авт.) Черновицкий и Хотынский, Владимир (Романюк, впоследствии Патриарх УПЦ-КП, †1995 – прим. авт.) Ужгородский и Хустский, Роман (Блащук, один из основоположников т.н. “РосИПЦ” – прим. авт.) Черниговский и Сумской Антоний (Масендич, один из основоположников УПЦ-КП, впоследствии перешел в МП, где принял перерукоположение – прим. авт.) Ровенский и Житомирский». ⁵⁷⁸

В конце 1990 г. В. Чекалин обращается к главе украинских греко-католиков – митрополиту Владимиру (Стернюку), тайно рукоположенному еще в 1960-е гг. вышедшим из заключения кардиналом Иосифом Слипым для окормления последователей подпольной УГКЦ. Как сообщил Чекалин в интервью «Вестнику ИРАР» (февраль 1991 г.): «4 января 1991 г. во Львове митрополит Владимир Стернюк совершил мое присоединение к епископату Католической церкви. 10 января властью папы Римского Иоанна Павла II была подписана Грамота о моем назначении Первоиерархом Российской катакомбной католической церкви с правом назначения и приема епископов, образования епархий и со всеми остальными правами управления».

В конце 1991 г. В. Чекалин пытался присоединиться к Старо-Католической церкви, но и здесь долго не задержался. Согласно сообщениям СМИ, выкрыв из семьи малолетнего мальчика, Чекалин, сменив фамилию на Берг, бежал с ним в Австралию, за что разыскивался Интерполом. В Австралии он служил простым священником одного из крайне либеральных течений Епископальной церкви. ⁵⁷⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по.: Новоселов М.А. Письма друзьям. – М.: ПСТБИ, 1994. – С. 87-88.

² Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви, 1917–1945. – Париж: Имка-пресс, 1977. – С. 34-35.

³ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 35.

⁴ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 38.

⁵ Венок на могилу Высокопреосвященного митрополита Владимира. – Киев, 1918; Польский М., прот. Новые мученики Российские. – Джорданвилл, Н.И., 1949. – Т. 1. – С. 20-24; Грабе Григорий, епископ. Русская Церковь перед лицом господствующего зла. – Джорданвилл, Н.И., 1991. – С. 23; История Русской Православной Церкви. От восстановления патриаршества до наших дней. Т. 1: 1917-1970. – СПб., 1997. – С. 120.

⁶ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 1995. – С. 49-50.

⁷ Поспеловский Д. В. Там же.

⁸ Поспеловский Д. В. Там же.

⁹ Поспеловский Д. В. Там же. – С. 40-41.

¹⁰ Регельсон Л.Л. Указ.соч. – С. 227; Поспеловский Д. В. Там же. – С. 50.

¹¹ Поспеловский Д. В. Там же. – С. 50.

¹² Поспеловский Д. В. Там же. – С. 50.

¹³ Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 229-231; Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды (1700-2005). – М.: Сретенский монастырь, 2010. – С. 363.

¹⁴ Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. – М.: Изд-во Правосл. Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. – С. 855; Регельсон Л.Л. Там же. – С. 238.

¹⁵ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 862; Регельсон Л.Л. Там же. – С. 241.

¹⁶ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 839.

¹⁷ Тобольские Епархиальные Ведомости. – 1919. – № 8-9.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Шумило С.В. Претерпевший до конца. Материалы к жизнеописанию священномученика Василия, архиепископа Черниговского и Нежинского // Троицкий вестник (орган Черниговской епархии УПЦ). – 1996, август. – № 8 (28). – С. 4; Шумило В.В. Новосвященно-

мученик Василий, архиепископ Черниговский // Вера и Жизнь, Чернигов. – 1995. – № 1 (8). – С. 2-4.

²⁰ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 82-84; Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 40-41.

²¹ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 149-153; Регельсон Л.Л. Там же. – С. 251-255.

²² Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 144-147; Регельсон Л.Л. Там же. – С. 248.

²³ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 257-258.

²⁴ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 159; Регельсон Л.Л. Там же. – С. 258-259.

²⁵ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 259.

²⁶ История Русской Православной Церкви... – С. 157.

²⁷ Регельсон Л.Л. Указ.соч. – С. 266.

²⁸ История Русской Православной Церкви... – С. 156.

²⁹ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 169.

³⁰ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 176-177.

³¹ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 178, 195; Поспеловский Д. Указ.соч. – С. 103.

³² Там же.

³³ История Русской Православной Церкви... – С. 173; Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 278; Поспеловский Д. Там же. – С. 103-104.

³⁴ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 280-284.

³⁵ Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. – М., 1997. – С. 35; 83-85; Покровский Н.Н. Предисловие // Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925. – М.-Новосибирск, 1997. – Кн. 1. – С. 9-10.

³⁶ Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 285.

³⁷ Граббе Г., еп. Указ. соч. – С. 42.

³⁸ Польский М., прот. Указ. соч. – С. 214; Регельсон Л.Л. Указ.соч. – С. 314; Поспеловский Д. Указ. соч. – С. 106.

³⁹ Покровский Н.Н. Указ. соч. – С. 48-49; 212.

⁴⁰ История Русской Православной Церкви... – С. 522-523.

⁴¹ Игумен Варсонофий и его вклад в деятельность Александро-Невского братства // Игумен Варсонофий (Веревкин). Учение о молитве по Добротолочию. – Рыбинск, 2002. – С. 26-43.

⁴² Смолич И.К. Русское монашество. 988–1917. Жизнь и учение старцев. Приложение к «Истории Русской Церкви». – М., 1999. – С. 563.

⁴³ Левин О.Ю., Просветов Р.Ю., Алленов А.Н. Кирсанов Православный. – М., 1999. – С. 101-102.

⁴⁴ История Русской Православной Церкви... – С. 168.

⁴⁵ Поспеловский Д. Указ. соч. – С. 106.

⁴⁶ История Русской Православной Церкви... – С. 168.

- ⁴⁷ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 217; Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 285-286.
- ⁴⁸ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 287-288; История Русской Православной Церкви... – С. 181.
- ⁴⁹ Там же. – С. 181.
- ⁵⁰ Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов. – М.: ПСТБИ, 2000; Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 290; Грабе Г., еп. Указ. соч. – С. 42; История Русской Православной Церкви... – С. 176-177.
- ⁵¹ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 294, 298-303; История Русской Православной Церкви... – С. 178-179.
- ⁵² Польский М., прот. Указ. соч. – С. 214; Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 314.
- ⁵³ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 89-90, 354-355.
- ⁵⁴ Польский М. прот. Положение Церкви в Советской России // Путеводитель по православной аскетике. Серия «О духовном рассуждении». Вып. 3. – СПб., 1999. – С. 142.
- ⁵⁵ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 74, 296-297.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Пospelовский Д. Указ. соч. – С. 70.
- ⁵⁸ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 218-219; Граббе Г., еп. Указ. соч. – С. 38-39.
- ⁵⁹ Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 74.
- ⁶⁰ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 78.
- ⁶¹ Цыпин В., прот. Указ. соч. – С. 393-394.
- ⁶² Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 310.
- ⁶³ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 84.
- ⁶⁴ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 89.
- ⁶⁵ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 91.
- ⁶⁶ История Русской Православной Церкви... – С. 526-527.
- ⁶⁷ Вострышев М.И. Божий избранник. Крестный путь святейшего Тихона, патриарха Московского и всея Руси. – М.: Современник, 1990. – С. 145.
- ⁶⁸ Осипова И.И. Сквозь огонь мучений и воды слез... Гонения на Истинно-Православную Церковь. – М., 1998. – С. 10.
- ⁶⁹ Осипова И.И. Там же. – С. 10.
- ⁷⁰ Церковные ведомости. – 1926, № 17-18. – С 6-7; Регельсон Л. Л. Указ. соч. – С. 269-270; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви. 1927–2007 // Сост. Шумило В.В., Шумило С.В. – Киев-Чернигов: Вера и жизнь, 2008. – С. 44-46; Граббе Григорий., епископ. Завет святого патриарха. – М., 1996. – С. 311-319.
- ⁷¹ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 219-221; Цыпин В., прот. Указ. соч. – С. 391; Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 72-73, 79-80; Граббе Г., еп. Русская Церковь перед лицом господствующего зла. – С. 36-37; Граббе Г., еп. Завет святого патриарха. – С. 23.

- ⁷² Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 79.
- ⁷³ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 81.
- ⁷⁴ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 328.
- ⁷⁵ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 329.
- ⁷⁶ Суд над Богом // Безбожник. - 1923, 11 марта. – №5-6. – С. 5; Валентинов А. Черная книга (Штурм небес). Сборник документальных данных о борьбе советской власти против религии. Вступительная статья П. Струве. – Париж, 1925 г. – С. 248-249.
- ⁷⁷ Введенский А., прот. За что лишили сана бывшего патриарха Тихона. Речь прот. А. И. Введенского на заседании 2-го Всероссийского Поместного Собора 3-го мая 1923 года в Москве. – М.: Красная Новь, 1923; Цыпин В., прот. Указ. соч. – С. 394-395; Регельсон Л.Л. Там же. – С. 329.
- ⁷⁸ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 329.
- ⁷⁹ Граббе Г., еп. Русская Церковь перед лицом господствующего зла. – С. 42.
- ⁸⁰ Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 330.
- ⁸¹ Поспеловский Д. Указ. соч. – С. 74.
- ⁸² Польский М., прот. Указ. соч. – С. 144.
- ⁸³ Граббе Г., еп. Указ. соч. – С. 40-41.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Граббе Г., еп. Там же. – С. 41; Поспеловский Д. Указ. соч. – С. 72.
- ⁸⁶ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 290; Граббе Г., еп. Указ. соч. – С. 42; История Русской Православной Церкви... – С. 176-177; Поспеловский Д. Указ. соч. – С. 109.
- ⁸⁷ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 280-281.
- ⁸⁸ Поспеловский Д. Там же. – С. 110.
- ⁸⁹ Виноградов В.П. прот. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности святейшего Патриарха Тихона // Церковно-исторический вестник. – 1998. – №1.
- ⁹⁰ Акты святейшего патриарха Тихона... – С.224.
- ⁹¹ Польский М., прот. Указ. соч. – С. 142.
- ⁹² Поспеловский Д. Указ. соч. – С. 75.
- ⁹³ Поспеловский Д. Там же. – С. 73.
- ⁹⁴ Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 354-355.
- ⁹⁵ Поспеловский Д. Указ. соч. – С. 157.
- ⁹⁶ Граббе Г., еп. Указ. соч. – С. 52-53; Регельсон Л.Л. Там же. – С. 65, 93, 362-363; Андреев И.М., проф. Русская Зарубежная Церковь и Католическая Церковь в Советской России. Документальные данные о начале раскола Русской Церкви на «Советскую» и «Катакомбную» // Луч Света. Учение в защиту Православной веры, в обличение атеизма и в опровержение доктрин неверия. – Джорданвилл, Н.Й., США, Свято-Троицкий монастырь РПЦЗ, 1970. – Ч. 2. – С. 119-120.
- ⁹⁷ Польский М., прот. Новые мученики Российские. – Т. 2. – С. 21.

- ⁹⁸ Польский М., прот. Там же. – С. 21.
- ⁹⁹ Польский М., прот. Там же. – С. 21.
- ¹⁰⁰ Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 93.
- ¹⁰¹ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 357.
- ¹⁰² Граббе Г., еп. Указ. соч. – С. 55; Краснов-Левитин А.Э., Шавров В. М. Очерки по истории русской церковной смуты: (20–30 гг. XX в.). – Кюзнахт, Швейцария, 1977. – С. 31; Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 385–386; Схиепископ Петр (Ладыгин) // Православная жизнь, Джорданвилль, США. - 2002. - №№ 10–12; Регельсон Л.Л. Там же. – С. 374–375; Схиепископ Петр (Ладыгин). Непоколебимый столп Церкви Катакомбной // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=-1048>.
- ¹⁰³ Андреев И.М. Указ. соч. – С. 119–120.
- ¹⁰⁴ Краснов-Левитин А.Э., Шавров В.М. Указ. соч. – С. 31.
- ¹⁰⁵ Польский М., прот. Положение Церкви в Советской России... – С. 149.
- ¹⁰⁶ Польский М. прот. Указ. соч. – С. 150; Граббе Г., еп. Указ. соч. – С. 54; Граббе Г., протопр. Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом. – Джорданвилл, Н.И., 1961. – С. 33–60; Виноградов В.П. прот. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности святейшего Патриарха Тихона // Церковно-исторический вестник. – 1998. – №1. – С.14; Осипова И.И. О, Премилосердый, буди с нами неотступно... Воспоминания верующих Истинно-Православной (катакомбной) Церкви. Конец 1920-х – начало 1970-х годов. – М.: Братонез, 2008. – С. 14–15.
- ¹⁰⁷ Андреев И.М. Указ. соч. – С. 119–120.
- ¹⁰⁸ Виноградов В.П. прот. Указ. соч. – С.14.
- ¹⁰⁹ Виноградов В.П, протопр. Там же.
- ¹¹⁰ Сафонов Д.В. К проблеме подлинности «завещательного послания» патриарха Тихона // Православие.RU: сетевой журнал. 2010. URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrtikhon-zaveschanie1.htm>
- ¹¹¹ Сафонов Д.В. Там же. URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/patrtikhon-zaveschanie3.htm>
- ¹¹² Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 413; Цыпин В. прот. Указ.соч. – С. 407.
- ¹¹³ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 413; Цыпин В. прот. Там же. – С. 407.
- ¹¹⁴ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 413–417; Цыпин В. прот. Там же. – С. 407; Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 97–100.
- ¹¹⁵ Цит. по: Орловский Дамаскин, иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX века: жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. – Тверь: Булат, 1996. – С. 350–351.
- ¹¹⁶ Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 386–387.

¹¹⁷ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 402; История Русской Православной Церкви... – С. 207; Осипова И.И. О, Премилосердый... – С. 15.

¹¹⁸ Орловский Дамаскин, иером. Указ. соч. – С. 350-351; Поспеловский Д. Указ. соч. – С. 78-79; Цыпин В. прот. Указ. соч. – С. 410-411; История Русской Православной Церкви... – С. 207; Осипова И.И. Там же. – С. 15.

¹¹⁹ Орловский Дамаскин, иером. Указ. соч. – С. 350.

¹²⁰ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 402; Орловский Дамаскин, иером. Там же. – С. 350-351.

¹²¹ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 421-422.

¹²² Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 421-422.

¹²³ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 422; Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 101.

¹²⁴ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 402.

¹²⁵ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 402; Цыпин В. прот. Указ. соч. – С. 412; Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 101, 390; Орловский Дамаскин, иером. Указ. соч. – С. 350-351.

¹²⁶ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 423.

¹²⁷ Граббе Г., еп. Указ. соч. – С. 56.

¹²⁸ Зеленогорский М. Л. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). – М.: Терра, 1991.

¹²⁹ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 423-426; Цыпин В. прот. Указ. соч. – С. 413-414.

¹³⁰ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 451-454; Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 109-111.

¹³¹ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 462-464; Граббе. Указ. соч. – С. 60.

¹³² Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 467; Граббе Г., еп. Указ. соч. – С. 60; Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 110-111

¹³³ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 475.

¹³⁴ Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви: Житие и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2004. – С. 249; Мазырин А., иерей. Священномученик митрополит Кирилл (Смирнов) как глава «правой» церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей // Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930 годах. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. – С. 57-196; Цыпин В. прот. Указ. соч. – С. 419-420; Граббе Г., еп. Указ. соч. – С. 72; Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 114.

¹³⁵ Журавский А.В. Указ. соч. – С. 257.

¹³⁶ Журавский А.В. Указ. соч. – С. 251-252.

¹³⁷ Журавский А.В. Указ. соч. – С. 249; Граббе Г., еп. Указ. соч. – С. 72; Цыпин В. прот. Указ. соч. – С. 419-420.

¹³⁸ Журавский А.В. Указ. соч. – С. 245-301; Цыпин В. прот. Указ. соч. – С. 419-420.

¹³⁹ Журавский А.В. Указ. соч. – С. 277-278; Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 114.

¹⁴⁰ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 114.

¹⁴¹ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 422; Регельсон Л.Л. Там же. – С. 114-115.

¹⁴² Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 489-490; Цыпин В. прот. Указ. соч. – С. 420; Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 115.

¹⁴³ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 490-492.

¹⁴⁴ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 490-492; Цыпин В. прот. Указ. соч. – С. 420.

¹⁴⁵ Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. – СПб.: НИЦ «Мемориал», 1999. – С. 10; Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 122.

¹⁴⁶ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 117; 429.

¹⁴⁷ Цыпин В. прот. Указ. соч. – С. 422; Регельсон Л.Л. Там же. – С. 117.

¹⁴⁸ Шкаровский М.В. Указ. соч. – С. 31.

¹⁴⁹ Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 117; 429.

¹⁵⁰ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 705-707; Граббе Г., еп. Указ. соч. – С. 64-71; Регельсон Л.Л. Там же. – С. 184-186.

¹⁵¹ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 509-513; Регельсон Л.Л. Там же. – С. 117-118.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Новомученики и Исповедники Российские о сергианстве и Московской патриархии // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=956>

¹⁵⁶ Шкаровский М.В. Указ. соч. – С. 12.

¹⁵⁷ Шкаровский М.В. Там же. – С. 13.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Новомученики и Исповедники Российские о сергианстве и Московской патриархии. Там же.

¹⁶⁰ Иванов П.Н. Новомученик Российской церкви Святитель Павел (Кратиров). – Казань: Тан, 1992. – С. 24-25.

¹⁶¹ Осипова И.И. О, Премилосердый... – С. 16-17.

¹⁶² Шкаровский М.В. Указ. соч. – С. 67.

¹⁶³ Пред судом Божиим. Русская Зарубежная Церковь и Московская патриархия. – Монреаль, 1990; Шумило В.В. Схиархимандрит Лаврентий и его время. Очерк церковной истории Черниговщины (1868-1950). – Чернигов: Вера и жизнь. – С. 13-14; Дамаскин (Цедрик)

// Древо. Открытая православная энциклопедия: сетевой журнал. 2010. URL: <http://drevo-info.ru/articles/15926.html#5>

¹⁶⁴ Л[опушанская] Е. Епископы Исповедники. – Сан-Франциско, 1971; Шумило В.В. Указ. соч. – С. 19-20.

¹⁶⁵ Польский М., прот. Положение Церкви в Советской России... – С. 174-175; Польский М., прот. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. – Джорданвилл, Н.И., 1948; Шумило В.В. Указ. соч. – С. 10.

¹⁶⁶ Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 179; Осипова И.И. О, Премилосердый... – С. 18.

¹⁶⁷ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 136-137.

¹⁶⁸ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 605-609; 643-644; Регельсон Л.Л. Там же. – С. 168-169; Польский М., прот. Указ. соч. – С. 174-175; Польский М., прот. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. – Джорданвилл, Н.И., 1948.

¹⁶⁹ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 136.

¹⁷⁰ Снычев Иоанн, митр. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия: григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие. Их особенность и история. – Сортавала, 1993. – С. 202-203.

¹⁷¹ Снычев Иоанн, митр. Расколы // Христианское чтение. – 1991. – № 6. – С. 19.

¹⁷² Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 465; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 9; Андреев И.М., проф. Русская Зарубежная Церковь и Катакомбная Церковь в Советской России. Документальные данные о начале раскола Русской Церкви на «Советскую» и «Катакомбную» // Луч Света. Учение в защиту Православной веры, в обличение атеизма и в опровержение доктрин неверия. – Джорданвилл, Н.И., США, Свято-Троицкий монастырь РПЦЗ, 1970. – Ч. 2. – С. 119-120; Андреев И., проф. Заметки о Катакомбной Церкви в СССР // Православная Русь, 1947; Андреев И.М. Истоки раскола Русской Православной Церкви на Советскую и катакомбную // Владимирский православный календарь на 1960 г. – Джорданвилл, Н.И., 1960. – С. 36-35; Андреев И.М. Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней // Православный путь. – Джорданвилл, Н.И. – Ч. 1, 1952; Ч. 2, 1953.

¹⁷³ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 465; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 9; Андреев И.М. Указ. соч.

¹⁷⁴ Регельсон Л. Там же. – С. 117, 429; Граббе Г., еп. Указ. соч. – С. 73.

¹⁷⁵ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 139, 179; Шкаровский М. В. Указ. соч. – С. 3.

¹⁷⁶ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 575.

¹⁷⁷ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 636-641.

- ¹⁷⁸ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 572-574.
- ¹⁷⁹ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 570-572.
- ¹⁸⁰ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 681-682; 691-692; Прот. Владимир Воробьев, О.В. Косик. Слово Местоблюстителя. Письма Местоблюстителя священномученика митрополита Петра (Полянского) к митрополиту Сергию (Страгородскому) из Тобольской ссылки и люди, послужившие появлению этих документов // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. – 2009. – Вып. II:3 (32). – С.37–69.
- ¹⁸¹ История Русской православной церкви... – С.533.
- ¹⁸² Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 136, 434; Шумило В.В. Указ. соч. – С. 12.
- ¹⁸³ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 579.
- ¹⁸⁴ Шкаровский М. В. Указ. соч. – С. 3; История Русской православной церкви... – С. 529.
- ¹⁸⁵ Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 10; Осипова И.И. О, Премилосердный... – С. 24.
- ¹⁸⁶ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 571; Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 150.
- ¹⁸⁷ Л[опушанская] Е. Епископы Исповедники. – Сан-Франциско, 1971; Шумило В.В. Указ. соч. – С. 19-20.
- ¹⁸⁸ Польский М., прот. Положение Церкви в Советской России. – С. 169.
- ¹⁸⁹ Интервью с главой Патриаршей Православной Церкви в СССР Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием и его Синодом // Известия ЦИК. – 1930, 16 февраля. – № 46 (3893).
- ¹⁹⁰ Правда о религии в России. – М.: Изд-во Московской патриархии, 1942.
- ¹⁹¹ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 464–465.
- ¹⁹² Регельсон Л.Л. Там же. – С. 465.
- ¹⁹³ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 605-609; 643-644.
- ¹⁹⁴ Регельсон Л. Там же. – С. 117, 139. 429; Граббе Г., еп. Указ. соч. – С. 73.
- ¹⁹⁵ Регельсон Л.Л. Там же. – С. 117.
- ¹⁹⁶ В мире нет ничего важнее спасения и воссоединения человека со своим Творцом. Интервью с архиепископом Тихоном Омским и Сибирским, председателем Синода РИПЦ // Имперский вестник, Новосибирск. 2005, июль-август. – № 87. – С. 8.
- ¹⁹⁷ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 562; Шкаровский М. В. Указ. соч. – С.29; История Русской Православной Церкви... – С. 529.
- ¹⁹⁸ Польский М., прот. Новые мученики Российские. – Т. 2. – С. 71–72.

¹⁹⁹ Белгородская А.В. Потаенная Россия // Православная жизнь. – Джорданвилл, Н.И., 1997. – № 1 (565). – С. 3.

²⁰⁰ Из новейшей истории Русской Церкви // Православная Русь. – 1995. – №14. – С.7; Лихачев Д.С. Воспоминания. – СПб.: Логос, 1995.

²⁰¹ Урусова Н.В. Материнский плач Святой Руси. – М.: Русский па-ломник, 2009. – С. 336; 347-348.

²⁰² Шумило В.В. Указ.соч. – С. 25.

²⁰³ Русская Православная Церковь и коммунистическое государ-ство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М., 1996. – С. 250-261.

²⁰⁴ Церковные ведомости. – 1926, № 17-18. – С 6-7; Регельсон Л.Л. Указ.соч. – С. 269-270; Краткая история Русской Истинно-Православ-ной Церкви... – С. 44-46; Граббе Г., епископ. Завет святого патриарха. – С. 311-319.

²⁰⁵ Акты святейшего патриарха Тихона... – С. 219-221; Граббе Г., епископ. Русская Церковь перед лицом... – С. 36-37; Цыпин В. прот. Указ.соч. – С. 391.

²⁰⁶ Граббе Г., протопр. Правда о Русской церкви на родине и за рубежом. Джорданвилл, Н.И., США, 1961; Граббе Г., епископ. Завет святого патриарха. – С. 311-319; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 9.

²⁰⁷ Граббе Г., епископ. Завет святого патриарха. – С. 311–319; Крат-кая история Русской Истинно-Православной Церкви. – С. 9.

²⁰⁸ Польский, М., протопр. Новые мученики Российские (репринт изд. Джорданвилль, 1949–1957). – М., 1994. – Т. 1 – 2; Жития святых. 1000 лет Русской Святости. – Джорданвилл. Н.И., 1983.

²⁰⁹ Осипова И.И. Сквозь огонь мучений... – С. 25-26.

²¹⁰ Осипова И.И. Там же. – С. 26-27.

²¹¹ Шугаева Л.М. Релігійні утворення ІПЦ й ІПХ як форма проти-стояння тоталітаризму // Проблеми історії України: факти, суджен-ня, події. Міжвідомчий зб. наук. праць. – К.: Ін-т історії України НАН України. – Вип. 15. – С. 426.

²¹² Голодомор 1932–1933 гг. – геноцид украинского народа. – К.: Ин-т национальной памяти, 2008. – С. 39.

²¹³ Псарев А.В. Архиепископ Леонтий Чилийский (1904–1971 гг.). Материалы к жизнеописанию архипастыря гонимой Церкви Русской // Православная жизнь, Джорданвилл, США. – 1996, апрель. – № 4 (556) – С. 1-2.

²¹⁴ Голодомор 1932–1933 гг. Указ. соч. – С. 35.

²¹⁵ Там же. – С. 35.

²¹⁶ Жирнов Е. Паспортный режим в СССР // Zrada: сетевой жур-нал. 2010. URL: <http://zrada.org/history/1-dati-podiyi-fakti/315-pasportnyj-rezhim-v-sssr-pasporta-v-selah-nachali-davat-v-1974-godu.html>

²¹⁷ Там же.

- ²¹⁸ История Русской Православной Церкви... – С. 535.
- ²¹⁹ Белгородская А. В. Потаенная Россия // Православная жизнь. – Джорданвилл, Н.Й., 1997. – № 1 (565). – С. 6.
- ²²⁰ Осипова И.И. Сквозь огонь мучений... – С. 25-28; Осипова И.И. О, Премилосердый... – С. 23.
- ²²¹ Шумило В.В. Указ. соч. – С. 49-50.
- ²²² Тригуб О.П. Истинно-Православна Церква в Україні (1927–1931) // Гілея: наук. вісн. Зб. наук. праць. – 2009. – Вип. 20. – С. 90.
- ²²³ Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 10; Андреев И.М. Указ. соч.
- ²²⁴ Андреев И., проф. Заметки о Катакомбной Церкви в СССР // Православная Русь, 1947; Вестник И.П.Ц. – 1999, июль-сентябрь. – № 3.
- ²²⁵ Троицкий С.В. О неправде карловацкого раскола. – П., 1960. – С. 72; 74; Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М.: Арфа, 2008. – С. 5; Шумило С.В. Антикатакомбная идеология. Отзыв на книгу А.Л. Беглова «В поисках «безгрешных катакомб»» // Портал-Credo: сетевой журнал. 2009. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=73098&type=view> (дата обращения: 23.09.2009).
- ²²⁶ Поспеловский Д. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – С. 175.
- ²²⁷ Цит. по: Граббе Г., еп. Указ. соч. – С. 79.
- ²²⁸ Андреев И., проф. Заметки о Катакомбной Церкви в СССР // Православная Русь, 1947; Вестник И.П.Ц. – 1999, июль-сентябрь. – № 3.
- ²²⁹ Доклад Архиепископа Лазаря Одесского и Тамбовского Архиепископскому Собору РПЦЗ от 14/27 апреля 1993 г. // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2009. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=919>
- ²³⁰ Цит. по: Псарев А.В. Архиепископ Леонтий Чилийский (1904–1971 гг.). Материалы к жизнеописанию архипастыря гонимой Церкви Русской // Православная жизнь, Джорданвилл, США. – 1996, апрель – № 4 (556) – С. 8.
- ²³¹ Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 10-11; Шумило С.В. Антикатакомбная идеология. Отзыв на книгу А.Л. Беглова «В поисках «безгрешных катакомб»» // Портал-Credo: сетевой журнал. 2009. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=73098&type=view> (дата обращения: 23.09.2009).
- ²³² Шумило С.В. Там же.
- ²³³ Шумило С.В. Там же; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 10-11.
- ²³⁴ Там же.
- ²³⁵ Сиверс Амвросий. Кочующий собор 1928 г. // Вестник ИПХ «Русское православие», СПб, самиздат. – 1997 – № 3 (7); Шкаров-

ский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. – СПб.: НИЦ «Мемориал», 1999; Осипова И. «Сквозь огонь мучений и воду слез...». – М.: Серебряные нити, 1998.

²³⁶ Шкаровский М. В. Указ. соч. – С. 29.

²³⁷ Шкаровский М. В. Там же. – С. 29; Осипова И.И. О, Премилосердый... – С. 19.

²³⁸ Осипова И.И. Там же. – С. 19.

²³⁹ Шкаровский М. В. Указ. соч. – С. 32-33.

²⁴⁰ Осипова И.И. Сквозь огонь мучений... – С. 248.

²⁴¹ Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 183.

²⁴² Б. Захария. Важное постановление Катакомбной Церкви // Православная Русь. – 1949, № 18; Русская мысль. – 1949, 7 сентября; Православное обозрение. – 1980, № 51.

²⁴³ Андреев И., проф. Заметки о Катакомбной Церкви в СССР // Православная Русь, 1947; Вестник И.П.Ц. – 1999, июль-сентябрь. – № 3.

²⁴⁴ Шумило С.В. Указ. соч; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 10-11.

²⁴⁵ Шкаровский М. В. Указ. соч. – С. 189; История Русской Православной Церкви... – С. 538-539; Осипова И. О, Премилосердый... – С. 27.

²⁴⁶ Осипова И.И. Сквозь огонь мучений... – С. 161, 163; Осипова И.И. О, Премилосердый... – С. 27-28.

²⁴⁷ Маросейка. Жизнеописание отца Сергия Мечева, письма, проповеди, воспоминания. – М., 2001; Грубе А. «Сын мой будет выше меня». Жизнь, пастырское служение и духовное наследие священномученика Сергия Мечева (1892–1942) // Московский журнал. – 2005. – № 8; Катакомбный священномученик протоиерей Сергей (Мечев, †1942) Московский // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1164>

²⁴⁸ Шкаровский М.В. Указ.соч. – С. 189; История Русской Православной Церкви... – С. 538-539.

²⁴⁹ Шкаровский М.В. Там же; История Русской Православной Церкви... – С. 539.

²⁵⁰ Шкаровский М.В. Судьбы иосифлянских пастырей. Иосифлянское движение Русской Православной Церкви в судьбах его участников. Архивные документы. – СПб.: Сатис-Держава, 2006. – С. 400.

²⁵¹ Осипова И.И. Сквозь огонь мучений... – С. 161, 163; Осипова И.И. О, Премилосердый... – С. 27-28; 354-357.

²⁵² Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в РПЦ. – С. 185-186; История Русской Православной Церкви... – С. 538.

²⁵³ Антонов В.В. Тайный храм в Коломягах // Возвращение. – СПб., 1997. – № 2 (10). – С. 33, 37; Шкаровский М.В. Судьбы иосифлянских

пастырей. – С. 301-302; Сикорская Л.Е. Священномученики Сергей, епископ Нарвский, Василий, епископ Каргопольский, Илларион, епископ Поречский. Тайное служение иосифлян. Жизнеописания и документы. – М.: Братонез, 2009. – С. 275, 282.

²⁵⁴ Последний ставленник святителя Иосифа // Возвращение. – СПб., 1997. – № 2(10). – С. 39; Шкаровский М.В. Там же. – С. 302-303; Сикорская Л.Е. Там же. – С. 285-286.

²⁵⁵ Поспеловский Д. Указ. соч. – С. 207.

²⁵⁶ Поспеловский Д. Там же.

²⁵⁷ Православный вестник. – К., 1991, март. – № 3.

²⁵⁸ Поспеловский Д. Указ. соч. – С. 214-215.

²⁵⁹ Псарев А.В. Указ. соч. – С. 11-12.

²⁶⁰ Псарев А.В. – Там же. – С. 12.

²⁶¹ Поспеловский Д. Указ. соч. – С. 207; 211.

²⁶² Цыпин В., прот. Православная Церковь на Украине в годы немецкой оккупации (1941–1944) // Всеукраинский православный журнал «Мгарский колоколь»: сетевой журнал. 2010. URL: <http://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=568>

²⁶³ Шумило В.В. Схиархимандрит Лаврентий... – С. 26.

²⁶⁴ Цыпин В., прот. Там же.

²⁶⁵ Псарев А.В. Указ. соч. – С. 10.

²⁶⁶ Фостун С.М. 50-річчя Української Автокефальної Православної Церкви. – Лондон, Англия, 1972. – С. 31-32.

²⁶⁷ Процюк Феодосий, митр. Обновленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). – М., 2004. – С. 442-454; Історія релігії в Україні. – К., 1999. – Т. 3. – С. 416-418.

²⁶⁸ Цит. по: Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 510.

²⁶⁹ Шумило В.В. Указ. соч. – С. 27.

²⁷⁰ Псарев А.В. Указ. соч. – С. 9.

²⁷¹ Маслов Иоанн, схиархим. Глинская пустынь. – М., 1992. – С. 60-64, 70-71.

²⁷² Новый священноисповедник Климент, настоятель Киево-Печерской Лавры // Православная жизнь. – Джорданвилл, Н.И., 2000. – № 4; Рылкова Л.П. Биографические сведения о братии Киево-Печерской Лавры, пострадавшей за Православную веру в 20 столетии. – К., 2008. – С. 94; Последние наставники Киево-Печерской Лавры. Катакомбные старцы-исповедники Схиархимандрит Антоний (Жеретиенко, †1950) и архимандрит Макарий (Величко, †1940) // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1152>

²⁷³ Процюк Феодосий, митр. Обновленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). – М., 2004. – С. 442-454; Історія релігії в Україні. – К., 1999. – Т. 3. – С. 416-418.

²⁷⁴ Процюк Ф. Там же. – С. 430, 432.

- ²⁷⁵ Процюк Ф. Там же. – С. 435-436.
- ²⁷⁶ Краткая история подворья Серафимо-Дивеевского монастыря в Харькове // Православная жизнь. – Джорданвилл, Н.И., 2003. – № 19.
- ²⁷⁷ Повествование о Святом Новоисповеднике Церкви Катакомбной Схиеромонахе Серафиме (Загоровском, 1872-1943) // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1078>
- ²⁷⁸ Там же.
- ²⁷⁹ Священноисповедник Церкви Катакомбной иерей Павел (Володин, 1870-1954) Харьковский // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1151>
- ²⁸⁰ Осипова И.И. Сквозь огонь мучений... – С. 167.
- ²⁸¹ Осипова И.И. Там же. – С. 166.
- ²⁸² Осипова И.И. Там же. – С. 167.
- ²⁸³ Осипова И.И. Там же.
- ²⁸⁴ Осипова И.И. Там же.
- ²⁸⁵ Шумило С.В. Трагедия века // Вера и Жизнь. – Чернигов, 1995. – № 2-4.
- ²⁸⁶ Цыпин В., прот. Православная Церковь на Украине в годы немецкой оккупации (1941–1944) // Всеукраинский православный журнал «Мгарский колоколь»: сетевой журнал. 2010. URL: <http://www.mgar-sky-monastery.org/kolokol.php?id=568>
- ²⁸⁷ Шумило В.В. Указ. соч. – С. 30.
- ²⁸⁸ Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в РПЦ. – С. 187-188; Осипова И.И. Сквозь огонь мучений... – С. 166-167.
- ²⁸⁹ Цит. по: Шкаровский М.В. Указ.соч. – С. 188; Андреев И. О положении православной церкви в Советском Союзе. Катакомбная Церковь в СССР. – С. 13.
- ²⁹⁰ Шкаровский М.В. Иеромонах Тихон (Зорин) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. – 2006. – Вып. 4 (21). – С. 65; Шкаровский М.В. Судьбы иосифлянских пастырей. – С. 480-481.
- ²⁹¹ Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в РПЦ. – С. 188; История Русской Православной Церкви... – С. 537.
- ²⁹² Шкаровский М.В. Там же; История Русской Православной Церкви... – С. 537.
- ²⁹³ Шумило С.В. Старец Аліпій та його стояння за Істинне Православ'я // Сіверщина. – 2008, 30 серп.; Шумило В.В. Указ. соч. – С. 31; Шумило В.В. Богоборництво і гоніння на Істинно-Православну (катакомбну) Церкву на Чернігівщині // Сіверщина. – 2004, 22 жовт.
- ²⁹⁴ Там же.
- ²⁹⁵ Осипова И.И. Сквозь огонь мучений... – С. 169.

- ²⁹⁶ Попов В. Паспортная система в СССР (1932–1976): власти ставят граждан «на правеш» // Украина криминальная: сетевой журнал. 2010. URL: http://cripo.com.ua/print.php?sect_id=9&aid=78288
- ²⁹⁷ Осипова И.И. Сквозь огонь мучений... – С. 169.
- ²⁹⁸ Осипова И.И. Там же. – С. 161; Осипова И.И. О, Премилосердый... – С. 28.
- ²⁹⁹ Воспоминания духовных чад об о. Никите // Православная жизнь. – Джорданвилл, Н.И.– 1997, июль. – № 7 (571). – С. 12-13.
- ³⁰⁰ Шумило С.В. Советский режим и «советская церковь». – СПб., 2006. – С. 105-114.
- ³⁰¹ Шумило С.В. Там же. – С.120-122.
- ³⁰² Осипова И.И. О, Премилосердый... – С. 28.
- ³⁰³ История Русской Православной Церкви... – С. 539-540.
- ³⁰⁴ Шкаровский М. В. Указ. соч. – С. 187.
- ³⁰⁵ Шкаровский М. В. Там же.
- ³⁰⁶ Шумило С.В. Указ. соч. – С. 98-105; Шумило В.В. Указ. соч. – С. 32-35.
- ³⁰⁷ Скикорская Л.Е. Тайной Церкви ревнитель. Епископ Гурий Казанский и его сомолитвенники. Жизнеописания и документы. – М.: Братонез, 2008. – С. 90-91.
- ³⁰⁸ Шумило С.В. Там же. – С. 105-114; Шумило В.В. Там же. – С. 32-36; История Русской Православной Церкви... – С. 544-545.
- ³⁰⁹ Шумило С.В. Там же. – С. 105-114, 120-122.
- ³¹⁰ Андреев И.И. Указ. соч. – С. 9-10; История Русской Православной Церкви... – С. 541.
- ³¹¹ Белгородская А.В. Потаенная Россия // Православная жизнь. – Джорданвилл, Н.И., 1997. – № 1 (565). – С. 2.
- ³¹² История Русской Православной Церкви... – С. 552.
- ³¹³ Там же. – С. 552-553.
- ³¹⁴ Там же. – С. 541.
- ³¹⁵ Письма катакомбного Епископа А. к Ф.М. // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://www.catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=168>
- ³¹⁶ Осипова И.И. О, Премилосердый... – С. 29.
- ³¹⁷ Голубцов С. Сплоченные верой, надеждой и родом. – М.: Мартис, 1999.
- ³¹⁸ Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны // Отечественные архивы. – СПб., 1995. – №3; Шкаровский М. В. Указ. соч. – С. 190.
- ³¹⁹ Шумило С.В. Указ. соч. – С. 97-105.
- ³²⁰ Справка МГБ по Алтайскому краю «О религиозной деятельности населения в Алтайском крае по состоянию на 1 апреля 1948 г.» / Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М., 2008. – С. 277.

³²¹ Шкаровский М.В. Указ. соч. – С. 262-263; Осипова И.И. Сквозь огонь мучений... – С. 169-170; Осипова И.И. О, Премилосердый... – С. 29.

³²² Осипова И.И. Сквозь огонь мучений... – С. 169-170; Осипова И.И. О, Премилосердый... – С. 29.

³²³ Белгородская А.В. Потаенная Россия // Православная жизнь. – Джорданвилл, Н.И., 1997. – № 1 (565). – С. 6.

³²⁴ Шкаровский М.В. Указ. соч. – С. 190; История Русской Православной Церкви... – С. 540.

³²⁵ Осипова И.И. Там же. – С. 39-40.

³²⁶ Схиепископ Петр (Ладыгин). Непоколебимый столп Церкви Катакомбной // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1048>

³²⁷ Осипова И.И. О, Премилосердый... – С. 282-285.

³²⁸ Шкаровский М.В. Указ. соч. – С. 264-266.

³²⁹ Осипова И.И. Указ. соч. – С. 282-283.

³³⁰ На Харьковщине к РИПЦ присоединилась группа последователей катакомбного исповедника иеромонаха Серафима (Шевцова, †1955 г.) // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=703>

³³¹ История Русской Православной Церкви... – С. 545.

³³² Шкаровский М.В. Указ. соч. – С. 264-266; История РПЦ... – С. 546-547.

³³³ История Русской Православной Церкви... – С. 547.

³³⁴ История РПЦ... – С. 547-548.

³³⁵ Там же.

³³⁶ Там же. – С. 548.

³³⁷ Цит. по: Информационная записка председателя Совета по делам РПЦ Г. Карпова в Совет министров СССР и ЦК ВКП(б) «О религиозных пережитках, выражающихся в исполнении обрядов и массовых молений по тайной (не стоящей на регистрации) церкви, и о лицах, занимающихся тайной церковной деятельностью» от 25 апреля 1949 г. / Беглов А.Л. Указ. соч. – С. 290-291.

³³⁸ История Русской Православной Церкви... – С. 549.

³³⁹ Шкаровский М.В. Указ. соч. – С. 196; Там же. – С. 551.

³⁴⁰ Шкаровский М.В. Там же; История Русской Православной Церкви... – С. 551.

³⁴¹ Катакомбный старец-исповедник Схиеромонах Серафим (Марков, †1979) Тамбовский // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1166>

³⁴² Осипова И.И. О, Премилосердый... – С. 100-101.

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ Там же. – С. 284-285.

³⁴⁵ Шкаровский М. В. Указ. соч. – С. 197.

³⁴⁶ Шкаровский М.В. Иеромонах Тихон (Зорин) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. – 2006. – Вып. 4 (21). – С. 65; Шкаровский М.В. Судьбы иосифлянских пастырей. – С. 485-486.

³⁴⁷ Шкаровский М.В. Иосифляноство: течение в РПЦ. – С. 196.

³⁴⁸ Шкаровский М.В. Там же.

³⁴⁹ Осипова И.И. Указ. соч. – С. 261; Скикорская Л.Е. Тайной Церкви ревнитель. – С. 68-69, 144, 159.

³⁵⁰ Скикорская Л.Е. Там же. – С. 70, 78.

³⁵¹ Шумило В.В., Шумило С.М. Катакомбный исповедник иеромонаха Александр (Орлов) // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://www.catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1239>

³⁵² Катакомбный старец-исповедник иеромонах Тимофей (Несворов, †1975) // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1165>

³⁵³ Из истории гонений Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви: сетевой журнал. 2010. URL: <http://www.histor-ipt-kt.org/KN-IGA/bryansk.html#n.012>

³⁵⁴ История Русской Православной Церкви... – С. 551.

³⁵⁵ Демьянов А.И. Истинно-православное христианство. – Воронеж, 1977. – С. 32, 43; Никольская З.А. К характеристике течения так называемых Истинно-православных христиан // Вопросы религии и атеизма. Т. 9. – М., 1961. – С. 171, 180; История Русской Православной Церкви... – С. 551.

³⁵⁶ История Русской Православной Церкви... – С. 552.

³⁵⁷ Там же. – С. 552.

³⁵⁸ Священник Михаил Рождественский (1901–1988) // Возвращение, СПб. 1997. – № 2(10); Шкаровский М.В. Судьбы иосифлянских пастырей. – С. 304.

³⁵⁹ Письма катакомбного Епископа А. к Ф.М. // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://www.catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=168>

³⁶⁰ Цит. по: Информационная записка председателя Совета по делам РПЦ Г.Карпова в Совет министров СССР и ЦК ВКП(б) «О религиозных пережитках, выражающихся в исполнении обрядов и массовых молений по тайной (не стоящей на регистрации) церкви, и о лицах занимающихся тайной церковной деятельностью» от 25 апреля 1949 г. / Беглов А.Л. Указ. соч. – С. 296.

³⁶¹ Поспеловский Д. Указ. соч. – С. 323.

³⁶² Поспеловский Д. Там же. – С. 173-174.

³⁶³ История Русской Православной Церкви... – С. 552.

³⁶⁴ Там же. – С. 553.

³⁶⁵ Там же. – С. 443-554.

- ³⁶⁶ Шугаева Л.М. Указ. соч. – С. 432.
- ³⁶⁷ Шугаева Л.М. Там же. – С. 432.
- ³⁶⁸ Осипова И.И. О, Премилосердый... – С. 103.
- ³⁶⁹ Осипова И.И. Там же. – С. 103-104.
- ³⁷⁰ Там же. – С. 104-105.
- ³⁷¹ Там же. – С. 188.
- ³⁷² Колодний А.М. Конфесії православного коріння тоталітарної доби / Історія релігії в Україні: навч. пос. // Українська електронна бібліотека підручників: мережевий журнал. 2010. URL: http://pidruchniki.com.ua/16320716/religiyeznavstvo/konfesiyyipravoslavnogo_korinnya_totalitarnoyi_dobi
- ³⁷³ Шугаева Л.М. Указ. соч. – С. 427.
- ³⁷⁴ На Харьковщине к РИПЦ присоединилась группа последователей катакомбного исповедника иеромонаха Серафима (Шевцова, +1955 г.) // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=703>
- ³⁷⁵ Там же.
- ³⁷⁶ Воспоминания духовных чад об о. Никите // Православная жизнь. – 1997, июль. – № 7 (571). – С. 13.
- ³⁷⁷ Колодний А.М. Там же; Шугаева Л.М. Там же.
- ³⁷⁸ Колодний А.М. Там же.
- ³⁷⁹ Шугаева Л.М. Там же.
- ³⁸⁰ Веденеев Д.В. Органи державної безпеки СРСР і релігійні об'єднання в Україні під час Великої Вітчизняної Війни // Український інститут національної пам'яті: мережевий журнал. 2010. URL: <http://www.memory.gov.ua/ua/publication/content/1538.htm>
- ³⁸¹ Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в РПЦ. – С. 198-199; История Русской Православной Церкви... – С. 542.
- ³⁸² Веденеев Д.В. Указ. соч.
- ³⁸³ Поспеловский Д. Указ. соч. – С. 318.
- ³⁸⁴ Шугаева Л.М. Указ. соч. – С. 432.
- ³⁸⁵ Колодний А.Н. Там же.
- ³⁸⁶ Колодний А.Н. Там же.
- ³⁸⁷ Шугаева Л.М. Указ. соч. – С. 433.
- ³⁸⁸ Шугаева Л.М. Там же. – С. 429.
- ³⁸⁹ Шугаева Л.М. Там же. – С. 432.
- ³⁹⁰ Осипова И.И. О, Премилосердый... – С. 31.
- ³⁹¹ История Русской Православной Церкви... – С. 554.
- ³⁹² Там же. – С. 554.
- ³⁹³ Там же. – С. 554-555.
- ³⁹⁴ Там же. – С. 560-561.
- ³⁹⁵ Там же. – С. 561.
- ³⁹⁶ Там же. – С. 562.
- ³⁹⁷ Там же. – С. 558; Осипова И.И. О, Премилосердый... – С. 32.

- ³⁹⁸ Там же. – С. 32-33.
- ³⁹⁹ Ильинская А.В. Старец Феодосий Кавказский в сонме подвижников Южной России. – М.: Паломник, 2010. – С. 508.
- ⁴⁰⁰ А.М. Проповедник Истины. Воспоминания духовных чад о катакомбном пастыре о. Никите Харьковском // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=777>
- ⁴⁰¹ История Русской Православной Церкви... – С. 567.
- ⁴⁰² Цыпин В., прот. Указ. соч. – С. 503; 516.
- ⁴⁰³ Поспеловский Д. Указ. соч. – С. 321; Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: 1917–1990. – М., 1994. – С. 162.
- ⁴⁰⁴ Гордун С. Свящ. Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 гг. // Журнал Московской Патриархии. – 1993. – № 1-2. – С. 20; Поспеловский Д. Указ. соч. – С. 322.
- ⁴⁰⁵ Слесарев А.В. Российская православная катакомбная церковь в Белоруссии: история и современность // Минские Епархиальные Ведомости.– 2007.– № 4 (83).– С. 68–70; Яшунский И., иерод. Наши катакомбы // Вестник РХД. – Париж. – №166 /III/. – С. 243-259; О происхождении неканонических групп «секачевцев», «алфеевцев», «федосеевцев», «исаакиевцев», «дегтярников» // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://www.catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1402>
- ⁴⁰⁶ Поспеловский Д. Указ. соч. – С. 175; Шкаровский М.В. Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 годах. От «перемирия» к новой войне. – СПб, 1995. – С. 90-91.
- ⁴⁰⁷ Устные свидетельства катакомбного священника Павла (Гончарова), 2005, февраль.
- ⁴⁰⁸ Жирнов Е. Паспортный режим в СССР // Zrada: сетевой журнал. 2010. URL: <http://zrada.org/history/1-dati-podiyi-fakti/315-pasportnyj-rezhim-v-sssr-pasporta-v-selah-nachali-davat-v-1974-godu.html>
- ⁴⁰⁹ История Русской Православной Церкви... – С. 561-562.
- ⁴¹⁰ Шумило С.В. Указ. соч. – С. 120-122; Шкаровский М.В. Указ. соч. – С. 196.
- ⁴¹¹ Цит. по: Граббе Г., еп. Указ. соч. – С. 165.
- ⁴¹² Соловьев А.П. В моей жизни героического ничего не было // Возвращение. – СПб., 1999. – № 12-13. – С. 75.
- ⁴¹³ Скиворская Л.Е. Тайной Церкви ревнитель. – С. 88.
- ⁴¹⁴ Архив Шумило В.В. Письмо о. И. Андриевского инокиням Агнии, Енафе, Магдалине, Максимице, 1958 г. – С. 19-22.
- ⁴¹⁵ Шугаева Л.М. Указ. соч. – С. 428.
- ⁴¹⁶ Ильинская А.В. Указ. соч. – С. 505-507.
- ⁴¹⁷ Поспеловский Д. Указ. соч. – 175.
- ⁴¹⁸ Шкаровский М.В. Русская православная церковь и Советское

государство в 1943–1964 годах. От «перемирия» к новой войне. – СПб., 1995. – С. 90-91.

⁴¹⁹ Шумило С.В. Антикатакомбная идеология. Отзыв на книгу А.Л. Беглова «В поисках «безгрешных катакомб»» // Портал-Credo: сетевой журнал. 2009. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=73098&type=view> (дата обращения: 23.09.2009).

⁴²⁰ Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 12; Чеботарева М., мон. Катакомбные исповедники // Возвращение. – СПб., 1993. – № 2. – С. 26-27; Осипова И.И. О, Премилосердый... – С. 296-298.

⁴²¹ Скикорская Л.Е. Тайной Церкви ревнитель. – С. 94-95.

⁴²² Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. – С. 196.

⁴²³ Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 11-12; Шкаровский М.В. Указ. соч. – С. 192.

⁴²⁴ Шкаровский М. Там же. – С. 190.

⁴²⁵ Шкаровский М. Там же. – С. 192.

⁴²⁶ Архив Шумило В.В. Письмо о. И. Андриевского инокиням Агнии, Енафе, Магдалине, Максимиле, 1958 г. - С. 9.

⁴²⁷ Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 12.

⁴²⁸ Чеботарева М., мон. Катакомбные исповедники // Возвращение. – 1993. – № 2. – С. 26.

⁴²⁹ Схиигумения Макария (Чеботарева) и ее подвиг служения Катакомбной Церкви // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=525>

⁴³⁰ Там же; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 13.

⁴³¹ Архив Шумило В.В. Письмо иеромонаха Илариона (Андриевского) архиепископу Антонию (Голыньскому-Михайловскому) от 17/22 июля 1960 г. - С. 4.

⁴³² Там же. – С. 22.

⁴³³ Там же. – С. 26.

⁴³⁴ Там же. – С. 10.

⁴³⁵ Там же.

⁴³⁶ Чеботарева Маргарита, мон. Катакомбные исповедники // Возвращение. – СПб., 1993. – № 2. – С. 27.

⁴³⁷ Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 14.

⁴³⁸ Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 14-15; Шумило В.В., Шумило С.В. Скончался один из старейших катакомбных пастырей РИПЦ схиигумен Феодосий (о. Нестор Ложкин) // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2011. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1754> ; Парло А., прот.

Памяти отца Нестора // Церковные ведомости. сетевой журнал. 2011. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1755>

⁴³⁹ Воспоминания духовных чад об о. Никите // Православная жизнь. – 1997, июль. – № 7 (571). – С. 15-17.

⁴⁴⁰ А.М. Проповедник Истины. Воспоминания духовных чад о катакомбном пастыре о. Никите Харьковском // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=777>

⁴⁴¹ Ильинская А.В. Старец Феодосий Кавказский в сонме подвижников Южной России. – М.: Паломник, 2010. – С. 503.

⁴⁴² Нечаева М. Ю. Лжекнязь Михаил. Дебют самозванца. – Екатеринбург, 2000; Алексеев В.А., Нечаева М.Ю. Воскресшие Романовы?.. К истории самозванчества в России XX века. Ч. 2. – Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2002; Фирсов С.Л. Легенда о царском брате: Великий князь Михаил Александрович – Соловецкий патриарх Михаил // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 4; О происхождении неканонических групп «секачевцев», «алфеевцев», «федосеевцев», «исаакиевцев», «дегтярников» // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://www.catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1402>; Слесарев А.В. Российская православная катакомбная церковь в Белоруссии: история и современность // Минские Епархиальные Ведомости. – 2007. – № 4 (83). – С. 68-70; Яшунский И., иерод. Наши катакомбы // Вестник РХД. – Париж. – №166 /III/. – С. 243-259.

⁴⁴³ Скикорская Л.Е. Тайной Церкви ревнитель. – С. 97.

⁴⁴⁴ Нечаева М. Ю. Лжекнязь Михаил. Дебют самозванца. Екатеринбург, 2000; Алексеев В.А., Нечаева М.Ю. Воскресшие Романовы?.. К истории самозванчества в России XX века. Ч. 2. – Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2002.

⁴⁴⁵ Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века (версия 1996г.) // ПСТГУ: сетевой ресурс. 2010. URL: http://213.171.53.29/cgi-bin/db.exe/ans/m/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JM-TcCid6+hLpF=EX7NErslCHikTcGZeu+hLp74Ta2pAGslCE+_pnl

⁴⁴⁶ Скикорская Л.Е. Тайной Церкви ревнитель. – С. 97.

⁴⁴⁷ Нечаева М. Ю. Лжекнязь Михаил. Дебют самозванца. Екатеринбург, 2000; Алексеев В.А., Нечаева М.Ю. Воскресшие Романовы?.. К истории самозванчества в России XX века. Ч. 2. – Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2002; Фирсов С.Л. Легенда о царском брате: Великий князь Михаил Александрович – Соловецкий патриарх Михаил // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 4; О происхождении неканонических групп «секачевцев», «алфеевцев», «федосеевцев», «исаакиевцев», «дегтярников» // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://www.catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1402>

org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1402; Слесарев А.В. Российская православная катакомбная церковь в Белоруссии: история и современность // Минские Епархиальные Ведомости.– 2007.– № 4 (83).– С. 68-70; Яшунский И., иерод. Наши катакомбы // Вестник РХД. – Париж. – №166 /III/. – С. 243-259.

⁴⁴⁸ Архиеп. Антоний (Гольинский-Михайловский). О молитве Иисусовой и божественной благодати. – Красногорск: издание Успенского храма, РПЦ МП., 2000 г. – С. 306.

⁴⁴⁹ Там же. – С. 306, 315, 325.

⁴⁵⁰ О молитве Иисусовой. Руководство в делании. Мученическая жизнь и богомудрые писания архиепископа Антония (Михайловского). – Житомир, 2009. – С. 87.

⁴⁵¹ Там же. – С. 50.

⁴⁵² Резолюция Архиерейского Синода РПЦЗ от 26 ноября / 7 декабря 1977; Копия определения Архиерейского Синода РПЦЗ от 5/18 мая 1990 г. Архив В.В. Шумило; Граббе Григорий, еп. Завет святого патриарха. – С. 315.

⁴⁵³ Резолюции Архиерейского Синода РПЦЗ от 26 ноября / 7 декабря 1977 г. Архив В.В. Шумило.

⁴⁵⁴ Копия Определения Архиерейского Синода РПЦЗ от 5/18 мая 1990 г. Архив В.В. Шумило.

⁴⁵⁵ Чеботарева М., мон. Катакомбные исповедники // Возвращение, СПб, 1993. – № 2. – С. 27.

⁴⁵⁶ Там же. – С. 26.

⁴⁵⁷ О происхождении неканонических групп «секачевцев», «алфеевцев», «федосеевцев», «исаакиевцев», «дегтярников» // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://www.catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1402>; Слесарев А.В. Российская православная катакомбная церковь в Белоруссии: история и современность // Минские Епархиальные Ведомости.– 2007.– № 4 (83). – С. 68-70; Яшунский И., иерод. Наши катакомбы // Вестник РХД. – Париж. – №166 /III/. – С.243-259.

⁴⁵⁸ Соловьев А.П. В моей жизни героического ничего не было // Возвращение, СПб., 1999, № 12-13. – С. 75.

⁴⁵⁹ Шумило В.В., Шумило С.В. Годовщина рукоположения и пастырского служения Архиепископа Лазаря, Председателя Архиерейского Синода РИПЦ // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=635>; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви...– С. 18-19; Ильинская А.В. Старец Феодосий Кавказский в сонме подвижников Южной России. – М.: Паломник, 2010. – С. 503.

⁴⁶⁰ Схиигумения Макария (Чеботарева) и ее подвиг служения Катакомбной Церкви // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=525>

⁴⁶¹ Клибанов А.И. По тому же маршруту, 1959–1971 // Наука и религия. – 1972, март. – № 3. – С. 55.

⁴⁶² Клибанов А.И. Религиозное сектантство и современность (социологические и исторические очерки). – М., 1969. – С. 173.

⁴⁶³ Клибанов А.И. По тому же маршруту, 1959 – 1971 // Наука и религия. – 1972, март. – № 3. – С. 55.

⁴⁶⁴ Аудиоархив Шумило В.В. Воспоминания игумении Миропии (Нужной), аудиозапись; Шумило В.В., Шумило С.В. Годовщина рукоположения и пастырского служения Архиепископа Лазаря, Председателя Архиерейского Синода РИПЦ // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=635>

⁴⁶⁵ Демьянов А.И. Истинно православное христианство. – Воронеж, 1977; Демьянов А.И., Зыбковец Н.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России. – С. 33-45; Клибанов А.И. Конкретные исследования современных религиозных верований. – М., 1967. – С. 19-20.

⁴⁶⁶ Мащенко С. Такі вони, «істинно-православні»... // Людина і світ. – № 5 (212). – 1978, май. – С. 54.

⁴⁶⁷ Шумило В.В., Шумило С.В. Годовщина рукоположения и пастырского служения Архиепископа Лазаря, Председателя Архиерейского Синода РИПЦ // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=635>

⁴⁶⁸ Схиигумения Макария (Чеботарева) и ее подвиг служения Катакомбной Церкви // Церковные ведомости. сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=525>

⁴⁶⁹ Ильинская А.В. Старец Феодосий Кавказский в сонме подвижников Южной России. – М.: Паломник, 2010. – С. 505-507.

⁴⁷⁰ Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М., 2008. – С. 98; 227; 232.

⁴⁷¹ Мащенко С. Такі вони, «істинно-православні»... // Людина і світ. – № 5 (212). – 1978, трав. – С. 54.

⁴⁷² Мащенко С. Там само. – С. 54.

⁴⁷³ Белгородская А. В. Потаенная Россия // Православная жизнь. – Джорданвилл, Н.И., 1997. – № 1 (565). – С. 6.

⁴⁷⁴ Проповедник Истины. Воспоминания духовных чад о катакомбном пастыре о. Никите Харьковском // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=777>

⁴⁷⁵ Мащенко С. Указ. соч. – С. 54.

⁴⁷⁶ Андреев И.М., проф. Русская Зарубежная Церковь и Катакомбная Церковь в Советской России... – С. 119-120.

⁴⁷⁷ Казанцев Н.Л. Катакомбная Церковь как последнее прибежище русскости // Наша Страна, Буэнос-Айрес, Аргентина. – 2007, 27 февраля. – № 2814.

⁴⁷⁸ Белгородская А. В. Потаенная Россия // Православная жизнь. – Джорданвилл, Н.И., 1997. – № 1 (565). – С. 17.

⁴⁷⁹ Псарев А.В. Архиепископ Леонтий Чилийский (1904–1971). Материалы к жизнеописанию архипастыря гонимой Церкви Российской // Православная жизнь, Джорданвилль, США. – 1996, май. – №557.

⁴⁸⁰ Шумило В.В., Шумило С.В. Годовщина рукоположения и пастырского служения Архиепископа Лазаря, Председателя Архиерейского Синода РИПЦ // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&rid=635>; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 19.

⁴⁸¹ Шкаровский М. В. Указ. соч. – С. 129-130.

⁴⁸² Ильинская А.В. Старец Феодосий Кавказский в сонме подвижников Южной России. – М.: Паломник, 2010. – С. 487-511.

⁴⁸³ Шумило В.В., Шумило С.В. Годовщина рукоположения и пастырского служения Архиепископа Лазаря, Председателя Архиерейского Синода РИПЦ // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&rid=635>; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 19.

⁴⁸⁴ Ильинская А.В. Указ. соч.. – С. 507.

⁴⁸⁵ Псарев А.В. Указ. соч.

⁴⁸⁶ Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 19-20; Псарев А.В. Там же; Шумило В.В., Шумило С.В. Указ. соч.

⁴⁸⁷ Шумило В.В., Шумило С.В. Указ. соч.

⁴⁸⁸ Псарев А.В. Указ.соч.; Шумило В.В., Шумило С.В. Указ. соч.

⁴⁸⁹ Шумило В.В., Шумило С.В. Там же.; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 19-20; Псарев А.В. Там же.

⁴⁹⁰ Псарев А.В. Там же.

⁴⁹¹ Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 18-19; Ильинская А.В. Указ. соч. – С. 503; Шумило В.В., Шумило С.В. Указ.соч.

⁴⁹² Псарев А.В. Указ.соч.; Шумило В.В., Шумило С.В. Там же; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 20-21.

⁴⁹³ Шумило В.В., Шумило С.В. Там же.

⁴⁹⁴ Псарев А.В. Указ. соч.

⁴⁹⁵ Шумило В.В., Шумило С.В. Указ.соч.; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 20-21; Ильинская А.В. Указ. соч. – С. 505.

⁴⁹⁶ О происхождении неканонических групп «секачевцев», «алфеевцев», «федосеевцев», «исаакиевцев», «дегтярников» // Церков-

ные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://www.catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1402>; Слесарев А.В. Российская православная катакомбная церковь в Белоруссии: история и современность // Минские Епархиальные Ведомости. – 2007. – № 4 (83). – С. 68-70; Яшунский И., иерод. Наши катакомбы // Вестник РХД. – Париж. – №166 /III/. – С. 243-259.

⁴⁹⁷ Гордун С. Указ. соч. – С. 21.

⁴⁹⁸ Яшунский И., иерод. Указ. соч. – С. 243-259; Ильинская А.В. Старец Феодосий Кавказский в сонме подвижников Южной России. – М.: Паломник, 2010. – С. 501.

⁴⁹⁹ Регельсон Л.Л. Указ. соч. – С. 181-184; 192-193; История Русской Православной Церкви... – С. 565-566.

⁵⁰⁰ Белгородская А. В. Потаенная Россия // Православная жизнь. – Джорданвилл Н.И., 1997. – № 1 (565). – С. 8.

⁵⁰¹ История Русской Православной Церкви... – С. 565-566.

⁵⁰² Шумило В., Шумило С. Указ. соч.; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви. – С. 20-21; Ильинская А. Указ. соч. – С. 505.

⁵⁰³ Скикорская Л.Е. Тайной Церкви ревнитель. – С. 103.

⁵⁰⁴ Шумило В.В., Шумило С.В. Там же; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви.. – С. 21-22.

⁵⁰⁵ Граббе Г., еп. Завет Святого Патриарха. – С.315.

⁵⁰⁶ Граббе Г., еп. Там же.

⁵⁰⁷ Столп огненный. Митрополит Нью-Йоркский и Восточно-Американский Филарет (Вознесенский) и Русская Зарубежная Церковь (1964–1985). – СПб., 2007. – С. 242.

⁵⁰⁸ Там же. – С. 243.

⁵⁰⁹ Граббе Г., еп. Завет Святого Патриарха. – С. 315; Заявление Канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ от 1/14 августа 1990 г. // Православная Русь, Джорданвилл, США, орган РПЦЗ. – 1990, 15/28 сентября. – № 18 (1423). – С. 6; Яшунский И., иерод. Наши катакомбы // Вестник РХД. – Париж. – № 166 /III/. – С. 243-259.

⁵¹⁰ Шумило В.В., Шумило С.В. Годовщина восстановления апостольской преемственности в Русской Катакомбной Истинно-Православной Церкви // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=677>; Шумило В.В., Шумило С.В. Архивные документы о восстановлении Архиерейским Собором РПЦЗ 1981 года канонической иерархии и церковного управления в Русской Истинно-Православной Церкви // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1206> ; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 23-24.

⁵¹¹ Цит. по: Федоров К., прот. Архиепископ Антоний Женевский / РПЦЗ и Церковь ИПХ Греции и Кипра: история общения и проблемы его восстановления. Машинопись.

⁵¹² Доклад архиепископа Марка Берлинского и Германского от 9 мая 2006 г. // Официальный сайт Синода РПЦЗ: сетевой ресурс. 2006. URL: <http://www.russianorthodoxchurch.ws/synod/2006/5soborday4.html>

⁵¹³ Там же.

⁵¹⁴ Шумило В.В., Шумило С.В. Архивные документы о восстановлении Архиерейским Собором РПЦЗ 1981 года канонической иерархии и церковного управления в Русской Истинно-Православной Церкви // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1206> ; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 24-25.

⁵¹⁵ Шумило В.В., Шумило С.В. Там же; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 24.

⁵¹⁶ Заявление Канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ от 1/14 августа 1990 г. // Православная Русь, Джорданвилл, США, орган РПЦЗ. – № 18 (1423). – 1990, 15/28 сентября. – С. 6.

⁵¹⁷ Шумило В.В., Шумило С.В. Указ. соч.; Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 24.

⁵¹⁸ Монреальская мироточивая икона и брат Иосиф. – Монреаль-Москва, 2003. – С. 126-128; В мире нет ничего важнее спасения и воссоединения человека со своим Творцом. Интервью с архиепископом Тихоном Омским и Сибирским, председателем Синода РИПЦ // Имперский вестник, Новосибирск. 2005, июль-август.– № 87. – С. 11-12.

⁵¹⁹ Шумило В.В., Шумило С.В. Двадцатая годовщина восстановления апостольской преемственности в Русской Катакомбной Истинно-Православной Церкви // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=677>

⁵²⁰ Схиигумения Макария (Чеботарева) и ее подвиг служения Катакомбной Церкви // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=525>

⁵²¹ Шумило В.В., Шумило С.В. Указ. соч.; Схиигумения Макария (Чеботарева) и ее подвиг служения Катакомбной Церкви // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=525>

⁵²² История Русской Православной Церкви... – С. 570.

⁵²³ Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 26; Шумило В.В., Шумило С.В. Двадцатая годовщина восстановления апостольской преемственности в Русской Катакомбной Истинно-Православной Церкви // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=677>

⁵²⁴ История Русской Православной Церкви... – С. 569, 572.

⁵²⁵ Берман А. Церковное подполье в Чувашии в 1920-х – 80-х гг. Машинопись, 2011.

- ⁵²⁶ Там же.
- ⁵²⁷ Там же.
- ⁵²⁸ История Русской Православной Церкви... – С. 569, 572.
- ⁵²⁹ Поспеловский Д. Указ. соч. – С. 380.
- ⁵³⁰ Radio Liberty Research Bulletin, RL 310/83, 17. VIII 1983; Burch Caroline. Religious Policy under Andropov & Chernenco. RCL, vol. 12. 1984. № 2. P. 198-201.
- ⁵³¹ Шумило В.В., Шумило С.В. Указ. соч.
- ⁵³² Шумило В.В., Шумило С.В. Там же; Шумило В.В., Шумило С.В. Скончался один из старейших катакомбных пастырей РИПЦ схиигумен Феодосий (о. Нестор Ложкин) // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2011. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1754>
- ⁵³³ Речь Е.К. Лигачева // Правда. – 1986, 2 октября.
- ⁵³⁴ Пребывание М.С. Горбачева в Ташкенте // Правда Востока. – 1986, 25 ноября.
- ⁵³⁵ Шумило С.В. Советский режим и «советская церковь». – СПб., 2006. – С. 98-105.
- ⁵³⁶ Бессонов М.Н. Православие в наши дни. – М.: Политиздат, 1990. – С. 225-229.
- ⁵³⁷ Поспеловский Д. Указ. соч. – С. 388.
- ⁵³⁸ Бессонов М.Н. Указ.соч. – С. 245-246.
- ⁵³⁹ Бессонов М.Н. Там же. – С. 288.
- ⁵⁴⁰ Бессонов М.Н. Там же. – С. 247.
- ⁵⁴¹ Бессонов М.Н. Там же. – С. 278-280.
- ⁵⁴² Православная Русь. – 1990, 1/14 мая. – № 9.
- ⁵⁴³ История Русской Православной Церкви... – С. 575.
- ⁵⁴⁴ Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 26.
- ⁵⁴⁵ Там же. – С. 26-27.
- ⁵⁴⁶ Доклад Архиепископа Лазаря Одесского и Тамбовского Архиепископскому Собору РПЦЗ от 14/27 апреля 1993 г. // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2009. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=919>
- ⁵⁴⁷ Историческая справка о происхождении и преемственности нео-липовских, экуменическо-сергианских групп на Украине // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=954> ; Ярема Р., свящ. Церковные расколы в Украине. – К., 2007. – С. 23-25.
- ⁵⁴⁸ Заявление Канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ от 24 августа / 7 сентября 1990 г. // Православная Русь, орган РПЦЗ в США, 1990. – № 19.
- ⁵⁴⁹ Справка Канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ за № 4/77/1-33 от 2(15).8.1990. Архив В.В. Шумило.

⁵⁵⁰ Справка Канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ за № 4/77/1-33 от 2(15).8.1990. Архив В.В. Шуило.

⁵⁵¹ Определение Архиерейского Синода РПЦЗ от 5/18 мая 1990 г. Архив В.В. Шуило.

⁵⁵² Пред судом Божиим. Русская Православная Зарубежная Церковь и Московская патриархия. – Монреаль, Канада, 1990. – С. 37-38.

⁵⁵³ Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви... – С. 27.

⁵⁵⁴ История Русской Православной Церкви... – С. 519-520.

⁵⁵⁵ Письма катакомбного Епископа А. к Ф.М. // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://www.catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=168>

⁵⁵⁶ Виртуально-окультиная секта Амвросия Сиверса, самозванно именовавшая себя «ИПХ», объявила о самороспуске // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=26>

⁵⁵⁷ Там же.

⁵⁵⁸ Там же

⁵⁵⁹ Письмо Министерства образования РФ №549/28-16 от 12 июля 2000 г. органам управления образованием субъектов Российской Федерации // Религиозная безопасность России: сетевой журнал. 2010. URL: <http://stolica.narod.ru/obraz/n003.htm>

⁵⁶⁰ Виртуально-окультиная секта Амвросия Сиверса, самозванно именовавшая себя «ИПХ», объявила о самороспуске // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2006. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=26>

⁵⁶¹ Шуило С.В. Советский режим и «советская церковь». – СПб., 2006. – С. 120-122.

⁵⁶² Нечаева М. Ю. Лжекнязь Михаил. Дебют самозванца. Екатеринбург, 2000; Алексеев В.А., Нечаева М.Ю. Воскресшие Романовы?.. К истории самозванчества в России XX века. Ч. 2. – Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2002; Фирсов С.Л. Легенда о царском брате: Великий князь Михаил Александрович – Соловецкий патриарх Михаил // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 4; О происхождении неканонических групп «секачевцев», «алфеевцев», «федосеевцев», «исаакиевцев», «дегтярников» // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://www.catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1402>

⁵⁶³ Рожаева Е. Загадка последнего русского царя // Жизнь. – 2003, 18 июля. – № 153.

⁵⁶⁴ Нечаева М. Ю. Лжекнязь Михаил. Дебют самозванца. Екатеринбург, 2000; Алексеев В.А., Нечаева М.Ю. Воскресшие Романовы?.. К истории самозванчества в России XX века. Ч. 2. – Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2002.

⁵⁶⁵ О происхождении неканонических групп «секачевцев», «алфеевцев», «федосеевцев», «исаакиевцев», «дегтярников» // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://www.catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1402>; Свидетельство о том, как Серафим Поздеев совершал «хиротонии» Геннадия Секача и Алфея Барнаульского // Церковные ведомости. сетевой журнал. 2011. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1782>

⁵⁶⁶ Там же.

⁵⁶⁷ Тайный схимитрополит. Жизнеописание главы ИПЦ схимитрополита Геннадия (1898-1987). – М., 1991. – С. 36-37.

⁵⁶⁸ Там же.

⁵⁶⁹ О происхождении неканонических групп «секачевцев», «алфеевцев», «федосеевцев», «исаакиевцев», «дегтярников» // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://www.catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1402>

⁵⁷⁰ Там же.

⁵⁷¹ История Русской Православной Церкви... – С. 570.

⁵⁷² Историческая справка о происхождении и преемственности нео-липковских, экуменическо-сергианских групп на Украине // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=954>

⁵⁷³ Биографический справочник // ПСТГУ: сетевой ресурс. 2010. URL: http://www.pstbi.ru/bin/db.exe/no_dbpath/docum/cnt/ans/nm1/?NYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6Xbu*fS8ifOWd60W-feoUW88UfOuWeCQd60WAeCKUeOiici4ee8YUW88UfG06eymctmY* ; О молитве Иисусовой. Руководство в делании. Мученическая жизнь и богомудрые писания архиепископа Антония (Михайловского). – Житомир, 2009. – С. 21-88.

⁵⁷⁴ Свободное Слово.– 1990, 23 октября. – № 38 (68). – С. 6.

⁵⁷⁵ Смирнов Евлогий, архиеп. Это было чудо Божие. – М.: Даниловский благовестник, 2000. – С. 197-198.

⁵⁷⁶ Из справки прокуратуры Тульской области // Московский церковный вестник. –1991, январь. – № 2 (47). – С. 7.

⁵⁷⁷ К истории автокефального и филаретовского расколов. – К., 2002.

⁵⁷⁸ Українське православне слово (официальный орган УАПЦ в США), Саут-Бавнд-Брук, Н.Джерси, США, 1991. – № 4-5. – С. 9; Историческая справка о происхождении и преемственности нео-липковских, экуменическо-сергианских групп на Украине // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=954> ; Ярема Р., свящ. Церковные расколы в Украине. – К., 2007. – С. 23-27.

⁵⁷⁹ К истории автокефального и филаретовского расколов. – К., 2002.

ПУБЛИЦИСТИКА

Миссия РПЦЗ и Катакомбная Церковь

Русская Православная Зарубежная Церковь с первых дней образования всегда исповедовала себя неразрывной частью Поместной Русской Церкви, действующей за пределами территориальных границ Отечества. Оставаясь единой с Русской Церковью, РПЦЗ, на основании Указа № 362 Св. Патриарха Тихона, в 1936 г. объявила себя «временно самоуправляющейся на правах автономии» (п. 1 Положения о РПЦЗ 1936 г.) – до падения коммунизма и восстановления законного высшего церковного управления на Родине. Ни Архиерейский Собор, ни Архиерейский Синод РПЦЗ никогда не претендовали на присвоение полномочий Высшей Церковной Власти Русской Церкви, как и не посягали они, вплоть до начала 1990-х гг., на канонически не подвластные им катакомбные епархии и приходы ИПЦ на Родине.

Такое положение было обусловлено тем, что РПЦЗ не является ни Поместной, ни Автокефальной Церковью. Ее Церковное Управление в лице Синода и Собора, не будучи полнотой Церковной Власти для всей Поместной Русской Церкви, являлось лишь Временным Малым Собором для управления епархиями Заграницей, каноническая власть которого могла действовать только за пределами Отечества, как на это указывается в «Положении о РПЦЗ».

Первоиерарх РПЦЗ Митрополит Филарет (Вознесенский) от имени всей Зарубежной Церкви в Послании за 1965 г. так определял миссию РПЦЗ:

«Свободная, зарубежная часть Российской Церкви призвана говорить в свободном мире от имени гонимой Катакомбной Церкви в Советском Союзе» [Филарет (Вознесенский), Митрополит. О Катакомбной и Русской Зарубежной Церкви, 1965 г. // Русская Православная Церковь Заграницей 1918-1968. – Нью-Йорк, 1968. – Т.1. – С. 350].

Еще глубже суть миссии РПЦЗ раскрыл Заместитель Председателя Синода РПЦЗ Архиепископ Нафанаил (Львов):

«Совершенно реально наличествует опасность того, что голос Тайной Церкви будет никем не услышан, самое суще-

ствование ее останется человечеству неизвестным и перетолкованным. Нужно, чтобы у Тайной Церкви был ее рупор в свободном мире: по всей возможности, единая с ней, органически слитая ее часть, которая выполняла бы ту долю работы, какую Тайная Церковь, вершащая высочайший и труднейший подвиг, физически не может совершать: громко обличать дела священнослужителей, сдавшихся сатанинской силе, свидетельствовать об их неправомочности, выступать от имени гонимой ими Церкви, и этим /.../ свидетельствовать о славе Церкви и Ее мучениках. Это и делает наша Зарубежная Русская Православная Церковь» [Нафанаил (Львов), Архиепископ. Беседы о Священном Писании и о Вере и Церкви. – Нью-Йорк, 1995. – Т. 5. – С. 51].

В этой миссии – быть свободным голосом гонимой Катакомбной Церкви – заключался смысл и каноническое оправдание временного автономного существования РПЦЗ. При этом свое временное самоуправление РПЦЗ всегда рассматривала именно по отношению к Катакомбной Церкви на Родине, а не к созданной Сталиным в 1943 г. Московской патриархии, которую большинство Свв. Новомучеников и Исповедников Российских считали «новообновленческим расколом».

Уже в первом соборном Акте после выхода в Москве Декларации 1927 г., отмежевавшись от митр. Сергия и «прекратив сношения» с его новообразованным «временным синодом», Архиерейский Собор РПЦЗ от 27.8/9.9 1927 г. постановил: «Заграничная часть Русской Церкви почитает себя неразрывною, духовно-единою ветвью великой Русской Церкви. Она не отделяет себя от своей Матери Церкви и не считает себя автокефальною. Она по-прежнему считает своим главой Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Петра и возносит его имя за богослужениями» [Окружное Послание Архиерейского Собора РПЦЗ от 27.8/9.9 1927 г.]. Этим соборным определением Русская Зарубежная Церковь официально исповедала, что не признает своей Матерью-Церковью сергианский раскол в России, но сохраняет единство с Истинно-Православной Церковью, получившей благословение от пребывавшего в заточении Митр. Петра и возглавляемой тогда Митрополитами Иосифом Петроградским и Кириллом Казанским.

В последующих соборных документах РПЦЗ неоднократно подтверждала свое единство с Катакомбной Церковью на Родине.

Автономия РПЦЗ по отношению к Истинной Церкви в России была заложена в основание канонического существования Русской Зарубежной Церкви с самого ее создания. Об этом свидетельствует основной документ РПЦЗ, регламентирующий ее канонический статус, – «Временное Положение о Русской Православной Церкви Заграницей», утверждённое Общим Архиерейским Собором 9/22 и 11/24 сентября 1936 г. Это Положение (Устав) гласит:

«I. Русская Православная Церковь заграницей, состоящая из находящихся за пределами России епархий, духовных миссий и церквей, есть неразрывная часть Российской Православной Церкви, временно существующая на автономных началах. Имя Местоблюстителя Всероссийского Патриаршего Престола Митрополита Петра всегда возносится за богослужением во всех заграничных церквах» [Временное Положение о Русской Православной Церкви заграницей 1936 года // Официальный сайт Синода РПЦЗ: сетевой ресурс. 2006. URL: <http://www.russianorthodoxchurch.ws/synod/documents/polozhenie1936.html>].

Таким образом, из «Положения о РПЦЗ» за 1936 г. следует, что Зарубежная Церковь безоговорочно признавала над собой полномочия церковной власти на Родине. Как сообщается в официальном органе РПЦЗ «Православная Русь», № 13 (1754) за 1/14 июля 2004 г., «В связи с кончиной Местоблюстителя патриаршего престола Свщмуч. Петра Крутицкого, на Архиерейском Соборе Русской Зарубежной Церкви в декабре 1937 г. был составлен «Акт о законном преемстве звания Местоблюстителя московского патриаршего престола и возглавления Русской Православной Церкви после смерти Митрополита Крутицкого Петра» [Государственный Архив Российской Федерации, Москва (ГАРФ). Протоколы Архиерейского Собора РПЦЗ 1937 г., ф. 6343, оп. 1, д. 17, л. 4]. Признав притязания митр. Сергия (Страгородского) незаконными, Архиерейский Собор РПЦЗ признал митр. Казанского Кирилла законным Местоблюстителем, не зная о том, что Свщмуч. Кирилл был расстрелян 20 ноября 1937 г. Однако, ввиду гонений, Собор признал невозможным открыто

помянуть митр. Кирилла, постановив: «Помянуть митр. Кирилла, как Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола и Возглавителя Русской Церкви за проскомидией и в частных молитвах, но от возглашения его имени за Богослужениями воздержаться, чтобы не навлечь на него тяжких гонений со стороны безбожной власти большевиков. Настоящий акт хранить без опубликования, во свидетельство будущим временам о законном преемстве возглавления Русской Церкви» [Там же]. Вместо же открытого поминовения имени митр. Кирилла Собор постановил помянуть «Православное Епископство гонимыя Церкви Российския» [Там же, на обор.]».

Таким образом, на Соборе в декабре 1937 г. РПЦЗ не только исповедала единство с Истинно-Православной Церковью на Родине, но и признала своим законным главой и первоиерархом отца-основателя Катакомбной Церкви Митр. Кирилла Казанского. А введением формулы поминовения «О православном епископстве гонимыя Церкви Российския» Собор РПЦЗ в качестве обязательного вводил на литургии (перед поминовением Первоиерарха и епископов РПЦЗ) поминовение Предстоятеля и епископов Катакомбной Церкви на Родине. Год спустя на Архиерейском Соборе РПЦЗ в августе 1938 г. такое определение было вновь соборно подтверждено [ГАРФ. Ф. 6343, оп. 1, д. 18, л. 14 на обор.]. Действие этого постановления Собора РПЦЗ за 1937 г. сохранялось в Русской Зарубежной Церкви вплоть до объединения с сергианской Московской патриархией, хотя суть, смысл и значение введения формулы поминовения «Православного епископства гонимыя Церкви Российския» в РПЦЗ к тому времени были утрачены или искажены. Постановление Собора за 1937 г. никогда Зарубежной Церковью не отменялось и *de jure* оно действует до сего дня.

После II Мировой войны Сталин учредил «патриаршество» в советской церкви, а все Поместные Церкви, в результате предпринятых советскими спецслужбами мер, признали Московскую патриархию «законной наследницей поместной Православной Русской Церкви». На Русскую Зарубежную Церковь, оставшуюся верной единству с Катакомбной Церковью и единственную в свободном мире не признавшую МП, усилилось давление не только со стороны

коммунистического СССР и политических лидеров Европы и Америки, но и со стороны глав поместных Православных Церквей. Поэтому в новом «Положении о РПЦЗ» за 1956 год слово «автономия» относительно РПЦЗ было устранено, а его первые два параграфа стали выглядеть следующим образом:

«Пр. 1. Русская Православная Церковь за границей есть неразрывная часть поместной Российской Православной Церкви, временно самоуправляющаяся на соборных началах до упразднения в России безбожной власти, в соответствии с Постановлением Св. Патриарха, Св. Синода и Высшего Церковного Совета Российской Церкви от 7/20 ноября 1920 г. за № 362;

Пр. 2. Русская Православная Церковь за границей состоит из находящихся за пределами России и руководимых законным священноначалием епархий с их приходами» [Положение о Русской Православной Церкви Заграницей 1956 года // Официальный сайт Синода РПЦЗ: сетевой ресурс. 2006. URL: <http://www.russianorthodoxchurch.ws/synod/documents/polozhenierocor.html>].

Несмотря на то, что по политическим соображениям после II Мировой войны слово «автономия» было вынужденно изъято из «Положения о РПЦЗ», само Положение, как мы видим, по-прежнему, но в иной форме, говорит именно об автономии Зарубежной Церкви по отношению к Истинной Церкви на Родине.

При этом эмигрантская Зарубежная Русская Церковь, являясь только частью епископата и церковного народа России в изгнании и находясь на положении митрополии вне России (т.е. **на положении автономии**), по-прежнему не стремилась к присвоению автокефальных прав, считая себя, согласно «Положению о РПЦЗ», учреждением чрезвычайным и временным. Не признавая «Церковь-Матерь» созданную Сталиным в 1943 г. сергианскую Московскую патриархию, РПЦЗ сохраняла духовное единство с гонимой Катакомбной Церковью на Родине, по отношению к которой РПЦЗ всегда говорила о своем временном самоуправлении.

Духовное и евхаристическое единство с Катакомбной Церковью на Родине, Русская Православная Церковь Заграницей как неразрывная с нею часть многократно подтверж-

дала официальными соборными актами, в частности, на Соборах 1950, 1961, 1971, 1976, 1977 и иных годов.

В Воззвании за 1961 г. Первоиерарх РПЦЗ Митр. Анастасий (Грибановский) от имени всей Зарубежной Церкви свидетельствовал: *«Мы почитаем себя в духовном единении именно с Тайной Церковью, но не с допущенным безбожным правительством и исполняющим все его указания официальным управлением Московской патриархии во главе с патриархом Алексием...»* [«Наши вести». – 1991. – № 4].

В Послании III Всезарубежного Церковного Собора Православному народу на Родине 1974 г. о единстве с гонимой Катакомбной Церковью говорилось: *«Верные архипастыри, пастыри, иноки и миряне по обе стороны железного занавеса едины. Вместе они составляют Святую Церковь Русскую – неделимую, как неделим нешвенный хитон Христов...»* [Послание III Всезарубежного Церковного Собора Православному народу на Родине, 1974 г.].

В Послании Русскому народу в 1976 г. Архиерейский Собор РПЦЗ также заявил о своем единстве с Церковью Катакомбной на Родине [«Православная Русь». – 1976. – № 20].

Обращаясь к пастырям Катакомбной Церкви на Родине, называя их своими «Отцами и Учителями», Собор РПЦЗ 1976 г. возглашал:

«Веселитесь и радуйтесь, ныне живущие, несокрушимые исповедники веры Христовой! Мы благоговейно склоняемся перед подвигом вашим и говорим вам как младшие братья: Вы – свет современного, заблудшего во лжи и грехе мира, вы – соль земли нашей! Вы – те “десять праведников”, ради которых Господь терпит грехи наши! Вы – победители того, кто нагло мнит своими все царства мира и славу их, а вас победить не может! Вы – гибель его, а наша надежда, наша слава, наша победа! Мы благоговеем перед подвигом вашим, пастыри современных российских катакомб, пастыри, не искавшие легализации, совершающие свое служение втайне от князя мира сего, по благословению ваших мужественных иерархов! Живым примером безкомпромиссности и мужества служите вы нам, Отцы и Учители! Бог вам в помощь!» [«Православная Русь». – 1976. – № 20].

РПЦЗ и Ее Первоиерархи до начала 1990-х гг. никогда не смотрели на ИПЦ как на «составную часть РПЦЗ». В своем

Послании от 1/14 ноября 1965 г. Святитель Филарет (Вознесенский) недвусмысленно называет Катакомбную Истинно-Православную Церковь на Родине «Церковью-Сестрой». Оказание Ей всесторонней братской помощи всегда считалось одной из главных миссий РПЦЗ. Именно этой Церкви-Сестре по благословению Святителя Филарета и по решению Архиерейского Собора, прославившего Свв. Новомучеников и Исповедников Российских, в 1982 г. архиереями РПЦЗ была тайно оказана помощь в *восстановлении иерархии*, утраченной в результате гонений на Истинно-Православную Церковь на Родине. Тогда тайно в Москве был рукоположен во епископы один из священников Катакомбной Церкви архимандрит Лазарь (Журбенко). Как свидетельствовал многолетний келейник Митр. Филарета прот. Никита Чакиров, Владыка Филарет считал Катакомбную Церковь отдельной самостоятельной ветвью. «Мы должны рукоположить для них епископов, но садиться им на шею не должны», – говорил Святитель.

Многие иерархи Зарубежной Церкви считали, что ее миссия заключалась в том, чтобы в изгнании сохранить неповрежденным светильник Истинного Православия и иерархическую преемственность и после падения коммунизма вернуть их обратно на Родину. Канонический принцип Вселенской Церкви *обязывал* РПЦЗ восстановить *иерархию и церковное управление на Родине*, как только появится возможность осуществить это. Что и было отчасти исполнено РПЦЗ в 1982 году при восстановлении иерархии Катакомбной Церкви в СССР.

Ноябрь 2008 г.

Отзыв на книгу А. Л. Беглова «В поисках «безгрешных катакомб»*

I.

Издательским советом Московского Патриархата совместно с Институтом всеобщей истории Российской академии наук (РАН) в 2008 г. была издана монография сотрудника РАН, кандидата исторических наук Алексея Беглова под названием «В поисках “безгрешных катакомб”. Церковное подполье в СССР» [М.: Арфа, 2008].

Уже само название книги красноречиво говорит о ее тенденциозности и идеологической направленности.

Под видом научной монографии объемом в 350 страниц автор книги, являющийся убежденным сторонником МП, проводит четкую идеологическую линию, суть которой сводится к тому, что Катакомбной Церкви *как таковой* в СССР не существовало, а действовавшие в СССР подпольные общины верующих в основном составляли т.н. «нелегальную часть» МП.

Судя по всему, если раньше в СССР пытались всецело отрицать существование Катакомбной Церкви, то теперь отдельные идеологи перешли к иной, более изощренной тактике: они пытаются навязать ложную идею о том, что Катакомбная Церковь – это составная (т.с. «единоверческая») часть МП, существовавшая временно на нелегальном положении. При этом подлинную Катакомбную Церковь по-прежнему очерняют и дискредитируют, утверждая, будто общины исторической ИПЦ – это никак не взаимосвязанные между собой, замкнутые изнутри малочисленные маргинальные группы, выродившиеся в секты едва ли не изуверского характера.

В первом абзаце Введения, ссылаясь на ошибочные высказывания А. Солженицина 1970-х гг., А. Беглов тенденциозно называет историческую Катакомбную Церковь «благо-

* Печатается с сокращениями по:

Шумило С.В. Антикатакомбная идеология. Отзыв на книгу А.Л. Беглова «В поисках «безгрешных катакомб»» // Portal-credo.ru. 23.09.2009

честивой мечтой о “сколь безгрешной, столь и бестелесной катакомбе”, которая в глазах эмиграции не должна подменять “реальный русский православный народ» [Беглов А. В поисках “безгрешных катакомб”. Церковное подполье в СССР. – С. М.: Арефа, 2008. – С. 5]. И уже в следующем абзаце автор поясняет причины, которые побудили его к написанию данной книги: «Живучести мифов, которыми обросла эта тема, благоприятствует то обстоятельство, что пока не предпринято систематического научного изучения нелегальной церковной жизни советского времени» [С. 5]. Данный пробел, как поясняет историк, он и намерен заполнить – правда, собственными измышлениями. При этом А. Беглов критически оценивает даже научные исследования историка М. Шкаровского по истории «иосифлянства» и ИПЦ, отмечая: «В работах Шкаровского отечественная историография, хотя и изменила точку зрения на нелегальную церковную жизнь, не вышла за пределы “катакомбной” концепции, по-прежнему концентрируясь на изучении нелегалов-оппозиционеров» [С. 26].

К сожалению, книга Беглова во многом напоминает приспособленную к реалиям современного восприятия советскую агитку. Используемые автором риторика, штампы и термины до боли напоминают издания «союза воинствующих безбожников» или «словари атеиста» советских времен.

Однако в отличие от обычных полемических советских агиток, данная работа впервые под видом «научного системного анализа» на уровне РАН вносит коррективы в отечественную историографию: история Катакомбной Церкви запрограммирована в нужном идеологическом контексте с негативным оттенком.

Книга не скрывает своей тенденциозности не только по отношению к ИПЦ, но и к Русской Зарубежной Церкви. Вот высказывания автора об РПЦЗ:

«Выражение “катакомбы” стало орудием идеологической полемики авторов, принадлежавших к Русской Православной Церкви Заграницей. Мощное подполье в СССР, оппозиционное Московской патриархии, по мысли деятелей Зарубежной Церкви, доказывало нелегитимность легальной иерархии и тем самым оправдывало претензии РПЦЗ на имя единствен-

ной преемницы “тихоновской церкви” /.../ Такая трактовка “катакомб” имела четкую политическую направленность. Она, как отмечалось выше, была призвана укрепить позиции Зарубежной Церкви в ее полемике с Русской Православной Церковью Московского Патриархата /.../ Думается, не случайно тема “катакомб” получила развитие в эмигрантской прессе именно во второй половине 1940-х гг. В это время, после переезда Зарубежного Синода в Нью-Йорк, Русская Православная Церковь Заграницей все больше включалась в сферу интересов американской политики» [С. 10; 22].

Поражает, как идеологические клише молодого российского историка совпадают с советскими тезисами агитки С. Троицкого, увидевшей свет в 1960 г. под названием «О неправде карловацкого раскола», где аналогично утверждалось, что «миф о «катакомбной Церкви» – главный козырь карловацкой пропаганды» и что «под маскировкой «катакомбной Церкви» скрывается измена Родине» [Троицкий С.В. О неправде карловацкого раскола. – П., 1960. – С. 72; 74].

Что касается самой Катакомбной Церкви, то здесь автор, в полном соответствии с идеологическими клише советских времен, применяет такие нехарактерные для независимого ученого термины, как «иосифлянский раскол» [С. 93] и «изоляционисты» [С. 98], чьи «обычаи церковного подполья постепенно трансформировались во внецерковные практики» [С. 236], представляя собой «деградированные церковные практики» (С. 232), «одичание» [С. 227] и «мутацию церковной жизни» [С. 227], а их «эсхатологическое сознание, переходя в крайности, неизбежно приобретало маргинальные формы» [С. 98]. Утверждая, что в общинах ИПЦ произошли «умаление таинств», «утрата представления о значимости апостольского преемства» [С. 210] и «искажение еkkлезиологического сознания» [С. 211], А. Беглов пытается навязать советско-сергианскую аргументацию против ИПЦ:

«Редукция богослужений и исчезновение таинств к 1950-м годам стали отличительной чертой “катакомбной” субкультуры, равно как и уверенность в особой благодатной одаренности почитаемых лидеров. Оппозиционные по отношению к легальной Церкви настроения выражались не только в уверенности в ее еретической сущности или – у некоторых групп – в том, что патриарх – антихрист, но и, например,

в представлении, что благодать у этой Церкви отнята /.../ Общность базовых представлений и поведенческих стратегий этих общин обусловила сближение и других элементов их мировоззрения и религиозных практик. Так, антисоветский эсхатологизм был питательной средой для напряженных эсхатологических ожиданий, которые с неизменным постоянством в этот период и позже перерастали в эсхатологические движения новохлыстовского толка. Поэтому мифология и отчасти религиозные практики нового хлыстовства широко распространялись в пределах всей «катакомбной» субкультуры. Подобным образом обстояло дело и с «катакомбными» богослужениями. К 1950-м гг. отличительными чертами «катакомбной» субкультуры стали редукция богослужений и исчезновение таинств» [С. 218-220].

Обвиняя общины ИПЦ в «изоляциизме», «одичании» и «деградации», А. Беглов умалчивает о жесточайших гонениях коммунистической власти на ИПЦ, об арестах и расстрелах сотен тысяч священников и верующих за одну лишь принадлежность к ИПЦ, о содействии МП советским карательным органам в выявлении катакомбных общин, о том, что «изоляциялизм» и уход в глубокое подполье были вынужденной мерой в условиях тотальных репрессий против ИПЦ, о том, что т.н. «редукции богослужений» (точнее, служение «мирским чином») были связаны с арестами и расстрелами пастырей ИПЦ. Обо всем этом историк как бы «забывает» упомянуть...

Красной нитью А. Беглов проводит мысль о том, что основная масса катакомбного духовенства и паствы в 1940-е гг. присоединилась к МП, а те, которые присоединиться отказались, выродились в сектантство. Бывшие нелегальные общины, вошедшие в МП, автор монографии относит к «конформистским», утверждая, что «они сохранили традиционную религиозную культуру. В послевоенные годы они не только дали легальной церкви кадры священнослужителей и церковных работников; оставаясь в подполье, они много сделали для развития церковной литературы, апологетики, гомилетики, христианского образования» [С. 98].

Ошибочно утверждая, что в СССР для сохранения здоровой церковности и духовности не существовало иного пути, кроме конформизма (т.е. сергианства), А. Беглов подводит

четкую идеологическую установку: «В отличие от “конформистов”, изоляционисты создали собственную субкультуру. Подлинно эсхатологическое сознание, переходя в крайности, неизбежно приобретает маргинальные формы... Таков был финал последовательного неконформизма изоляционистских общин. Определенная степень конформизма, похоже, была условием выживания церковного подполья в СССР» [С. 98]. Так автор пытается оправдать сергианство, соглашательство с богоборцами и поправление чистоты Православной Веры и Церкви.

Развивая далее свои идеологические клише, А. Беглов продолжает в характерном советском стиле: «Легализация церковного подполья стала толчком для поляризации подпольных общин и формирования новой “катакомбной” субкультуры, противопоставившей себя базовой религиозной культуре патриаршей Церкви. В мировоззрении носителей альтернативной субкультуры соединились антисоветский эсхатологизм, церковно-оппозиционные настроения и поведенческий изоляционизм. В ней в качестве нормативных закрепились религиозные практики, существовавшие в подполье к середине 1940-х гг. и представлявшие собой деградировавшие церковные практики, в ней сформировался свой религиозный фольклор, обосновывавший размежевание с легальной Церковью. Широкое распространение в рамках альтернативной субкультуры получили хилиастические воззрения и представления о своих лидерах как о воплощениях Божества» [С. 231-232].

Умышленно навязывая читателю ложное представление об ИПЦ как о маргинально-сектантских группах хлыстовского толка, А. Беглов в качестве «доказательства» своей концепции приводит пример существовавшей в Центрально-Черноземном районе России общины Феодора Рыбалкина, пытаясь преподнести дело так, будто имевшие в ней место сектантские настроения были характерны для всей ИПЦ. Автор умалчивает, что группа «феодоровцев» к ИПЦ не принадлежала. Такой псевдонаучный подход, искажения и манипуляции фактами, характерные для советской историографии, прослеживаются во всей книге А. Беглова.

Однако, в отличие от прежних сергианских историков, А. Беглов уже не отрицает самого факта существования в

СССР катакомбных общин ИПЦ. Напротив, он говорит, что они были, но пытается искусственно придать им негативный оттенок, навязывая ложное представление об ИПЦ в целом. С этой целью Беглов пишет: *«Так в 1940-е гг. формируется религиозная субкультура, альтернативная базовой религиозной культуре Патриаршей Церкви, как легальной, так и подпольной ее части. Позднее носители этой субкультуры усвоят себе имя “катакомбников”, а свои общины станут именовать “катакомбной церковью”. Однако называть церковь конгломерат этих групп можно лишь условно»* [С. 217-218]. *«Говорить о них как о единой институции или даже Церкви не представляется возможным»* [С. 232]. И далее Беглов подводит итог: *«Такой подход позволяет целостно описывать жизнь и идеологию оставшихся в подполье общин, в равной степени учитывая все проявления их мировоззрения»* [С. 220].

По сути, утверждения, что катакомбные общины ИПЦ – это не что иное, как маргинально-сектантские группы, является главной идеологической наполняющей книги. Ее автор под видом мнимой научности, системного анализа и непредвзятости пытается в наихудших советских традициях откровенно навязать читателю мысль, что как таковой Катакомбной Церкви в СССР никогда не существовало, что это «политические мифы» идеологов РПЦЗ, работавших на американские спецслужбы, и что в СССР существовала только одна-единственная Патриаршая Церковь в виде *«как легальной, так и подпольной ее части»* [С. 97]. Аргументации последнего утверждения, собственно, и посвящена вся эта несоветская пропаганда, поданная под видом научной монографии.

Пытаясь идеологически обосновать претензии МП на наследие подпольной (катакомбной) Церкви, А. Беглов опускается даже до хулы и клеветы на Святых Новомучеников и Исповедников Катакомбной Церкви. Так, он утверждает, что один из выдающихся столпов ИПЦ – Священноисповедник схиэпископ Петр (Ладыгин, †1957) будто бы принадлежал не к ИПЦ, а к МП, а в основанном им катакомбном монастыре в горах Тянь-Шаня *«патриархов Сергия, а потом и Алексия признавали главой Русской церкви и молились за них»* [С. 50]. Неправду сказанного легко выявить, обратившись к автобио-

графическим воспоминаниям, которые оставил Схиепископ Петр.¹ По-видимому, автор рассчитывает на то, что большинство его читателей ничего не знает об этих воспоминаниях.

Подобная фальсификация и искажение фактов автору необходимы, дабы обосновать придуманный им миф о «*Патриаршей Церкви, как легальной, так и подпольной ее части*» [С. 97]. Не приводя никаких конкретных фактов, кроме искажения истории со схиепископом ИПЦ Петром (Ладыгиным), А. Беглов голословно утверждает, что «*многие епископы Патриаршей Церкви – в том числе помощники Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергия (Страгородского) – участвовали в созидании церковного подполья*» [С. 100]. Какие именно это епископы, и каким образом они «участвовали в созидании церковного подполья», автор не говорит. В другом месте он голословно утверждает: «*Сама идея негласной координации церковной жизни существовала в Патриархии*» [С. 77]. Беглов пишет также: «*Взаимодействие епископата и подпольных общин осуществлялось на уровне епархий или через личные связи легального епископа и нелегального духовенства. В 1940-е гг. легальный епископат в масштабе всей страны выступил с системой согласованных с центральным церковным руководством действий, направленных на вовлечение в процесс легализации большего числа незарегистрированных общин и священников*» [С. 235]. Продолжая эту мысль, Беглов утверждает, что «*в 1940-е гг. епископы Патриаршей Церкви активно использовали церковное подполье, чтобы добиться расширения церковной жизни и упрочить положение Церкви*» [С. 201].

Развивая миф о подпольной части МП как о распространенном общецерковном явлении, А. Беглов ссылается на единичные и крайне редкие случаи, когда некоторые из епископов МП (однако, как правило, опальные в самой МП, о чем автор умалчивает) решались на совершение священнических рукоположений, не санкционированных уполномоченными по делам религий. По словам Беглова, «*По меньшей мере, до 1970-х гг. в Русской Православной Церкви*

¹ Схиепископ Петр (Ладыгин). Непоколебимый столп Церкви Катакомбной // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2010. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1048>

сохранялась практика рукоположения отдельными архиереями тайных священников для окормления подпольных общин» [С. 249].

Среди архиереев МП, совершавших тайные рукоположения священников, А. Беглов называет митр. Иоанна (Вендланда), митр. Гурия (Егорова) и даже митр. Никодима (Ротова), а также упоминает о неких *«ныне здравствующих иерархах РПЦ»* [С. 250], имена которых, правда, он так и не называет. Что касается столь одиозной фигуры, как митр. Никодим Ротов (известный своим активным сотрудничеством с КГБ на международно-экуменической ниве), то А. Беглов приводит целую цитату ничем не подтвержденных свидетельств другого пропатриархийного историка Д. Поспеловского, утверждавшего, что тот *«совершил более сотни таких (тайных – прим. авт.) рукоположений»*. Комментируя подобные «свидетельства», Беглов отмечает: *«У нас нет оснований в принципе отрицать такого рода деятельность митрополита Никодима, но думается, что число совершенных им нелегальных хиротоний по неизвестным нам причинам было завышено»* [С. 250]. Правда, при этом А. Беглов вынужден оговориться, что *«нам доподлинно не известен ни один тайный ставленник митрополита Никодима»* [С. 250].

Соглашаясь, что т.н. «патриархийные катакомбы» или «подпольная часть Патриаршей Церкви» не имели оппозиционного настроения ни по отношению к советскому богороческому режиму, ни по отношению к официальному руководству Советской церкви (МП), А. Беглов пишет: *«Тайные рукоположения 1950–1980-х гг. были прежде всего мерой пастырского воспитания тех лиц, что вставали на путь нелегального служения Церкви... Так, тайные священнические рукоположения, как и другие виды церковного подполья, в 1950–1980-е гг. приобретали все более элитарный характер... Церковное подполье во всех своих проявлениях стало уделом элиты, уделом узкого круга участников. Если до Великой Отечественной войны подполье оставалось главным способом сохранения церковной жизни, то теперь центр тяжести религиозной активности все более перемещался из нелегальной в легальную сферу. Влияние церковного подполья на жизнь основной массы верующих неуклонно снижалось... Снижение нелегальной церковной активности происходило вследствие ряда*

социальных процессов, происходивших в СССР в 1950–1980 гг. В таком суженном виде нелегальная церковная жизнь сохранилась вплоть до 1990 г., когда советская система контроля над религиозными организациями прекратила свое существование» [С. 250-251].

II.

Совершенно очевидно, что попытка искусственно породить миф об МП в виде «как легальной, так и подпольной ее части» [С. 97], шита белыми нитками и носит откровенно заказной, идеолого-пропагандистский характер.

Выше нами были приведены цитаты А. Беглова о РПЦЗ. Согласно его утверждениям, РПЦЗ без «катакомбной концепции» автоматически теряет свои права на легитимность в противостоянии с МП. Советские спецслужбы хорошо понимали этот аспект, все силы направляя как на уничтожение ИПЦ, так и на разложение РПЦЗ изнутри, внедряя в ее среду просергианскую и антикатакомбную идеологию. Первым, кто начал внедрять в РПЦЗ новую идеологическую линию, отличную от исконно-зарубежной, был главный идеолог унии с МП архиеп. Марк (Ард) Берлинский, еще в 1992 г. писавший, что «*настоящей катакомбной Церкви больше нет*» [письмо еп. Марка Берлинского прот. М. Арцимовичу от 2 октября 1992 г.].

Утверждения влиятельнейшего члена Синода РПЦЗ еще на заре 1990-х гг. базировались на тех же аргументах, что и просергианская антикатакомбная концепция А. Беглова (опирающаяся, похоже, на «антикарловацкую» пропаганду С. Троицкого 1960-х гг.). Не исключено, что и рождена она была в одном месте, поскольку в последнее время в СМИ все чаще всплывают свидетельства о сотрудничестве в прошлом еп. Марка с советскими спецслужбами [см. *разоблачения полковника КГБ К. Преображенского в газете «Наша страна» и др.*]. Как бы там ни было, но именно начатая архиепископом Марком новая идеологическая линия в РПЦЗ обусловила ее унию с МП. И это закономерно. Как признает тот же А. Беглов, РПЦЗ без «катакомбной концепции» автоматически теряет свои права на легитимность в противостоянии с МП, а значит, она неизбежно должна

стать частью МП. Идеологическая диверсия, совершенная архиеп. Марком и поддерживавшими его членами Синода РПЦЗ архиеп. Лавром и еп. Иларионом, и смена курса – от исповедания духовного единства с ИПЦ до отрицания Катакомбной Церкви – стали главной составляющей новой идеологии, обосновывавшей необходимость объединения РПЦЗ с МП.

Удивительно то, что внедренная архиеп. Марком новая антикатакомбная идеология в течение 1990-х гг. настолько прочно пустила корни в сознании большинства духовенства и паствы РПЦЗ, что ее ныне воспринимают за «исконно-зарубежную» даже те из представителей «осколков» РПЦЗ, которые не пошли на унию с МП в 2007 году.

Так, один из уважаемых нами клириков РПЦЗ (имя сознательно не указывается) уже в 2008 г. утверждал, что «члены ИПЦ никогда организационно не выделялись в некую особую Катакомбную Церковь», или что *«О Катакомбной Церкви можно говорить только иносказательно. Катакомбной Церкви как таковой, как института, никогда не было и быть не могло».*

Как ни странно, но подобные утверждения некоторых представителей РПЦЗ равносильны учению протестантов, учащихся, что Православная Церковь не является прямой наследницей Христианской Церкви апостольских времен, поскольку, мол, как «институт» оформилась на много сот лет позже, во времена Св. Константина Великого, а до того Православной Церкви *«как института никогда не было и быть не могло».* Однако, как ошибочно учение протестантов, так ошибочны и утверждения, что Катакомбной Церкви в СССР не существовало, поскольку она не была оформлена как институт.

Но разве могут православные христиане строить свои теории о Церкви – Мистическом Теле Христовом – исключительно в категориях «институтов» и «администраций»? Разве такие категории применимы в данном случае? Налицо материализация сознания, отход от святоотеческого православного мировоззрения в сторону западных традиций и опасная политизация сугубо духовных вопросов.

Да, действительно, в годы советских гонений по объективным причинам физически невозможно было возобновить полноценное церковное управление ИПЦ. Уйдя в ка-

такомбы и применив Указ Св. Патр. Тихона № 362, истинная Церковь в СССР фактически прекратила свое внешнее существование как «административный институт». Но такое положение было временным, оно не являлось нормой, и обусловлено было теми условиями катакомбного служения в СССР, которые во всей своей полноте всем нам и представить теперь уже сложно.

Ссылаясь на отсутствие внешней церковной организации в ИПЦ, чекисты совместно с МП стали официально утверждать, что Истинно-Православной Церкви в СССР нет, что *«Катакомбной Церкви как таковой, как института, никогда не было и быть не могло»*, что *«называть церковь конгломерат этих групп можно лишь условно»*, что *«говорить о них как о единой институции или даже Церкви не представляется возможным»*, что все это *«благочестивая мечта о "сколь безгрешной, столь и бестелесной катакомбе", которая в глазах эмиграции не должна подменять реальный русский православный народ»* и т.п.

Все это не ново и известно не только из советского прошлого и настоящего, но и из более давних времен. Так, в XVI-XVII вв. аналогичные аргументы в схожей ситуации уже использовали идеологи Брестской унии 1596 года. Тогда в Украине гонимая властями Православная Церковь в течение двадцати лет тоже оставалась без единого епископа, поскольку вся православная иерархия Киево-Русской Церкви во главе с Первоиерархом приняла унию. Православие в Украине сохранялось лишь в лице рядового духовенства, казачества и простого народа. Лишь в 1620 г. при помощи Иерусалимского патриархата в Киево-Русской Церкви была нелегально (тайно от католической польской власти) восстановлена собственная иерархия. Однако этот факт не дает нам права сегодня считать, что с 1596 года на Украине не существовало Православной Церкви и что в 1620 г. она была учреждена здесь заново. Не давало и не дает это права и Иерусалимским патриархам претендовать на подчинение себе православной иерархии на Украине, хотя именно Иерусалимская Церковь нелегально рукоположила в 1620 г. епископов для Украины.

Официально в Речи Посполитой считалось, что с момента принятия епископатом в 1596 г. унии с Римом Православной

Церкви на Украине как «института» и «юрисдикции» больше нет. Такое мнение базировалось на утверждении западной формулы «епископоцентричности» (точнее, «епископского папизма»), подменяющей у католиков идею Христоцентричности и Соборности Церкви, а также, исходя из такой идеологии, – на факте отсутствия у православных собственного епископата и административного управления. Тот факт, что, согласно учению Святых Отцов, Телом Церкви является народ Божий, униатами во внимание не принимался, как не принимается он ныне МП. Однако, несмотря на отступление епископата и утрату административного управления, гонимая властями Православная Церковь в Украине в XVI-XVII вв. сохранилась, пребывая на нелегальном положении. Оставшиеся верными Православию духовенство и приходы были объявлены вне закона, а их служение осуществлялось нелегально, подобно ИПЦ в XX столетии: в лесах, подвалах, избах и т.п. Но именно это была истинная Православная Церковь, хотя и без внешних признаков «институтов» и «административных управлений».

Следует отметить, что ни в Св. Писании, ни в Св. Предании, ни у Св. Отцов – нигде нет указания о Церкви как о каком-то «институте», «административной структуре», «организации» или «юрисдикции». Такое представление чуждо Православию. Оно проникло в православную среду под влиянием западного, латинского мировоззрения, склонного оценивать все с рационально-практических позиций римского права, куда не могут вместиться православные понятия о Церкви как Мистическом Телес Христовом.

Вспомним, каково же действительно учение Православной Церкви по данному вопросу.

Отмечая мистический характер Церкви как Тела Христова, видный богослов РПЦЗ протопр. Михаил Помазанский в своей работе по Догматическому Богословию пишет: *«По буквальному смыслу слова, Церковь есть “собрание”, по-греч. ekklesia, от ekkaleo, собираю. В таком смысле употреблялось оно и в Ветхом Завете... Изображая Церковь в притчах, Спаситель говорит об одном стаде, об одном овчем дворе, одной виноградной лозе, одном основном камне Церкви... Истинность единой Церкви определяется православием ее членов, а не их количеством в тот или иной момент».*

Согласно толкованиям Св. Отцов: Глава Церкви – Христос, Очи Церкви – епископы, Руки Церкви – священники, Тело Церкви – народ Божий. Святоотеческому Православию чужд западный дух узкоклановой корпоративности, где в лице «непогрешимого» папства и иерархии сосредоточена вся «церковная полнота». В отличие от католицизма, Православие – это, прежде всего, Соборность. *«Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»* (Мф. 18, 20), – учит Христос.

В Православии все члены Церкви совместно составляют общий Собор народа Божия, который является «защитой веры и предания». Как отмечено в Окружном Послании Восточных Патриархов за 1848 г.: *«Хранитель веры у нас – самое тело Церкви, то есть самый народ Божий»*. Не случайно поэтому по канонам Евхаристию может совершать не один только епископ или священник, но в ней должна участвовать вся община верных, и Литургия не должна совершаться без прихожан, считающихся в православной традиции «царственным священством» (1 Пет. 2, 9). На Литургии обязательно должен присутствовать хотя бы один мирянин как представитель народа Божия, в противном случае Литургия не совершается.

Центральной частью мистической жизни Церкви как Тела Христова является Евхаристия. *«Церковь творит Евхаристию, а Евхаристия творит Церковь»*, – учит православное богословие. Евхаристия – это наше личное общение и единство с Главой Церкви – Христом. Посему справедливо утверждение, что Церковь там, где совершается Евхаристия, где приносится Безкровная Жертва Иисуса Христа, а не там, где есть внешние юридические формы организации.

Как в Киево-Русской Церкви в XVI-XVII веках, так и в ИПЦ в XX веке, Евхаристия не прекращала совершаться во все годы гонений на Православие, не прекращала приноситься истинная Безкровная Жертва Иисуса Христа, не прекращалось окончательно существование ни священства (совершавшего Евхаристию), ни народа Божия, участвовавшего в таинстве Евхаристии. А значит, именно здесь, а не у униатов, обновленцев или сергиан, была и Истинная Церковь, которая зиждется на крови Мучеников, и хранителем которой является «самое тело Церкви, то есть самый народ Божий».

Не имея внешней церковно-административной структуры и централизованного управления, Истинно-Православная Церковь Христова продолжала нести свое исповедническое служение в условиях конспирации и подполья, почему у нее и возникло другое наименование – Катакомбная Церковь. Как и в первые века христианства, ИПЦ представляла собой катакомбные общины верных, разбросанные по огромной территории СССР, объединенные не административно, *не институционально*, а вероисповедно, духовно, евхаристически, почему она и обрела столь ответственное имя – Истинно-Православная Церковь.

Катакомбная Церковь как Мистическое Тело сохранялась в лице малого остатка верных Исповедников и Мучеников, и Она была истинной Церковью – не «иносказательно» (как это теперь пытаются доказать в МП), а реально и действительно. В лице народа Божия, в лице Свв. Мучеников и Исповедников это была истинная Церковь в полном смысле этого слова, без западных примесей юридически-материализированного деления на земные «институты» и «юрисдикции».

Православная Церковь Христова по природе своей кафолична. Несмотря на внешние поместные границы и различие в традициях, Церковь ЕДИНА и составляет общую и равноправную соборную семью поместных Церквей-сестер, духовно единых через Своего Главу – Христа. Универсальный принцип кафоличности и единства Св. Церкви означает, что если одна из Поместных Церквей в результате гонений утратит собственную иерархию, то Она как Поместная Церковь не прекращает автоматически своего существования. Через духовное единство с другими Поместными Церквами Она продолжает сохраняться даже в случае временного отсутствия собственной поместной иерархии. Единственной причиной полного исчезновения какой-то отдельной Поместной Церкви может быть Ее отпадение от Православия, принятие «иной веры и иных богов», т.е. исчезновение в данной области народа Божия (тела Церкви) как хранителя Православной Веры. Так в свое время исчезла Поместная Римская Церковь: Она прекратила свое существование не потому, что отступили епископы, а потому, что не стало церковного народа, для которого можно было бы восстановить истинный православный епископат.

Если же народ Божий сохраняется, оставаясь верным Св. Православию, то при утрате поместной иерархии при помощи других Поместных Церквей епископат восполняется для данного народа верных (даже если сей народ представляет собой лишь «малый остаток»). Таков канонический принцип бытия Поместных Православных Церквей. Архиепископ Лазарь 27 апреля 1993 г. в своем докладе Архиерейскому Собору РПЦЗ обращает внимание на этот принцип, приводя исторические примеры: *«С середины 60-х годов в России Истинно-Православная Церковь очутилась на положении вдовствующей, подобно как в древности долгое время Карфагенская Церковь оставалась без Епископов дважды (30 лет и 24 года). То же нужно сказать о вдовстве Иппонийской Церкви, отцы Карфагенского Собора посылали туда 20 Епископов. Также престол Римский долгое время оставался праздным, пресвитеры Римские себя почитали представителями Церкви, которые должны были бодрствовать над стадом Божиим, и потому в качестве Епископского наместника входили в сношение с другими Церквами, и, как истинные представители своей Церкви, заботились об общем благосостоянии. Впоследствии эти Церкви восполнили благодать Епископской хиротонии от других Православных Церквей, всегда оставаясь на своей территории автокефальными, и никто из поставлявших во Епископы не претендовал на господство. Несмотря на то, что Катакомбная Церковь оказалась также в таком положении, она пребывала в духовном единении с другими Православными Церквами возношением на богослужения Православного Епископства и в некоторых приходах Превоиерарха Р.П.Ц.З. Российская Церковь, лишившись Епископов, продолжала быть в общении с православными других церквей, в частности с Р.П.Ц.З., от которой она восполнила Епископство, после полного истребления своего Епископата».*²

В дополнение приведенных Вл. Лазарем примеров, можно еще раз вспомнить историю с нелегальным восстановлени-

² Доклад Архиепископа Лазаря Одесского и Тамбовского Архиерейскому Собору РПЦЗ от 14/27 апреля 1993 г. // Церковные ведомости: сетевой журнал. 2009. URL: <http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=919>

ем Иерусалимской Церковью иерархии для Киево-Русской Церкви в 1620 г. (не согласовав этот вопрос даже с Константинопольским патриархатом, в составе которого на правах автономии тогда номинально пребывала Киевская Митрополия). Полезно вспомнить и недавние примеры, когда в 20-е гг. XX в. Вл. Анастасий (Грибановский) помог Иерусалимскому патриарху восстановить епископат Иерусалимской Церкви, или когда в 1960-е гг. епископат РПЦЗ помог в восстановлении иерархии для старостильной ИПЦ Греции. Вот как в докладе Архиерейскому Синоду РПЦЗ от 9/22 сентября 1993 г. писал об этом Еп. Григорий (Граббе): *«В свое время Митрополит Анастасий помог Иерусалимскому Патриарху восстановить канонический епископат его Церкви, рукоположив с ним ряд новых Епископов. Но никто никогда не сделал бы вывод из этого акта, что Зарубежная Церковь получила при этом административные права в Иерусалимском Патриархате. Таковую же точно помощь наш Синод оказал и в более позднее время старостильным грекам, отнюдь не претендуя на какие бы то ни было административные права в их Церкви»* [Доклад Еп. Григория (Граббе) Архиерейскому Синоду РПЦЗ от 9/22 сентября 1993 г.].

Неоспоримо, наличие канонического епископа в той или иной области есть важный и необходимый фактор полноценного бытия местной Церкви, поэтому катакомбное духовенство в СССР на протяжении многих лет предпринимало максимальные усилия по восстановлению канонического епископата ИПЦ, что и было успешно осуществлено в 1982 г. при братской помощи РПЦЗ. И вполне естественно, что как только ослабли гонения, представители ИПЦ, и в первую очередь Ее канонический епископ Лазарь, стали предпринимать все возможные усилия для восстановления как полноценного управления, так и внешних «институтов» ИПЦ.

Несмотря на все препятствия и трудности, а порой и ошибки, процесс постепенного восстановления полноценного церковного управления ИПЦ был доведен Архиепископом Лазарем до логического канонического завершения. Те, кто был близко знаком с Владыкой Лазарем, знают, как всю свою жизнь, силы и здоровье он положил на восстановление канонического церковного управления ИПЦ, разрушенного богоборческими гонениями советской власти. Результа-

том его многолетних трудов стало восстановление сначала Архиерейского Совещания (1994 г.), а потом, на его основе, – Архиерейского Синода РИПЦ (2003 г.).

Несмотря на неимовернейшие гонения и репрессии, Катакомбная Церковь, Ее наследие и традиции доказали свою жизнеспособность и востребованность как в прошлые, так и нынешние времена. В этом отношении отчасти можно признать справедливыми утверждения Беглова, что в Катакомбной Церкви сформировалась особая «субкультура», отличная от советско-сергианской. Эта т.н. «субкультура» сохранила в себе наследие и традиции Святой Руси. Именно в ней, как в сокровенном Граде-Китеже, они охраняются от советского и постсоветского воздействия, столь чуждого Катакомбной Церкви. Это наследие утверждено кровью и страданиями тысяч мучеников. В нем залог нашего духовного возрождения, в связи с чем его надлежит бережно сохранять и восстанавливать, приобщаться к нему, приумножая и обогащая его, а не пытаться всячески пресекать и подавлять. Опыт показывает, что любые попытки предать забвению наследие Катакомбной Церкви заведомо обречены на провал, с чьей бы стороны они ни исходили. Потому что Катакомбная Церковь – это живой и неувядаемый духовный организм, а Ее наследие, традиции и история уже более 80-ти лет являются неразрывной частью духовной культуры нашего народа, хоть и незаслуженно забытой нами.

Сентябрь 2009 г.

Памяти катакомбного схиигумена Феодосия (Ложкина)

22 апреля 2011 г. в Великую пятницу, когда Церковь воспоминает Крестные страдания и погребение Спасителя, отошел ко Господу один из старейших катакомбных пастырей Русской Истинно-Православной Церкви схиигумен Феодосий (о. Нестор Ложкин).

Отец Феодосий (в миру Николай Денисович Ложкин) родился в 1933 г. в семье катакомбных истинно-православных христиан. Всю жизнь принадлежал к Катакомбной Церкви. Из-за отказа вступать в пионеры был вынужден отказаться и от обучения в советской школе (он имел всего 7 классов образования). Воспитанный катакомбными старцами в истинно-православном духе, он не признавал советскую власть и советскую церковь. Вся его жизнь была преисполнена тягот и лишений во имя Христово.

Когда к концу 1970-х гг. большинство старых катакомбных священников отошли в мир иной, по воле Божией именно этому скромному и “неученому” истинно-православному христианину довелось принять на себя нелегкий крест тайного служения и окормления многочисленных овдовевших катакомбных общин ИПЦ в различных уголках безбожного СССР. Он был одним из первых катакомбных священников, рукоположенных сразу после тайного поставления Синодом РПЦЗ для Катакомбной Церкви епископа Лазаря (Журбенко) Тамбовского и Моршанского.

Принявший иноческий постриг с именем Никита у воронежских катакомбных старцев о. Иллариона (Андриевского) и о. Амвросия (Капинуса), он в 1982 г. был тайно рукоположен еп. Лазарем во иеродиакона, а в 1985 г. принял постриг с именем Нестор и позже был тайно рукоположен во иеромонаха. Служил о. Нестор в катакомбном Кресто-Воздвиженском скиту в станице Саратовская Краснодарского края, окормлял катакомбные общины ИПЦ на Кубани, Кавказе, Тамбовщине и Воронежчине.

Катакомбное служение о. Нестора было сопряжено с преследованиями и лишениями, постоянной необходимос-

тью вести скрытный, скитальческий образ жизни. Настолько скрытный, что его соседи и односельчане в станице Саратовской на Кубани до середины 1990-х гг. не знали, что он монах и священник, и звали его просто – дядя Коля... Опасность оказаться в любой момент выявленным сотрудниками КГБ принуждала прибегать к строгой конспирации, частой смене места жительства и т.п. Несмотря на большой риск для жизни, о. Нестор самоотверженно, неустанно объезжает катакомбные общины ИПЦ, разбросанные по всему СССР, тайно служит по ночам, проповедует, исповедует, причащает.

Однажды в 1980-е гг. во время тайного ночного богослужения, совершаемого на дому катакомбным епископом Лазарем, по чьему-то навету неожиданно нагрянула милиция. Отец Нестор при входе во двор сумел на время отвлечь безбожников, благодаря чему еп. Лазарю удалось покинуть помещение через окно и скрыться огородами. Не найдя тайного архиерея, милиция арестовала о. Нестора и, продержав всю ночь в отделении, пыталась добиться, кто у них архиерей и где он скрывается, однако «дядя Коля» так и не признался. Не признался он и в том, что является тайным священником ИПЦ.

Окружающие думали, что это простой деревенский мужичок, и никто не подозревал, что перед ними тайный священник ИПЦ.

После того, как в 1990 г. Синод РПЦЗ благословил вл. Лазаря выйти из подполья, отец Нестор пожелал остаться на катакомбном положении, продолжая окормлять катакомбные общины РИПЦ под омофором Синода РПЦЗ.

В 2001 г. по благословению Синода РПЦЗ епископ Вениамин (Русаленко) Черноморский и Кубанский возвел о. Нестора в сан игумена. После «удаления на покой» законного Первоиерарха РПЦЗ митр. Виталия (Устинова) о. Нестор остался верен заветам Катакомбной Церкви и не принял нового курса Синода РПЦЗ(Л) на объединение с Московской патриархией. До конца своих дней он сохранял верность страждущей Катакомбной Церкви, наследницей которой он считал Русскую Истинно-Православную Церковь.

В последние годы о. Нестор был настоятелем старейших катакомбных общин РИПЦ на Тамбовщине, в советские годы окормлявшихся катакомбным старцем схииеромона-

хом Серафимом (Марковым, †1979). (Иеросхимонах Серафим около 30 лет провел в сталинских тюрьмах и концлагерях, в середине 70-х гг. был пострижен в схиму иеромонахом Лазарем (Журбенко), которому и завещал окормление своей катакомбной паствы. Умер он на Пасху Христову сразу после заутрени в 1979 г. (в 2008 г. на Освященном Соборе РИПЦ прославлен в лике Святых Отцов-Исповедников Катакомбных)).

В феврале 2011 г. игумен Нестор принял постриг в великую схиму с именем Феодосий. Преставился ко Господу в Воронеже 22 апреля 2011 г. Перед смертью он пособоровался и причастился Святых Христовых Таин.

Погребение совершено в Светлый понедельник 25 апреля. Чин отпевания и погребения в сослужении духовенства епархии совершил Преосвященный Епископ Вениамин Черноморский и Кубанский, который в начале 1980-х гг. вместе с о. Нестором начинал свое тайное пастырское служение в Катакомбной Церкви.

Так завершился земной путь истинного служителя Христа, катакомбного исповедника и смиренного монаха, сполна испробовавшего в годы советских гонений всю горечь преследований и тайного служения в Катакомбной Церкви.

В нашей памяти – в памяти его прихожан и духовных чад – Схиигумен Феодосий (большинству запомнившийся как отец Нестор) навсегда останется примером пастыря доброго, душу свою полагающего за овцы своя. Незабываемыми останутся его простота, любвеобильность, сострадательность и искренность. Всю свою жизнь принадлежавший к Катакомбной Церкви, он с глубочайшим смирением и любовью пронес крест катакомбного исповедничества. Несмотря на свою простоту (а, может быть, – именно благодаря этой простоте, которой лишено большинство из нас), он сумел духовно помочь очень многим из своих духовных чад, в том числе и авторам этих строк. Это был яркий представитель уходящего поколения старых катакомбников, для которых неприемлемы были любые компромиссы с советским богоборчеством и для которых наибольшей ценностью в жизни было служение Истинно-Православной Церкви. О таких говорят, что они были гражданами Святой Руси посреди советской пустыни.

Верим, что ныне Церковь земная обрела в Небесных Обителях еще одного предстателя за нас грешных.

«Праведник умирает, и никто не принимает этого к сердцу; и мужи благочестивые восхищаются от земли, и никто не помыслит, что праведник восхищается от зла» (Ис. 57, 1).

*Сергей Шумило, Виталий Шумило,
апрель 2011 г.*

Памяти катакомбного схиархиепископа Лазаря (Журбенко)

30 июня 2005 г., во время Петрова поста, скончался старейший русский катакомбный архипастырь схиархиепископ Лазарь (Журбенко), Председатель Архиерейского Синода Русской Истинно-Православной Церкви (РИПЦ).

Родился владыка Лазарь (в миру Феодор Иосифович Журбенко) в 1931 г. Во время искусственно спровоцированного советской властью голодомора 1930-х гг. он осиротел: мама умерла от голода, бабушка и дедушка были большевиками сосланы в Сибирь, где и погибли.

Духовное воспитание юный Феодор Журбенко проходил у старцев Истинно-Православной Церкви (ИПЦ) на Кубани о. Константина Высоцкого, иером. Самуила и иеросхим. Феодосия (Кашина), не принявших советской власти и из-за гонений перешедших на нелегальный (катакомбный) способ служения. Позже исполнял при старце Феодосии (Кашине) Кавказском послушание связного, возил к нему нелегально группы катакомбных паломников.

17 сентября 1947 г., в шестнадцать с половиной лет, тайно был пострижен в иноки с именем Феодосий иеросхимонахом Феодосием (Кашиним), духовным чадом коего он был.

21 марта 1950 г., в 19 лет, арестован за принадлежность к ИПЦ и 13 января 1951 г. осужден по ст. 58-10 ч. 2 и ст. 58-11 Уголовного кодекса РСФСР на 10 лет сталинских концлагерей. Отбывал срок в Карагандинском концлагере, где исполнял тяжелые каторжные работы на медных рудниках, каменных карьерах, лесоповалах и т.п. В лагере неоднократно помещали в карцер, подвергали избиениям и унижениям за веру. Тайно окормлялся у катакомбного исповедника-«мечевца» прот. Владимира Криволуцкого (†1956), также отбывавшего срок в Карагандинском концлагере. Общался с единомышленниками на специально разработанном в лагере языке жестов.

В 1955 г., после смерти Сталина и объявления амнистии, изможденный и обессиленный лагерными работами, голо-

дом и болезнями Ф. И. Журбенко освобожден по состоянию здоровья.

После лагеря, поскольку жить было негде, а также, чтобы не привлекать внимания МГБ, по благословению катакомбных монахов некоторое время жил и обучался при Глинской пустыни, где подвизалось немало бывших катакомбных схимников. Духовное ядро обители до самого ее закрытия составляли подвижники, жившие в Глинской пустыни еще до 1922 г., а с конца 1920-х гг. принадлежавшие к Катакомбной Церкви. В 1958 г. таковых было около одной пятой от общего числа насельников. Среди наиболее известных катакомбных подвижников, не принявших в 1927 г. сергиевой Декларации и возродивших в годы оккупации Глинскую пустынь, были архим. Нектарий (Нуждин, †1943), схиигумен. Антоний (Ветер, †1946), иеросхим. Никодим (Калиуш, †1953), иеросхим. Серафим (Амелин, †1958) и многие другие. Восприняв от Глинских старцев XIX и начала XX веков древние иноческие традиции обители, они передавали их следующим поколениям. Во второй половине 1950-х гг. среди насельников пустыни числились также духовный сын оптинского старца Анатолия иеросхимонах Паисий (Гришкин), схимонах Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря Симон (Хондошко), афонский схимонах Варсонофий (Середа). Настоятелем обители тогда был схиархим. Андроник (Лукаш, †1974), принявший Ф. Журбенко в монастырь, сочувствовавший ИПЦ и защищавший его от нападков со стороны некоторых монахов из-за того, что тот не принимал таинств МП. Были в то время в Глинской пустыни и иеромонахи, и монахи Русской Зарубежной Церкви, поверившие пропаганде МП и переехавшие из Китая в СССР. От них будущий Архиепископ Лазарь впервые и узнал много подробностей о жизни Русской Зарубежной Церкви.

Трудясь при Глинской пустыни, инок Феодосий поддерживал отношения с еп. Афанасием (Сахаровым), архиеп. Виктором (Святиным, бывш. Пекинским РПЦЗ), еп. Зиновием (Мажугой, в схиме – Серафим), схиархим. Кукшой (Величко) и другими. В то же время он, несмотря на настоятельные увещания, так и не примкнул к Московской патриархии, воздерживаясь в обители от принятия таинств. Неподалеку от монастыря в с. Положки Сумской области подвизался

катакомбный старец иеромонах Питирим (†1968), бывший насельник Глинской пустыни, не признавший Московской патриархии. Отец Питирим до революции сослужил св. Иоанну Кронштадтскому, отличался даром прозорливости, однажды в лесу 40 суток просидел на сосне без еды и воды. К нему время от времени и ездил тайно инок Феодосий.

После того, как в начале 1960-х гг. Ф. Журбенко по распоряжению Сумского епархиального управления (после проверки паспортного режима в монастыре) был насильно выдворен из Глинской пустыни как «неблагонадежный», он возвратился на Кубань, где окормлялся у катакомбных старцев-исповедников о. Тимофея (Несговорова) и о. Герасима (Замесина). Скрывался от властей, странствовал, занимался пчеловодством на пасеках.

В начале 1960-х гг. через сотаинника старца Феодосия (Кашина) – афонского архимандрита Евгения (Жукова) установил тайную переписку с архиепископом РПЦЗ Леонтием (Филлиповичем) Чилийским, бывшим катакомбным священником, поставленным в годы войны во епископа Житомирского. После установления переписки в овдовевшей Катакомбной Церкви, оставшейся после смерти схиэпископа Петра (Ладыгина) без канонических архиереев, истинно-православные духовенство и верующие стали считать архиепископа Леонтия своим кир-иерархом, тайная связь с которым осуществлялась через инока Феодосия (Журбенко).

Таким образом в 1960-е гг., благодаря стараниям ин. Феодосия, между овдовевшей катакомбной ИПЦ и РПЦЗ было установлено тайное духовное общение, а в ИПЦ – поминовение Первоиерархов РПЦЗ. Будучи принятым под омофор архиепископа Леонтия, инок Феодосий переслал ему также Прошения об урегулировании канонического положения и приеме под его святительский омофор иером. Илариона (Андриевского), о. Амвросия (Капинуса, в схиме Анувий) и о. Игнатия (Склярова) из Воронежа, о. Михаила Рождественского из Петрограда, о. Никиты Лехана из Харькова, о. Александра (Орлова) из Сибири, о. Виссариона (Маркова, в схиме Серафим) из Тамбова и ряда других катакомбных батюшек.

В 1971 г., по письменному благословению и направлению архиепископа Леонтия Чилийского, для служения в Ката-

комбной Церкви инок Феодосий (Журбенко) был тайно рукоположен во священники архиепископом Вениамином (Новицким), отбывшим 12-летнее заключение в сталинских концлагерях на Колыме и рукополагавшим ранее и еп. Леонтия. Архиепископ Вениамин тайно поддерживал ИПЦ, он был одним из немногих, кто не запятнал себя сотрудничеством с КГБ и пребывал в опале в МП.

Поскольку иноческий постриг Ф. Журбенко принимал в Катакомбной Церкви, то перед посторонними он по-прежнему скрывал свое тайное иноческое имя. В 1975 г. он был пострижен в монашество с именем Лазарь духовным сыном старца Амвросия Оптинского – схиархимандритом Амвросием (Ивановым). На новое имя ранее также письменно указал архиепископ Леонтий Чилийский.

Имея ставленническую грамоту от архиепископа Вениамина (Новицкого), иером. Лазарь пытался выехать по оформленному архим. Евгением (Жуковым) вызову на Афон и таким образом эмигрировать из СССР, но власти ему отказали.

Тайно принятый обратно в общение с духовенством ИПЦ, в середине 1970-х гг. иеромонах Лазарь основал ряд катакомбных монастырей на Кубани. Постригал в схиму с именем Серафим известного катакомбного старца-исповедника о. Виссариона (Маркова) из Тамбова, который передал и завещал окормление своей катакомбной паствы о. Лазарю. Перед смертью завещал своей пастве окормляться у о. Лазаря также выдающийся катакомбный старец-исповедник о. Тимофей (Несговоров) и другие. Таким образом, к концу 1970-х гг. под окормление о. Лазаря перешли многочисленные овдовевшие катакомбные общины от Сибири и Казахстана до Кубани и Украины. Все они не признавали новоявленных лжекатакомбных самосвятских групп «поздеевцев», «секачевцев», «алфеевцев» и других и ориентировались на духовное единение с РПЦЗ.

Отец Лазарь поддерживал тесные отношения с представителями диссидентского движения в СССР. Через них он нелегально передавал документы на Запад, в Синод РПЦЗ.

11 января 1981 г. в Женеве заместитель председателя Синода РПЦЗ, архиепископ Западно-Европейский Антоний (Бартошевич) заочно возводит иером. Лазаря в сан архимандрита. А 10 мая 1982 г. по благословению Первоиерарха

РПЦЗ митрополита Филарета (Вознесенского) архим. Лазарь тайно рукоположен во епископа Катакомбной Церкви нелегально прибывшим в СССР епископом РПЦЗ Варнавой, также тайно поставленным во епископа для хиротонии о. Лазаря. После хиротонии катакомбный владыка Лазарь постоянно скрывался от властей и переезжал с одного места на другое, тайно служил по домам и рукополагал для овдовевших общин ИПЦ новых священников.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг., после объявления т.н. «перестройки» и наступления относительной свободы, вышел из подполья и стал принимать под омофор ИПЦ-РПЦЗ прихожан и священников МП, положив начало открытию легальных приходов РИПЦ-РПЦЗ на Родине. С 1990 г. катакомбный епископ Лазарь Тамбовский и Моршанский – член Архиерейского Собора РПЦЗ, возведен в сан Архиепископа.

В 1994 г. Архиерейским Собором РПЦЗ назначен Председателем Архиерейского Соевещения РИПЦ – канонического органа управления епархиями и приходами на Родине.

11 марта 2002 г. Первоиерарх РПЦЗ митрополит Виталий (Устинов) своим Распоряжением-Завещанием на имя архиепископа Лазаря благословил создать Архиерейский Синод РИПЦ на Родине, который пребывал бы в духовном общении с РПЦЗ. Это Распоряжение митрополита Виталия было вынесено на соборное рассмотрение II Всероссийского Соевещения архиереев, духовенства и мирян РИПЦ, состоявшегося в Воронеже 17-18 апреля 2002 г. под председательством главы Архиерейского Соевещения архиепископа Лазаря и его заместителя епископа Вениамина. На Соевещании, на основании Указа св. патриарха Тихона № 362 и Распоряжения-Завещания митр. Виталия от 11 марта 2002 г., было принято решение о совершении для РИПЦ архиерейских хиротоний и преобразовании созданного с благословения Архиерейского Собора РПЦЗ в 1994 г. Архиерейского Соевещения в Архиерейский Синод РИПЦ.

В августе 2002 г. Председателем Архиерейского Синода РИПЦ избран старейший русский катакомбный архиерей – архиепископ Лазарь Одесский и Тамбовский.

Владыка Лазарь являлся хранителем Чудотворного образа Иверской иконы Божией Матери «Благоухающего», пере-

данного ему св. мучеником Иосифом Муньосом по духовному откровению их общего наставника – святителя Леонтия (Филлиповича) Чилийского.

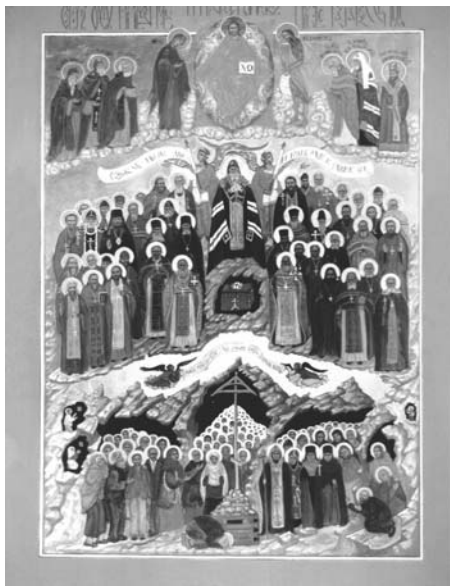
Предчувствуя свою близкую кончину, владыка Лазарь пожелал принять постриг в великую схиму. 29 июня 2005 г., в день памяти преподобного старца схиархимандрита Моисея Оптинского (в прославлении которого в 1990 г. на Архиерейском Соборе РПЦЗ принимал участие вл. Лазарь), архиепископ Вениамин Черноморский и Кубанский совершил над вл. Лазарем постриг в великую схиму с оставлением прежнего имени.

Кончина схиархиепископа Лазаря наступила в преддверии празднования Одигитрии Русского Рассеяния Курско-Коренной Иконы Божией Матери 30 июня в 20.10 по киевскому времени во время соборного служения Чина на разлучение души от тела.

Знаменательно, что третий день кончины схиархиепископа Лазаря, день, в который душа усопшего, по преданию Церкви, идет на поклонение Господу, – совпадает с днем памяти свят. Иоанна (Максимовича) и духовного наставника владыки Лазаря архиепископа Леонтия Чилийского, а сороковой день – с днем блаженной кончины его первого духовного отца, постригавшего его в иночество, – кавказского катакомбного старца иеросхимонаха Феодосия (Кашина).

Владыка Лазарь посвятил всю свою жизнь восстановлению канонического обустройства и бытия Катакомбной Церкви. Он был собирателем разрозненных богоборческим гонением церковных общин в единую каноническую церковную ограду. Его мирная и благодатная христианская кончина явилась свидетельством его подвига служения, страдания и исповедничества, его стояния в Вере и Истине. Нескончаемые поношения, клеветы, гонения и изгнания, которые пережил владыка Лазарь при жизни, были, по слову преп. Иустина (Поповича), теми «стопами, которыми ходит добродетель в мире сем».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список катакомбного духовенства, причисленного Собором РИПЦ к лику Святых Отцов-Исповедников и Мучеников Катакомбных *

1. Схиепископ Петр (Ладыгин, †1957);
2. Архиепископ Прокопий (Титов, †1937);
3. Схиеромонах Феодосий (Кашин, †1948);
4. Иеромонах Александр (Орлов, †1977);
5. Иеромонах Тимофей (Несговоров, †1975);

* Акт о соборном прославлении во святых Отцов-Исповедников Катакомбных. Освященный Собор РИПЦ, 14/27 октября 2008 г.; Дополнение к списку Собора Святых Отцов-Исповедников Катакомбных, Архиерейский Синод РИПЦ, 7/20 июня 2011 г. // www.catacomb.org.ua

6. Иерей Михаил Рождественский (†1988);
7. Иеромонах Тихон (Зорин, †1976);
8. Архимандрит Клавдий (Савинский, †1942);
9. Протоиерей Владимир Богданов (†1931);
10. Протоиерей Владимир Кривоуццкий (†1956);
11. Архимандрит Серафим (Батюков, †1943);
12. Иерей Димитрий Крючков (†1952);
13. Протоиерей Сергей Мечев († 1942);
14. Схиеромонах Серафим (Марков, †1979);
15. Архимандрит Иларион (Андреевский, †1961);
16. Схиеромонах Амвросий (Капинус, †1966);
17. Архимандрит Никандр (Стуров, †1955);
18. Иеромонах Игнатий (Скляр, †1972);
19. Иерей Алексей Козяев (†1968);
20. Иеромонах Пимен (Вахрушев, †1971);
21. Иерей Филипп Аникин (†1974);
22. Протоиерей Никита Игнатъев (†1974);
23. Архимандрит Александр (Филиппенко, †нач. 1960-х гг.);
24. Протоиерей Филипп Сычѳев (†1978);
25. Протоиерей Павел Левашов (†1937);
26. Иеромонах Феодор (Рафанович, †1975);
27. Иеромонах Герасим (Каешко, †1930);
28. Иеромонах Антоний «Причелесский» (†сер. 1970-х гг.);
29. Иерей Василий (†1940);
30. Схиархимандрит Антоний (Жеретиенко, †1950);
31. Иерей Андрей Бойчук (†1941);
32. Схиеромонах Феодосий (Жиденко, †кон. 1960-х гг.);
33. Иерей Димитрий Шпаковский (†1942);
34. Иерей Владимир Веселовский (†1974);
35. Схиеромонах Никодим (Конюхов, †1975);
36. Игумен Алипий (Яковенко, †1943);
37. Иеромонах Филарет (Метан, †1976);
38. Иерей Никита Лехан (†1985);
39. Иеромонах Серафим (Шевцов, †1955);
40. Архимандрит Тихон (Баляев, †1953);
41. Иеромонах Амфилохий (Фурс, †1969);
42. Иеромонах Пахомий (Петин, †1985);
43. Иерей Елисей Назаренко (†1937);
44. Иерей Антипа Злотников (†1937);
45. Архимандрит Тихон (Кречков, †1937);

46. Схиархимандрит Иринея (Попов, †1952);
47. Иеромонах Антоний (Гирчев, †1946);
48. Архимандрит Макарий (Величко, †1940-е)
49. Иерей Андрей Хрисанов (†1978).
50. Протоиерей Иоанн Русанович (†1939)
51. Протоиерей Владимир Амбарцумов (†1937)
52. Прот. Александр Гомановский (в тайном монашестве Даниил, †1940-е)
53. Архимандрит Георгий (Смильницкий, †1930-е),
54. Игумен Смарагд (Чернецкий, †1930-е),
55. Игумен Ефрем (Кислый, †1930-е),
56. Иеромонах Михаил (Корма, †1930-е),
57. Иеромонах Иннокентий (Козько, †1930-е),
58. Иерей Гавриил Павленко (†1930-е),
59. Иерей Иоанн Смоличев (†1930-е),
60. Иеродиакон Мисаил (Стишковский, †1930-е),
61. Иерей Григорий Сокрута (†1993);
62. Димитрий Сухоцкий (†1938).

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю	5
Конспект по истории Истинно-Православной Церкви в СССР	7
1. Гонения на Церковь после 1917 г. Патриарх Тихон и борьба за православие	8
2. «Тихоновская» Церковь в период Местоблюстительства. Новые гонения и расколы	32
3. Уход «тихоновской» Церкви в катакомбы	47
4. Служение Катакомбной Церкви в 1930-е годы	65
5. Катакомбная Церковь в годы войны	74
6. Катакомбная Церковь в послевоенный период	86
7. Катакомбная Церковь в годы «хрущевской оттепели» и «брежневского застоя»	106
8. Катакомбная Церковь в период «безъепископства». Зарождение самосвятских течений и борьба с ними в ИПЦ	124
9. Тайная связь между Катакомбной Церковью и РПЦЗ	150
10. Собор РПЦЗ в 1981 г. и восстановление иерархии Катакомбной Церкви	162
11. Катакомбная Церковь в 1980-х – начале 1990-х годов	167
12. Дополнительные пояснения	186
13. Примечания	202
Публицистика	231
Миссия РПЦЗ и Катакомбная Церковь	232
Отзыв на книгу А. Л. Беглова «В поисках «безгрешных катакомб»	239
Памяти катакомбного схиигумена Феодосия (Ложкина)	256
Памяти катакомбного схиархиепископа Лазаря (Журбенко)	260
Приложение	
Список катакомбного духовенства, причисленного Собором РИПЦ к лику Святых Отцов-Исповедников и Мучеников Катакомбных	266

Научно-популярное издание

Сергей Шумило

В КАТАКОМБАХ **Православное подполье в СССР**

*Конспект по истории
Истинно-Православной Церкви в СССР*

Научный редактор В. Ткаченко
Макет А. Криштальского
Художественное оформление И. Жука

*На лицевой стороне обложки изображен
снос большевиками Николаевского собора в Харькове в 1929 г.,
на задней стороне обложки
изображены Антониевы пещеры в Чернигове,
где в 1930-е гг. тайно молились последователи ИПЦ.*

Формат 84x108/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.

Издательство “Терен”
43025, г. Луцк, Главпоштамт, а/я 157
Тел. 050-6743321
Ел. почта: teren.lutsk@gmail.com

Свидетельство Государственного комитета
телевидения и радиовещания Украины
ДК № 1508 от 26.09.2003 г.

Отпечатано в типографии
ВМА “Терен”

Координаты автора:

E-mail: rusich@lenta.ru

Тел.: +38 (097) 721-42-35

Адрес для писем:

14010, Украина,
г. Чернигов, а/я 240
(для Шумило Сергея Викторовича)

Ш 96 Шумило С. В. В катакомбах. Православное подполье в СССР.
Конспект по истории Истинно-Православной Церкви в СССР. –
Луцк : Терен, 2011. – 272 с.

ISBN 978-966-2276-52-7

Книга посвящена драматической и малоисследованной теме – гонениям на Православную Церковь и формированию православного подполья в СССР. Автор анализирует причины ухода части православного епископата, духовенства и верующих в подполье (катакомбы), а также возникновения в СССР Истинно-Православной Церкви (известной как «Катакомбная Церковь»), просуществовавшей на нелегальном положении вплоть до крушения коммунистического режима.

Основой книги стали воспоминания очевидцев, авторские наблюдения и публикации ведущих исследователей этой темы. Использование автором не публиковавшихся ранее свидетельств последователей ИПЦ-ИПХ делают работу особо актуальной и познавательной.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на тех, кто интересуется церковной историей.

УДК 94(4)“19”
ББК 63.3(2)6